

П.М. Тюрин

Текстовые скрепы
таким образом и итак
в современном русском языке:
особенности функционирования
и семантики

Владивосток
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет

П.М. Тюрин

ТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ
ТАКИМ ОБРАЗОМ И ИТАК
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И СЕМАНТИКИ

Монография

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2016

УДК 81
ББК 81
Т98

Рецензенты:

В.Н. Завьялов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»;
Е.А. Стародумова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет»

Тюрин, Павел Михайлович.

Т98 Текстовые скрепы *таким образом* и *итак* в современном русском языке: особенности функционирования и семантики : монография / П.М. Тюрин. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. – 202 с.
ISBN 978-5-7444-3792-3.

В монографии представлен разноаспектный анализ текстовых скреп «таким образом» и «итак», встречающихся в текстах различных стилей и жанров, но до сих пор не получивших системного описания. Упор сделан на функциональные и семантические характеристики данных единиц, категориальный статус и методику их анализа, которая может быть применена и к другим единицам данного функционального класса. Работа снабжена расширенными иллюстрациями употребления проанализированных текстовых скреп.

Предназначена для учёных-филологов, докторантов, аспирантов, а также всех тех, кто интересуется исследованиями в области теории текста и служебных слов русского языка.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7444-3792-3

© ФГАОУ ВПО «ДВФУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Изучение текста и текстовых скреп как особых показателей внутритекстовых связей	9
1.1. Текст в современной науке и подходы к его изучению	9
1.1.1. Текст в современной гуманитарной парадигме	9
1.1.2. Лингвистические подходы к изучению текста и становление лингвистики текста	13
1.1.3. Проблема определения текста в лингвистике	15
1.1.4. Смысловое членение текста	17
1.1.5. Текстовые категории	20
1.2. Изучение текстовых скреп. Текстовые скрепы в кругу смежных явлений	21
1.2.1. Экспликаторы внутритекстовых связей	21
1.2.2. Вопрос о термине «текстовая скрепа»	23
1.2.3. Принципы классификации текстовых скреп	25
1.2.4. Текстовые скрепы и метатекст	26
1.2.5. Текстовые скрепы и дискурс	29
1.2.6. Текстовые скрепы и модус	33
1.2.7. Категориальный статус текстовых скреп	36
1.2.8. Особенности семантики текстовых скреп как представителей класса служебных слов	41
Глава 2. Текстовые скрепы «таким образом» и «итак»: особенности функционирования, семантики и параметры их описания	45
2.1. Функционирование и семантика текстовой скрепы «таким образом»	45
2.1.1. Общая характеристика текстовой скрепы «таким образом»	45
2.1.2. Функция присоединения логического вывода-следствия текстовой скрепы «таким образом»	53

2.1.3. Резюмирующая функция текстовой скрепы «таким образом»	59
2.1.4. Семантический аспект описания текстовой скрепы «таким образом»	70
2.2. Функционирование и семантика текстовой скрепы «итак».....	77
2.2.1. Общая характеристика текстовой скрепы «итак»	77
2.2.2. Резюмирующая функция текстовой скрепы «итак»	87
2.2.3. Функция присоединения логического вывода-следствия текстовой скрепы «итак»	98
2.2.4. Сигнальная функция текстовой скрепы «итак»	103
2.2.5. Семантический аспект описания текстовой скрепы «итак»	112
2.3. Методика описания употребления текстовых скреп «таким образом» и «итак» в их различных функциях.....	120
2.3.1. Анализ употребления резюмирующей скрепы	121
2.3.2. Анализ употребления скрепы, присоединяющей логический вывод-следствие	127
2.3.3. Анализ употребления сигнальной скрепы	131
Заключение	137
Список литературы	143
Приложения	158
Приложение 1. Иллюстрации различных функций текстовых скреп «таким образом» и «итак».....	158
Приложение 2. Примеры неудачного использования «таким образом» и «итак»	177
Приложение 3. Лексикографическое описание текстовых скреп «таким образом» и «итак».....	187

XX век в науке ознаменовался пристальным вниманием к тексту – особому феномену реальности, чрезвычайно сложному по своей природе и структуре. Ведущие роли в изучении текста, несомненно, принадлежат лингвистике, т. к. текст – это, прежде всего, речевое, а уже потом художественное произведение, фрагмент картины мира и т.д. Именно в рамках лингвистики началось осмысление текста с точки зрения его ключевых признаков, так или иначе свойственных всем текстам (правда, с оговоркой на понимание текста у конкретных авторов). Под этими ключевыми признаками традиционно понимаются так называемые текстовые категории, среди которых выделяются информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция, завершённость, целостность и связность. При этом две последних признаются наиболее важными и, следовательно, требующими самого детального анализа. В ходе такого анализа вполне закономерно встал вопрос о формальных показателях внутритекстовых связей. Круг их достаточно широк, и в качестве таковых исследователи текста называют интонацию, глагольные временные формы, которые кроме своего прямого назначения служат проспекции и ретроспекции, местоимения с анафорической и катафорической функциями [Прияткина 2007: 335], а также сочинительные союзы, некоторые частицы [Стародумова 2002].

Среди таких средств особого внимания заслуживают текстовые скрепы – особые единицы, функция которых – оформление связей в тексте. Так, типичными скрепами А.Ф. Прияткина называет слова «итак», «таким образом», «между тем», «однако», «более того», «так вот» и др. [Прияткина 2007: 334].

Текстовые скрепы являются достаточно распространённым явлением речи, особенно письменной, и, как показал проведённый анализ, не относятся к числу «новых» явлений: первые обнаруженные

нами употребления текстовой скрепы «итак» относятся к первой половине XIX века. В современных текстах, характеризующихся значительным усложнением своей структуры за счёт включения так называемых семиотически усложняющих элементов (изображений, фотографий и т. д.), нами отмечается расширение функционального спектра текстовых скреп, связанное с участием в построении таких текстов (они получили название семиотически усложнённых или креолизованных), где они могут выступать в качестве основного конституирующего элемента. Всё это делает очевидным тот факт, что описание текстовых скреп как особого показателя внутритекстовых связей играет ключевую роль в понимании как отдельных механизмов построения связного текста, так и текста в целом, его сложнейшей природы и сущности.

В настоящее время в лингвистической теории можно встретить лишь описания отдельных текстовых скреп и весьма редкие попытки систематического, комплексного описания указанного явления. При этом разногласия в данной сфере можно видеть уже в области терминологии. Термин «текстовая скрепа» мы используем как наиболее удачный вслед за А.Ф. Прияткиной, однако в него может вкладываться и иное содержание. Сами же служебные слова, связывающие части текста, могут обозначаться и иными терминами: «релятив», «коннектор», «дискурсивное слово». Серьёзные разногласия существуют и в вопросах разграничения текстовых скреп и смежных с ними явлений, таких как дискурсивы, метатекст, модус. Эти термины также не имеют однозначных и чётких определений и часто обозначают пересекающиеся или даже совпадающие понятия.

В данной работе предпринята попытка определения природы, а также особенностей функционирования и семантики скреп «таким образом» и «итак» в текстах различных жанров и стилей. Для этого был рассмотрен ряд теоретических предпосылок изучения текста и текстовых скреп в лингвистике, уточнено значение термина «текстовая скрепа» и отграничено обозначаемое им понятие от смежных явлений; на основании собранного языкового материала мы попыта-

лись проследить историю формирования текстовых скреп «таким образом» и «итак». Кроме того, на основе анализа собранного языкового материала был определён круг функций, которые выполняют текстовые скрепы «таким образом» и «итак» в различных текстах, была определена семантика названных единиц как представителей класса служебных слов русского языка, выявлены характерные особенности этой семантики, разработана методика анализа данных текстовых скреп, учитывающая основные их признаки, свойства и особенности функционирования.

В монографии мы представили глубинный анализ текстовых скреп «таким образом» и «итак», ранее имевших только поверхностные описания (особенно это относится к скрепе «таким образом», которая описывалась лишь в лексикографической практике), на материале текстов различных стилей и жанров. Такой анализ позволил выделить целый ряд ранее не называвшихся применительно к ним функциональных и семантических особенностей, а также вывести некоторые новые принципы описания этих единиц. Так, несколько забегаая вперёд, отметим, что для слова «итак», например, функция текстовой скрепы не является единственной, и с учётом этого о нём можно говорить уже не как о текстовой скрепе, а как о текстовом операторе (т. е. использовать более широкий термин, включающий в себя предыдущий).

Весьма сложной задачей оказалось обобщение теоретических положений, относящихся к изучению текста и текстовых скреп. Сложность эта связана с множественностью и разнообразием не только отдельных работ, посвящённых рассматриваемым явлениям, но и целых научных подходов, концепций (это, очевидно, связано со сложностью самого текста). Результаты этого обобщения мы также представили в своей работе, сделав некоторые уточнения терминологического характера и наметив возможные направления дальнейшей разработки теории текстовых скреп в русистике. Кроме того, была разработана методика анализа функционирования и семантики текстовых скреп «таким образом» и «итак», которая может быть экстраполирована и на другие единицы данного класса.

Размышления, ставшие основой для данной книги, неоднократно обсуждались с коллегами по кафедре русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, а позднее были представлены в виде докладов на российских и международных конференциях, публикаций в научных журналах. В 2012 году автором была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, написанная под руководством профессора Е.А. Стародумовой.

Глава 1. Изучение текста и текстовых скреп как особых показателей внутритекстовых связей

1.1. Текст в современной науке и подходы к его изучению

1.1.1. Текст в современной гуманитарной парадигме

В последние десятилетия как в зарубежной, так и в отечественной науке появилось огромное количество работ, посвящённых тексту и описанию самых разнообразных явлений, так или иначе с ним связанных. Текст, чрезвычайно сложный по своей природе, стал объектом описания различных гуманитарных наук, выйдя за пределы филологии. Широкое распространение получило утверждение о том, что тексты, рассматриваемые как явление семиотическое и определяемые как «связные знаковые комплексы» [Бахтин 1986: 300], создаются не на одних только естественных языках. В. Е. Хализев говорит о существовании несловесных текстов, обращённых напрямую к зрению (географические карты, произведения изобразительных искусств), или к слуху (звуковая сигнализация, музыкальные произведения), либо к зрению и слуху одновременно (язык ритуала и, в частности, литургии, театральное искусство, кино- и телеинформация) [Хализев 2002: 275]. Это привело к включению текста в поле зрения широкого круга дисциплин в первую очередь культурологического цикла, а затем и более узких отраслей науки. На этих основаниях рассмотрение текста вошло в область, например, политологии, где текст понимается как обладающий определённым силовым полем носитель устойчивых и стабильных внеситуативно значимых сведений, идей, умонастроений, смыслов, средоточие духовно-практического опыта тех или иных общественных групп и отдельных личностей [Фалилеев 2009: 5].

Но ведущая роль в изучении текста всё-таки принадлежит литературоведению и лингвистике, которые, хотя и «смотрят на текст по-разному», владея специализированными дисциплинами, имеющими своими объектами разные грани текста, нередко выводят схожие универсальные положения [Чувакин 2011: 121].

В рамках литературоведения текст рассматривается с позиций художественного произведения, но аспекты этого рассмотрения могут варьироваться. Наиболее общее разделение подходов обусловлено существованием двух видов художественных текстов – прозаических и поэтических, причём среди литературоведов нет единого мнения о том, что считать более сложной формой текста: Ю. М. Лотман предлагает считать таковой прозу (его иерархия – «разговорная речь – песня – классическая поэзия – художественная проза») [Лотман 1996: 35], в то время как Б. В. Томашевский называет прозу естественной формой языка, а поэзию – вторичной по отношению к ней [Томашевский 1958: 10]. Существуют и иные различия в отправных точках анализа. К ним можно отнести рассмотрение художественных текстов с точки зрения идиостиля определённого автора, текста произведения как феномена культуры, отображения эпохи и т. д. Кроме того, на базе литературоведческого анализа текста возникло и направление, в значительной мере обособившееся от самого литературоведения, хотя традиционно и включаемое в него. Это направление – текстология, которую Д. С. Лихачёв определяет как дисциплину, рассматривающую тексты в аспекте истории их создания, их атрибуции и решения вопросов о датировке, установления принципов публикации произведений, а при наличии текстовых вариантов – выделения наиболее авторитетного (канонического) текста [Лихачёв 2001: 32].

Тем не менее, несмотря ни на какие различия в подходах, в рамках литературоведческого анализа текста нередко выявляются его «универсальные» свойства, характеристики и признаки, которые могут быть использованы и любой другой отраслью науки. Например, Ю. М. Лотман, исследуя текст художественного произведения, выявляет его основные признаки, которые могут с полным правом считаться универсальными при любом анализе текста: выраженность, отграниченность и структурность [Лотман 1998: 62–63]. Для сравнения здесь можно привести утверждения, сделанные лингвистом И. Р. Гальпериным, считающим, что многие тексты, и в особенности тексты художественные – повести, рассказы,

романы, пьесы, фольклорные произведения – оказывают воздействие на чувства читателя и возбуждают реакцию эстетического порядка. Текст может вызвать образы – зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые. Эти образы оказываются не безразличными к самому содержанию литературно-художественных произведений. Сказанное, по мнению Гальперина, заставляет рассматривать саму проблему текста с двух сторон – со стороны запрограммированного сообщения, в самом широком смысле слова, и со стороны возможных толкований информации, заложенной в этом сообщении [Гальперин 2007: 6].

Важным этапом в становлении теории текста стало развитие семиотики как науки о знаках и признание знаковой природы языка. Семиотический подход в лингвистике связан с признанием знаками единиц языка. Этот подход был экстраполирован и на текст, который наряду с единицами других уровней был признан знаком. Ю. Н. Земская говорит о том, что семиотика усматривала знаковую природу текста не только в функционировании в нём других языковых знаков (слова, предложения), что традиционно изучалось лингвистикой, но и в том, что текст сам являлся целостным знаком, означающее которого – действительность (или фрагмент действительности), а означаемое – представление автора текста об этой действительности [Земская 2010: 50]. Однако, по мнению М. А. Кронгауза, к знаковым системам относятся не только естественные языки, но и язык жестов, глаз, а также системы, объединяющие в себе знаки разных групп (креолизованные тексты), причём при коммуникации эти знаковые системы могут взаимодействовать, тесно переплетаясь: «В процессе речевого общения используется не только язык, но и мимика, жесты и др., причём знаки разных знаковых систем коррелируют между собой» [Кронгауз 2005: 33 – 34]. В соответствии с этим в последние десятилетия в лингвистике стремительно набирает популярность направление, объектом которого стали семиотически осложнённые или креолизованные тексты, в структурировании которых, как пишет Е. Е. Анисимова, наряду с вербальными применяются иконические

средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.) [Анисимова 2003: 3].

Собственно лингвистическое осмысление креолизованных текстов началось в работах Е. Е. Анисимовой, установившей наличие неразрывной связи в пределах одного текста между вербальным и иконическим кодами. Автор утверждает, что с позиции коммуникантов креолизованные тексты принципиально не отличаются от гомогенных вербальных, т. к. обладают такими текстовыми категориями, как целостность (способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое) и связность (наличие содержательной и формальной связи частей текста) [Анисимова 1992, 1996, 2003].

По мнению Е. Е. Анисимовой, целостность креолизованного текста задаётся коммуникативно-прагматической установкой адресата (автора текста, его соавторов в лице художника, фотографа, редактора и др.), единой темой, раскрываемой вербальными и иконическими (а также другими паралингвистическими) средствами. Связность креолизованного текста проявляется в согласовании, тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов [Анисимова 2003].

При создании креолизованных текстов могут быть использованы средства двух разных уровней. С одной стороны, это средства иконического языка, к которым относятся рисунок, фотография, карикатура, таблица, схема, чертёж и др. Но помимо изображения, в создании креолизованных текстов может быть задействован целый комплекс паралингвистических средств. Все эти паралингвистические средства Е. Е. Анисимова предлагает называть полем паралингвистических средств текста. В данное поле входят графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, длина строки, пробелы, цвет, шрифт, курсив, разрядка, втяжка, подчёркивание и отчёркивание линейки, вспомогательные знаки (например: §, %, №), необычная орфография и расстановка знаков препинания.

Со стороны собственно языковых средств связывать вербальные и невербальные элементы в единое целое могут самые разнообразные

единицы. При этом задействуются их грамматические, лексические и даже стилистические особенности. Далеко не последнюю роль в построении креолизованных текстов играют и текстовые скрепы, которые, как будет показано далее, могут выступать главным конституирующим элементом.

1.1.2. Лингвистические подходы к изучению текста и становление лингвистики текста

Рассмотрение текста в рамках лингвистики характеризуется существенной неоднородностью взглядов на него, которая выразилась в формировании нескольких принципиально отличных друг от друга подходов. Такая ситуация связана, во-первых, с общим положением дел в лингвистике, где любая единица описывается с нескольких позиций (конструктивной, функциональной и т. д.), а во-вторых – со сложностью и разноплановостью самого текста.

Структурный подход рассматривает текст с точки зрения составляющих его единиц-конституэнтов, их роли в организации сложного синтаксического целого и включения текста в систему уровневой организации языка и речи. Так, Л. В. Сахарный считает, что лингвистика текста неизбежно ориентируется прежде всего на выявление закономерностей организации его структуры, т.е. на выявление средств связности и описание «грамматики» текста [Сахарный 1991: 222].

Коммуникативный подход рассматривает текст с позиций ситуации общения и участников этой ситуации. Ключевыми понятиями здесь выступают говорящий, слушающий, акт коммуникации, речевой акт, речевое произведение и ряд других. Особого внимания заслуживает тот факт, что в рамках именно этого подхода на современном этапе развития теории текста активно формируется представление о тексте как о дискурсе. Однако выявление взаимоотношений между этими двумя понятиями представляет собой проблему теоретического характера: само понятие дискурса (собственно, как и текста) не имеет чёткого однозначного определения. Так, Т. Ван Дейк утверждает о существовании как минимум шести таких определений. По его словам, дискурс может пониматься в широком смысле

(как комплексное коммуникативное событие), в узком смысле (как текст или разговор), как конкретный разговор, как тип разговора, как жанр и даже как социальная формация [Ван Дейк 1998: 1–2].

Ещё более широкий круг вопросов, затрагивающих сущность текста как феномена человеческой культуры, рассматривается при лингвокультурологическом исследовании текста. Этот подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отражённых в языке, прецедентных текстах, концептосфере, культурных концептах и связан с именами Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачёва, Ю. С. Степанова [Караулов 2010, Лихачёв 2010, Степанов 1997].

Несмотря на нарастающее внимание к тексту со стороны всё более широкого круга дисциплин, ключевые роли в его изучении по-прежнему принадлежат лингвистике, в рамках которой и начался его научный анализ. Зарождение лингвистики текста, по словам Ю. Н. Земской, было обусловлено существованием ещё античной риторики, однако своим становлением в качестве самостоятельной отрасли языкознания (датируется 50–70 годами XX века) она во многом обязана Пражскому лингвистическому кружку: значительный вклад в теорию лингвистического анализа текста внесли исследования В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека, А. Едлички, К. Гаузенблаза. И уже в этих работах наметились разные подходы к анализу структуры текста [Земская 2010: 7–11]. Далее, как известно, расширили круг вопросов, связанных со структурой, онтологией и параметрами текста работы французских, немецких, голландских и других теоретиков, среди которых были Гиро, Греймас, Тодоров, Дресслер, Ван-Дейк, Леви-Страсс, Энквист.

Немного иной точки зрения на становление теории текста придерживаются И. Р. Гальперин и Н. С. Валгина. По их мнению, корни лингвистического осмысления текста восходят к стилистике: в её рамках рассматривались многие проблемы, выдвинутые в последующем лингвистикой текста, став для неё существенным «подспорьем». В дальнейшем произошло тесное переплетение этих двух отраслей лингвистики, служащее источником взаимного

обогащения их научного инструментария и стимулом для развития [Гальперин 2007: 6; Валгина 2003: 3]. Тем не менее, лингвистика текста сейчас представляет собой достаточно самостоятельную дисциплину, которая располагает своим собственным объектом исследования и методиками его анализа. Кроме того, вокруг текста, сложнейшего по своей природе явления, сформировалась в её рамках и целая группа специфических «текстовых» вопросов, не имеющих однозначных ответов.

1.1.3. Проблема определения текста в лингвистике

Первый из этих вопросов касается самого определения понятия «текст». Существует большое количество таких определений, которые, в конечном счёте, зависят от взглядов конкретного исследователя и от той научной парадигмы, в рамках которой он работает. Так, К. Гаузенблаз, учитывающий формально-семантические критерии, пишет: «Этот термин обозначает две вещи: во-первых, в соответствии с распространённым употреблением – письменную фиксацию речи (speech) и, во-вторых, более широко – объединение языковых средств, используемых в речи, которое обеспечивается их следованием друг за другом и их отношением к суммарному смыслу» [Гаузенблаз 1978: 63]. Гораздо более абстрактное и обращённое к философии определение находим у З. Шмидта, называющего текст феноменологически заданным первичным способом существования языка [Шмидт 1978: 105]. В. Дресслер утверждает: «Текст понимается или на эмическом уровне как структура любого законченного и связного, независимого и грамматически правильного письменного или устного высказывания, или на этического уровне как актуальная реализация этого высказывания» [Дресслер 1978: 114]. Формальную характеристику текста приводит В. Кох, считающий текстом «любую последовательность предложений, организованную во времени или пространстве таким образом, что предполагает целое» [Кох 1978: 153]. С аналогичных позиций рассматривает текст и Х. Вайнрих, называющий текстом упорядоченную последовательность морфем, состоящую «минимально из двух морфем, максимальный же её состав не ограничен» [Вайнрих 1978: 379]. Е. С. Кубрякова рассмат-

ривает текст в функциональном аспекте, понимая под ним информационно самостоятельное речевое сообщение с оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата [Кубрякова 2001: 75].

Анализируя эти определения, И. Р. Гальперин замечает, что в подавляющем большинстве работ, посвящённых проблемам теории текста, в качестве материала исследования берётся не текст, а отдельные предложения. [Гальперин 2007: 57–58]. По его мнению, многосторонность понятия «текст» обязывает выделить в нём то, что является ведущим, вскрывающим его онтологические и функциональные признаки. Это утверждение, по-видимому, позволило ему дать определение текста, которое можно считать одним из наиболее полных и «всеобъемлющих»: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18].

Из этого определения следует, что под текстом необходимо понимать не фиксированную на бумаге устную речь, всегда спонтанную, неорганизованную, непоследовательную, а особую разновидность речетворчества, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи. Из него же можно вывести и основные признаки текста: текст как факт речевого акта системен и представляет собой некое завершённое сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели, одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризуемое своими дистинктивными признаками.

Другим ключевым вопросом лингвистики текста является вопрос об отношении текста к уровневой организации языка. Среди уровней языка синтаксический является высшим, а по своей структу-

ре наиболее сложным, многоярусным. В нём традиционно выделяются ярусы синтаксической формы слова, словосочетания, предложения (простого и сложного) и, наконец, сложного синтаксического целого. Существует множество точек зрения на то, что из перечисленного считать центральной и высшей единицей иерархии. Чаще всего такими признаются словосочетание в широком значении термина (например, Пешковским [Пешковский 2001]) или предложение (например, Шахматовым [Шахматов 1941]). Авторы Русской грамматики 1980 года на высшем ярусе синтаксического уровня языка выделяют единицу более сложного порядка – сложное синтаксическое целое, которое объединяет простые и сложные предложения в прерывистую единицу, определяемую прежде всего на семантическом и коммуникативном основаниях [Русская грамматика 1980, Т. 2: 88, 163–164].

Однако наиболее распространённой на сегодняшний день является точка зрения И. Р. Гальперина, которая представляет собой своеобразный компромисс в этом вопросе: текст, не являясь уровнем языка, всё-таки может рассматриваться как уровень, но не языка, а речи, т. к. для него характерна явная членимость на единицы-конституэнты, а речь, в свою очередь, тоже системна, и даже спонтанность речепроизводства не свободна от оков, накладываемых на неё системой языка. Текст же представляет собой сознательно организованный результат речетворческого процесса, подчиняется определённым для него закономерностям организации [Гальперин 2007: 3]. Таким образом, за текстом признаётся право быть рассмотренным с позиций уровневой классификации (уровней речи).

1.1.4. Смысловое членение текста

Несмотря на весьма активную разработку теории текста в лингвистике, вопрос о смысловом членении текста, как показывает анализ научной литературы, пока не становился предметом серьёзных исследований в данной сфере. Можно встретить лишь отдельные упоминания об этом вопросе у различных исследователей.

Первое, на что нужно обратить внимание, говоря о членении текста, – на критерии такого членения. Одна из попыток выделения

таких критериев принадлежит Ю. П. Зотову. Он утверждает, что возникающие в тексте отношения – это не синтагматические или линейные отношения, а иерархические семантико-смысловые, определяемые коммуникативной интенцией, то есть иерархия семантико-смысловой структуры текста сводится к иерархии мотивов и целей [Зотов 1995: 46]. Развитие этой идеи и её использование в качестве критерия выделения определённых относительно автономных текстовых фрагментов находим у Т. М. Дридзе, утверждающей, что текст как семантико-смысловая целостность обладает макро- и микроструктурой. Микроструктура текста может быть представлена в виде совокупности внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые блоки текста. Макроструктура текста предполагает иерархию разнопорядковых смысловых блоков [Дридзе 1980: 62].

М. Я. Дымарский, рассматривая текст в диахроническом аспекте, предлагает выделять единицы текстообразования (строевые единицы текста) – устоявшиеся в данной культурно-письменной традиции формы языкового воплощения структурных компонентов авторского замысла – концептуально значимых смыслов, – закрепляющие относительную автономность (автосемантию) образуемых на их основе компонентов текста и обладающие признаками относительной синтаксической замкнутости, временной устойчивости и регулярной воспроизводимости [Дымарский 1999: 20]. Данный подход так же, как и предыдущие, предполагает опору на глубинные семантические основания текста, однако здесь, по-видимому, имеются в виду традиционные композиционные части текста (главы, параграфы и т. д.), в то время как содержательное членение текста может и не соответствовать этим частям.

Некоторые наблюдения над смысловым членением деловых текстов делает и О. П. Сологуб, описывая текстовые нормы деловой речи. Она замечает, что содержанию основной части должна быть придана соответствующая форма. Данную функцию выполняют текстовые нормы формально-семантического плана, регулирующие логико-композиционную структуру делового текста. При оформлении основного текста эти нормы, по её утверждению, получают осмысление:

текст членится на структурно-информативные блоки в соответствии со стремлением обозначить основные мысли в изложении, данное членение получает оформление в пространстве путём абзацирования и рубрицирования, последовательность частей текста отражает логику развития основной идеи и т. д. [Сологуб 2007: 160]. Вполне очевиден тот факт, что сделанный автором вывод может быть отнесён и к текстам других жанров, т. к. композиционное выстраивание текста определённым образом под влиянием общего замысла, логики рассуждения и т. д. характерно для процесса порождения любого текста.

Принципиально иной подход к членению текста видим у В. Б. Касевича, опирающегося в своих взглядах на теорию знаковой природы языка. Наличие двух сторон у языковых знаков – означающего и означаемого – позволяет, по его мнению, любой текст и любой его фрагмент рассматривать и членить с двух точек зрения: с точки зрения того, какие знаки в нём представлены, и с точки зрения характера означающих этих знаков и их сочетаний. С первой из указанных точек зрения текст можно членить на предложения, синтагмы, слова, морфемы (это членение автор называет первым). Со второй точки зрения текст членится на произносительные группы разного рода, слоги, фонемы (второе членение) [Касевич 1977: 18–19]. Однако такое членение текста носит формальный характер и, очевидно, не предполагает выявления каких-либо средств связи, соединяющих части текста на глубинном содержательном уровне.

Ещё более беглый взгляд на проблему членения текста представлен в работе И. П. Сусова, предпринявшего попытку сопоставления текста и дискурса. Исследователь замечает, что дискурс – это текст вместе со своим коммуникативно-прагматическим контекстом. При этом текст членится на предложения и их блоки, дискурс – на речевые акты и их блоки [Сусов 1990: 3].

В «Русской грамматике» 1980 года, где говорится о том, что во многих случаях относительно большой текст членится на достаточно самостоятельные части, эти части обычно бывают соединены друг с другом как синтаксическими, так и несинтаксическими связями:

отношениями неместоименных и местоименных слов, интонацией, лексической семантикой слов, специальными средствами выражения субъективного отношения к сообщению. Текст как языковое окружение, языковая обстановка, небезразличная для языковых характеристик объединившихся в нём единиц сообщения (и, шире, вообще значимых языковых единиц), обозначается термином контекст [Русская грамматика 1980, т. 2: 83].

Таким образом, в структуре текста можно выделить определённые фрагменты (конструктивно-семантические единицы текста), которые мы в дальнейшем будем называть смысловыми блоками (ввиду отсутствия другого устоявшегося термина в лингвистике), объединёнными общностью содержания и далеко не всегда совпадающими с абзацным членением, а также членением на главы, параграфы и т. д. Эти смысловые блоки предполагают наличие связей и их формальных показателей, для которых они выступают в качестве контекста. Одним из видов таких показателей и выступают текстовые скрепы, специализирующиеся именно на выражении данных связей.

1.1.5. Текстовые категории

На современном этапе развития лингвистической теории текста особую значимость приобрело рассмотрение так называемых текстовых категорий. Впервые они были выделены И. Р. Гальпериным. Он же предложил разделить их на содержательные и формально-структурные, правда, тут же заметив, что деление это весьма условно из-за глубокой их взаимообусловленности. К числу таких категорий отнесены информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершённость [Гальперин 2007: 5]. Несколько иной набор текстовых категорий предлагает выделять А. И. Новиков: развёрнутость текста (обеспечение полноты и глубины описания); последовательность (порядок следования элементов содержания); связность (внутренняя, базирующаяся на общности предмета описания, и внешняя, выражаемая грамматическими и лексическими показателями); законченность;

глубинная перспектива (переход от внешней формы к внутренней); статика и динамика (результат речемыслительной деятельности и её процесс соответственно) [Новиков 1983].

В ходе дальнейших исследований в этот список добавились антропоцентричность, локально-темпоральная отнесённость (хроно-топ), концептуальность, прагматическая направленность, а также категории автора, читателя [Воробьёва 1993: 25]. Н. А. Серебрянская предлагает включать в список текстовых категорий и так называемый нарративный дейксис, под которым она понимает способы присутствия автора в тексте художественного произведения, или его модальную рамку [Серебрянская 2005: 27].

Центральными категориями большинство исследователей называет целостность и связность. Их ведущая роль подтверждается уже определениями текста, приводимыми в лингвистических словарях: «Текст – объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998: 507]. Под целостностью понимается единство текста, его способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое, связность же заключается в содержательной и формальной связи частей текста [Анисимова 2003: 17]. Исследование последней категории выдвинуло на первый план необходимость выявления и разностороннего анализа её формальных показателей, существующих в тексте.

1.2. Изучение текстовых скреп. Текстовые скрепы в кругу смежных явлений

1.2.1. Экспликаторы внутритекстовых связей

Один из основных признаков текста – категория связности – обязательно предполагает наличие формальных показателей. Их спектр достаточно разнообразен. А. Ф. Прияткина, ссылаясь на М. Пфютце, отмечает, что существует множество способов оформления текстовой связи. Такую роль выполняют, например, глагольные

временные формы, которые кроме своего прямого назначения служат проспекции и ретроспекции (прямо направленная и обратно направленная связь); таковы модальные слова и предложения, которые на базе оценочной функции осуществляют – непосредственно или опосредованно – взаимосвязь высказываний или целых частей текста (вторичная функция) [Прияткина 2007: 335]. Хорошо известна текстообразующая функция сочинительных союзов и вводно-модальных слов, определённой категории частиц [Ляпон 1986, Стародумова 2002], отмечена она и для некоторых предлогов [Леоненко 1979]. Не требует доказательств, по мнению А. Ф. Прияткиной, текстообразующая функция местоимений, в особенности анафорическая и катафорическая функции. Причём все перечисленные языковые единицы имеют функцию организаторов текста в качестве вторичной, то есть дополнительной и производной от основной, определяемой категориальной семантикой того или иного класса слов [Прияткина 2007: 335]. М. В. Ляпон включает сюда же последовательность элементов и денотативную соотнесённость через использование прономинальных средств, синонимические замены в последующем предложении того, что обозначено через полную номинацию в предшествующем (экспозиционном) предложении, использование дополнительной номинации, антонимов и других средств опосредованного указания на тождество денотативной линии или на направление её трансформации [Ляпон 1986: 31].

Среди наиболее распространённых показателей внутритекстовых связей необходимо назвать интонацию и текстовые скрепы. Вполне очевидно, что первый показатель не относится к ряду специфически текстовых явлений: его функционирование в тексте мало чем отличается от функционирования в высказывании. В свою очередь, текстовые скрепы – это особые единицы, служащие экспликаторами исключительно внутритекстовых связей.

Текстовые скрепы представляют собой ещё недостаточно изученное явление, хотя некоторые из них уже попадали в поле зрения лингвистов. Среди таковых нужно назвать скрепы «так» [Шишмарёва 1997], «в результате» и «в итоге» [Шнырик 2009], а

также ряд скреп (в целом, в общем, в основном и др.), характеристики и текстообразующие функции которых были описаны в «Словаре служебных слов русского языка» в разделе «Слова-гибриды» [Словарь служебных слов русского языка 2001: 287–355].

1.2.2. Вопрос о термине «текстовая скрепа»

В современной лингвистике пока нет общепринятого термина для обозначения данных единиц. Термин «текстовая скрепа» получил широкое распространение благодаря работам А. Ф. Прияткиной, которая употребляет его вслед за Л. А. Булаховским для названия лексико-фразеологических единиц, служащих выражению отношений между частями текста. Так, типичными скрепами А. Ф. Прияткина называет слова *итак, таким образом, между тем, однако, более того, так вот* [Прияткина 2007: 334]. Иначе использует этот термин М. И. Черемисина: в её теории сложного предложения «скрепа» – общее название всех типов служебных слов, формирующих сложное предложение (применительно к языкам разных систем). Согласно этой точке зрения, союз оказывается одной из разновидностей скреп. Служебные слова, связывающие части текста (например, *таким образом*), тоже отнесены к числу скреп, но совершенно другого порядка – «текстовые скрепы» [Черемисина, 1987: 179].

У других авторов как общее название связующих слов (и внутри предложения, и в тексте) используются иные термины, например, «релятив» [Ляпон 1986]. В работах по теории текста, опирающихся на зарубежную лингвистику, текстовой скрепе частично соответствует понятие «коннектор» [Дресслер 1978: 125], а также понятие «дискурсивные слова» [Дискурсивные слова русского языка 1998]. Как отмечает А. Ф. Прияткина, соответствующий термин особенно активизировался после публикации опытов словарного («контекстно-семантического») описания ряда служебных слов – весьма разнообразных, но имеющих, по мысли авторов, то или иное отношение к дискурсу. По охвату же фактов понятия «скрепы» и «дискурсивные слова» не совпадают [Прияткина 2007: 335]. Если немного углубиться в историю вопроса, то нельзя не упомянуть о традиции широкого

использования понятия «вводно-модальные слова», позволяющего включать в этот ряд и категорию слов типа *во-первых, наконец, итак* [Виноградов 1975: 43]. Того же порядка единицы, составляющие значительную часть «метатекста», согласно столь популярной идее А. Вежбицкой [Вежбицка 1978: 415]. Кроме того, исследователи синтаксиса текста скрепой называют иногда целые фрагменты текста. Например, С. Г. Ильенко пишет: «Номинация "история, которую рассказывали Ростову", носит внутрипроизведенческий характер и помимо номинативной функции выполняет текстообразующую, являясь своеобразной скрепой различных композиционно-смысловых блоков романа» [Ильенко 1989: 100]. Итак, по мнению исследователей, служебные слова, к которым применяется термин «скрепа» (или «текстовая скрепа»), не совпадают ни с союзами, ни с модальными словами, ни с дискурсивными словами. Ему придаётся специальное значение.

К числу не устоявшихся в лингвистике относится и термин «скрепа-фраза». А. Ф. Прияткина, точку зрения которой мы признаём наиболее авторитетной в этом вопросе, включает в состав скреп-фраз весьма разнообразные по структуре и составу словоформы как непредикативного (адвербиального, адъективного, субстантивного), так и предикативного характера, фразеологизмы, устойчивые соединения с союзами и частицами, фразеологизированные ПЕ и др., характеризующиеся синтагматической отдельностью, изолированностью по отношению и к правому и к левому компоненту текстовой структуры. Они имеют интонационное оформление, соответствующее отдельному высказыванию: в письменном тексте оно обозначено точкой (или её аналогом), а ещё сильнее – выделением в самостоятельный абзац. К типичным скрепам-фразам причисляются такие единицы, как «первое», «далее», «к слову», «вопрос в другом», «судите сами» и мн. др. [Прияткина 2007: 338]. Однако в работе О. И. Филимонова этим же термином обозначаются самые разнообразные единицы, в том числе и предикативного характера, осуществляющие функцию связи частей текста. Иными словами, скрепы-фразы, в понимании автора – общее

название для всех средств, специализирующихся исключительно на экспликации внутритекстовых связей [Филимонов 2003].

Таким образом, одна из проблем при описании текстовых скреп – проблема терминологическая. В своём исследовании мы опираемся на точку зрения А. Ф. Прияткиной, применяя термин «текстовая скрепа» к показателям, специализирующимся на экспликации внутритекстовых связей и характеризующимся отсутствием синтагматической отдельности, а термин «скрепа-фраза» к единицам, употребляющимся в качестве самостоятельной синтагмы.

1.2.3. Принципы классификации текстовых скреп

Одна из первых попыток классифицировать текстовые скрепы была предложена в рамках работы О. И. Филимонова, где приводится достаточно стройная и последовательная типология «скреп-фраз» (в терминологии автора), хотя в настоящее время вопрос о классификации скреп остаётся открытым. Автором были предложены структурно-семантическая и функциональная классификации [Филимонов, 2003]. Исследователь утверждает, что при рассмотрении структурно-семантических характеристик явлений, выполняющих юнкционную функцию на уровне сверхфразового единства и текста, встречается чрезвычайно широкий спектр этих конструкций. Это могут быть и союзы, и их функциональные аналоги (частицы, местоимения, союзно-местоименные сочетания, наречия и частицы), и конструкции, представляющие большую или меньшую степень синтаксической идиоматичности, словосочетания, вводно-модальные конструкции и даже образования предикативного характера. Следовательно, структурный показатель не позволяет установить общие черты во всём разнообразии этих конструкций. По его мнению, основой структурной классификации «скреп-фраз» может являться их отношение к предикативной оформленности, что позволяет разделить их на две основные группы: формально непредикативные и формально предикативные. В первом случае «скрепы-фразы» носят характер вводно-модальных компонентов, юнкционных компонентов, выполняющих разнообразные союзно-присоединительные функции, или синтакси-

ческих образований, имеющих функцию введения дополнительного семантического фона – дополнительные пресуппозиции (чаще всего – подобие вставных конструкций). Во втором случае «скрепы-фразы» представлены функционально несамостоятельными предикативными конструкциями, выполняющими аналогичные юнкционные функции, сообщающие вводно-модальные характеристики или текстообразующую пресуппозиционную информацию [там же: 113–114].

О. И. Филимонов считает, что функциональная классификация «скреп-фраз» должна основываться на характере их участия в семантической организации связного текста, согласно которой они делятся на собственно текстовые и метатекстовые скрепы-фразы, комментирующие основное содержание текста. «Скрепы-фразы» по своему функциональному взаимодействию с оформляемым текстом подразделяются на внутрифразовые, контекстообразующие и конкреативные. Переменными функциональными признаками различных типов «скреп-фраз» являются: способ связи скрепы-фразы с соотносительным компонентом, степень семантической отчужденности скрепы-фразы от основного текста, степень выражения семантического субъекта в структуре скрепы-фразы [там же: 93–96].

1.2.4. Текстовые скрепы и метатекст

Ещё один важный вопрос в определении и описании текстовых скреп – их отношение к понятию метатекста. Первые наблюдения в этой области были сделаны А. Вежбицкой, которая, анализируя конкретный языковой материал, заметила, что в сознании слушающего возникает двухголосный текст – воссоздаваемая («понимаемая») последовательность предложений отправителя и собственный комментарий. Кроме того, комментатором текста, по её утверждению, может быть и сам автор, когда высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. Эти нити, являющиеся инородным телом, могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое высокой степени связности [Вежбицка 1978: 402].

Взгляды А. Вежбицкой стали отправной точкой для многочисленных исследований метатекста, проводимых различными авторами,

однако сама А. Вежбицка утверждает, что корни идеи выделения в тексте двух разнородных элементов принадлежат ещё М. М. Бахтину, утверждавшему, что «диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нём, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем или раздваиваем своё авторство» [Бахтин 1994: 398–399]. Именно в этом его высказывании отмечается способность говорящего «рефлексировать» по поводу сказанного им самим. Проведённый же А. Вежбицкой анализ языкового материала позволил сделать выводы о том, что высказывания, многократно гетерогенные, гетерогенны также в том смысле, что в них часто переплетается собственно текст с метатекстовыми «нитьями». Эти метатекстовые «нити» могут выполнять самые различные функции. Они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно устранить, не повредив остального. Иногда – нет [Вежбицка 1978: 421]. Практически параллельно с А. Вежбицкой теорию метатекста разрабатывал и Р. О. Якобсон, также стоявший у её истоков. Именно он выделил метатекстовую функцию как одну из базисных функций успешной речевой коммуникации [Якобсон 1975], отмечая, что метаязык как часть языка ... является структурным образованием, не имеющим аналогов в других языковых системах» [Якобсон 1985: 316].

Исследования, посвящённые метатексту, настолько многочисленны и разнообразны по подходам и способам описания метапоказателей, а также набору самих метапоказателей, что Н. П. Перфильева смогла выделить целый ряд групп таких исследований. Основанием для выделения первой группы она назвала ориентированность исследований на учёт обоих участников коммуникативного акта или только на адресата. Первый подход она считает достаточно редким и в числе его приверженцев называет В. А. Шаймиева [Перфильева 2006: 33]. Именно ему принадлежит ключевая для данного подхода фраза: «дифференциальным признаком метатекста является его ориентация на конкретную ре-

чевую ситуацию развёртывания и/или восприятия конкретного текста» [Шаймиев 1998: 68]. Ко второму подходу, гораздо более многочисленные представители которого включают в понятие метатекста комментарий только говорящего, Н. П. Перфильева относит работы В. М. Андрущенко, Т. В. Шмелёвой, М. В. Ляпон и др.

Вторая группа подходов, по словам Н. П. Перфильевой, связана со сферой действия метапоказателя: макротекст, текст, часть высказывания предложения [Перфильева 2006: 34]. Наиболее широкое понимание метатекста здесь принадлежит Н. К. Рябцевой [Рябцева 1994] и Ю. М. Бокаревой [Бокарева 1999: 18], разграничивающим метатекст (целостные речевые произведения, такие как предисловия, письма и т. д.) и метатекстовый компонент (несамостоятельные компоненты текста – вставки, вводные предложения и т. д.). Уже метатекст, по словам Н. П. Перфильевой, рассматривают А. Вежбицка, М. В. Всеволодова и Т. В. Шмелёва, а самое узкое его понимание можно встретить в работах М. В. Ляпон [Перфильева 2006: 34], рассматривающей объектами метакомментирования слово и фразеологизм [Ляпон 1986]. Последователями этой теории стали Т. В. Булыгина, И. Т. Вепрева и Ю. Б. Норман. Примечательно, что именно И. Т. Вепрева отказалась от термина «метатекст», используя термин «рефлексив», являющий собой «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [Вепрева 2002: 72].

Параметром для выделения третьей группы подходов к исследованию метатекста Н. П. Перфильева предлагает считать опору на статью А. Вежбицкой в плане определения круга языковых единиц, которые следует относить к метатекстовым средствам. Причиной разногласий в этой области она называет существенную неопределённость, размытость метатекста как семантической категории, сосуществующей рядом с другими модусными категориями [Перфильева 2006: 37].

Вопрос о составе метапоказателей является одним из наиболее сложных и до сих пор не имеющих однозначного ответа. По мнению Н. П. Перфильевой, автора одной из наиболее фундаментальных работ в этой области и трактующей метатекст весьма широко, все мета-

показатели необходимо разделять на имплицитные и эксплицитные. Метапоказатели первого типа рождаются в результате трансформационных преобразований (элиминации всех метапоказателей) в тексте. Такие тексты содержат только информацию о предмете речи, а сам метатекст всё-таки извлекается из текста, составляя его метатекстовый потенциал. Ко второй группе автор относит тексты с эксплицитным метатекстом, когда текст чётко структурирован на базовый компонент и метатекстовый, выраженный особыми формальными показателями. К числу наиболее ярких показателей метатекста относятся и текстовые скрепы, задействованные в осознании автором и/или адресатом содержания сказанного [Перфильева 2006: 43–44]. Однако такую точку зрения нельзя назвать общепризнанной. Так, В. А. Шаймиев говорит об обязательной выраженности метатекста, выделяя интраметатекст (метатекстовые операторы, вплетённые в ткань основного текста: части высказывания, в которых эксплицированы прагматические речевые смыслы, вводные слова и вводные предложения и т. д.) и сепаративный метатекст (композиционно дистанцированные от основного текста образования – введение или предисловие, комментарий, примечания в форме сносок, аннотация) [Шаймиев 1996: 83–84].

Таким образом, вопрос о границах понятия «метатекст», а также круге языковых явлений, в него входящих, и по сей день вызывает разногласия далёк от окончательного решения. Эта ситуация усугубляется существованием ряда других понятий, часто вступающих в тесное переплетение с данным. Их мы рассмотрим далее.

1.2.5. Текстовые скрепы и дискурс

Говоря о понятиях текста, текстовых скреп и метатекста, нельзя не остановиться и на понятии дискурса. Начало его лингвистическому осмыслению было положено в статье «Дискурс-анализ» З. Харриса в 1952 г., целью которой было исследование механизмов формирования структуры диалогового взаимодействия. Возможно, именно изначальная размытость термина наряду со сложностью самого явления и привела к формированию весьма широкого круга его трактовок и пониманий, встречающихся в современной лингвистической

литературе (не говоря уже о социологических и иных подходах к дискурсу), в том числе и таких, которые пересекают или даже отождествляют его с понятием текста. В. В. Балабин среди основных подходов к анализу дискурса называет формальный, функциональный, коммуникативный, когнитивный, культурологический, прагматический и социальный [Балабин 2008: 101]. Первый из них, формальный, определяет дискурс как «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Карасик 2002: 227], т. е. фактически отождествляет его с понятием текста. Для сравнения здесь необходимо привести высказывание О. И. Москальской, называвшей в качестве одного из объектов лингвистики текста «сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) – текст в узком смысле слова или микротекст» [Москальская 1991: 13]. Здесь же предпринимались попытки разграничения текста и дискурса как письменного и устного явлений соответственно. Но эти попытки, как пишет В. В. Балабин, не увенчались успехом, т. к. существует ряд случаев, связанных с использованием текстов в различных ситуациях для продуцирования речевых произведений устного характера (доклады, выступления и т. д.) [Балабин 2008: 102].

Функциональный подход также не даёт возможности разделить текст и дискурс. Последнему здесь даются такие определения: «Дискурс есть речь, погружённая в жизнь» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 137], «Дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования» [Карасик 2004: 227]. Хотя отдельные попытки разделения здесь всё-таки есть (правда, не совсем удачные). К их числу стоит отнести такое утверждение: «Дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и её результат (=текст)» [Кибрик, Плунгян 1997: 307].

Одна из наиболее успешных попыток разграничения текста и дискурса была предпринята в рамках коммуникативного подхода. Здесь вводится понятие дискурсивной деятельности, которая определяется как речемыслительная деятельность коммуникантов, связанная с познанием,

осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира продуцента реципиентом в результирующей коммуникативной ситуации [Милевская 2002: 88]. При этом текст и речь рассматриваются как письменная и устная формы проявления дискурсивной деятельности, или дискурса, его коммуникативные реализации. И подход, при котором дискурс выступает родовой категорией по отношению к тексту и речи, как отмечает М. Л. Макаров, «всё чаще встречается в лингвистической литературе» [Макаров 2003: 91].

Ещё одним подходом, позволяющим разграничивать дискурс и смежные с ним понятия, является когнитивный подход. Он тесно связан с коммуникативным подходом и проявляет определённые сходства с ним. Дискурс здесь рассматривается как видовое понятие для текста и речи, но, как отмечает В. В. Балабин, требует учёта культурологических, социально-исторических данных, а также информации о тех, кто осуществлял дискурсивную деятельность, при каких условиях и обстоятельствах [Балабин 2008: 102], т. е. опирается на внеязыковую реальность, широкий круг её фактов, событий, явлений и т. д. Принципиальным отличием от коммуникативного подхода здесь, по словам Е. С. Кубряковой, является стремление выявить те моменты, которые связывают языковые явления в ходе дискурса с «ментальной, внутренней деятельностью человеческого сознания» [Кубрякова 2004: 519].

В то же время некоторые исследователи, описывая дискурс с позиций двух последних подходов, выводят утверждения, препятствующие разграничению описываемых нами понятий. К числу таких исследователей нужно отнести В. Г. Борботько, который, говоря о регулятивной функции языка, выводит в качестве её основы наличие своего антипода – противоречия, которое приводит её в действие. Противоречия называются в качестве ключевых факторов дискурсивной деятельности и важных элементов её формирования. Автор выделяет три сферы, для которых необходимо присутствие момента регуляции: субъектно-субъектная, субъектно-объектная и

субъектно-ценностная. В первой сфере дискурс выполняет задачу предупреждения противоречия в практической деятельности, во втором случае дискурс реализует функцию разрешения противоречия по причине неполноты знаний в когнитивной картине мира субъекта, и в последней сфере в ходе регуляции дискурс направлен на выделение и заострение противоречия как несоответствия между общественными ценностями и новыми ценностями личностного порядка, а именно между системами культурных ценностей разных субъектов [Борботько 2006: 42]. Очевидно, что эти утверждения затрагивают как коммуникативный, так и когнитивный аспект дискурса одновременно, но чётко разграничивать при таком подходе наполнение понятий «дискурс», «текст» и даже «текстовые скрепы» уже невозможно, т. к. каждое из них может выполнять указанные автором функции. Кроме того, ещё большую неясность вносят и характеристики текста, которые приводятся в работе А. А. Залевской: процесс осознания индивидом и высказывания, и в целом текста предполагает психический процесс, который заключается в построении в сознании реципиента «образа содержания текста как образа ситуации» [Залевская 2005: 461]. Иными словами, ситуация общения, текст и дискурс тесно переплетаются друг с другом, и разграничить два последних в плане механизмов формирования становится крайне затруднительной задачей.

Нетрудно заметить, что многие из описанных подходов не дают возможности чётко разграничить текст, дискурс, а иногда и языкового явления, получившего название «текстовых скреп». Можно говорить лишь о наиболее удачных попытках разграничения (например, в рамках коммуникативного подхода к дискурсу), пускай и не признаваемых всеми исследователями.

Кроме того, целый ряд исследований демонстрирует ещё более тесное пересечение понятия дискурса с понятием текстовых скреп. К их числу относятся работы, дающие описание особых единиц, получивших название дискурсивных слов. Примечательно, что использование данного термина А. Мустайоки и М. Копотев характеризуют лишь как наиболее удачную попытку избежать терминологической ловушки,

связанной с характеристикой многокомпонентных лексических единиц [Мустайоки, Копотев 2004: 96], в работах других исследователей называемых эквивалентами слова [Рогожникова 2003], аналитическими конструкциями [Телия 1996] и т. д. Первые описания таких единиц в русистике были созданы ещё в 1993 году коллективом авторов, в значительной мере обобщивших опыт западных исследователей [Путеводитель по дискурсивным словам 1993]. Более развёрнутые описания дискурсивных слов находим в работе 1998 года, где они определяются как особый класс слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса [Дискурсивные слова 1998: 7]. Следующей ступенью осмысления дискурсивных слов в русистике стал сборник 2003 года, характеризующий дискурсивы как особые слова, придающие высказываниям дискурсивный статус [Дискурсивные слова русского языка 2003: 9]. Заметим, что при таком понимании дискурсивные слова (например, дискурсивные слова с семантикой точки зрения) в значительной мере сближаются, а иногда и отождествляются с описанным нами ранее понятием метатекста. Показательно в этом плане и то, что в качестве дискурсивных слов рассматриваются такие единицы, как «правда», «по-видимому», «поди» и другие, которые Н. П. Перфильева относит к числу метапоказателей [Перфильева 2006]. Таким образом, можно назвать уже три пересекающихся понятия: дискурсивные слова, текстовые скрепы и метатекст. Однако и без того запутанные соотношения этих трёх понятий усложняются ещё больше с наличием понятия модуса, также соотносимого с некоторыми из названных выше. Его мы рассмотрим далее.

1.2.6. Текстовые скрепы и модус

Впервые предложил выделять в семантической структуре высказывания диктум (объективную сторону) и модус (субъективную сторону) Ш. Балли [Балли 1955: 43–44]. Высказанную Ш. Балли мысль уточнила В. А. Белошапкова: «В содержании предложения соединены значения двух принципиально разных родов: объективные, отражающие

действительность, и субъективные, отражающие отношения мыслящего субъекта к этой действительности» [Белошапкина 1989: 679].

В приведённых выше утверждениях рассмотрение модуса ведётся на уровне не текста, а высказывания или предложения. Разграничение, при котором модусу в качестве «сферы действия» отводится уровень предложения (высказывания), а смежным с ним явлениям – метатексту и дискурсу – уровень текста представляется весьма последовательным и закономерным. Однако последние десятилетия, как отмечает О. Н. Копытов, в лингвистике ознаменовались вниманием к модусу не только высказывания, но и текста [Копытов 2011: 13–14], хотя своё начало они берут ещё с работы И. Р. Гальперина, выделившего среди прочих текстовых категорий и категорию модальности [Гальперин 1981]. Начатую И. Р. Гальпериним линию продолжил Г. Я. Солганик, утверждающий, что модус одного высказывания может распространяться и на соседние, обеспечивая связность текста и выполняя в структурном отношении роль центра построения речи. При этом сам модус играет активную роль в текстообразовании, а в числе основных выразителей модальности автор называет личные местоимения, позволяющие разделять три типа речи – от 1-го, 2-го и 3-го лица [Солганик 1984: 179–185]. О разграничении модуса высказывания и модуса текста говорит З. Я. Тураева. В качестве одного из основных различий между модусом высказывания и модусом текста она называет мономодальность (неизменность субъекта оценки) и полимодальность (возможность неоднократной смены субъекта оценки) соответственно [Тураева 1994: 111]. Сами же выразители модальности могут принадлежать к числу как лингвистических средств, так и экстралингвистических (членение текста на композицию произведения, амбивалентность субъекта) [там же: 112]. Кроме того, М. Я. Дымарский, говоря о локализации автора в художественном тексте, выделяет «дейктический модус текста», под которым он понимает функционально-семантическую категорию текста, базирующуюся на значениях референциальной определённости или неопределённости всех содержащихся в нём элементов субъектной и

хронотопической семантики, т. е. референцию субъектных и хроно-топических элементов, имеющих онтологический характер и действительных для любых речевых произведений [Дымарский 2001: 268]. Нечто подобное находим и у Н. П. Перфильевой. Приводя в одной из своих работ образец описания конкретных текстов, она приходит к следующему выводу: «Модус данного текста в плане содержания практически не отклоняется от стандарта и поэтому в плане выражения представлен только некоторыми показателями метатекста, авторизации и достоверности» [Перфильева 2005: 63]. Анализируя это утверждение, можно сделать вывод о том, что модус текста автор трактует как понятие более широкое по отношению к понятию метатекста.

Определение круга лингвистических показателей модуса, его формальных показателей, по словам Т. В. Шмелёвой, представляет собой серьёзную проблему, т. к. модус имеет склонность проявляться имплицитно. К числу вербально невыраженных проявлений модуса она относит значения реальной модальности, настоящего времени и положительной оценки в некоторых предложениях [Шмелёва 1987: 28]. Отсутствие показателей таких значений исследователь связывает с действием в высказывании определённого стандарта, не требующего специального обсуждения. Отклонение от этого стандарта, когда имеет место расхождение коммуникативных установок автора и адресата, вызывает, по её мнению, появление в высказывании определённых формальных показателей (заметим, что автор называет их метапоказателями, что говорит о начале терминологического смешения, т. к. этот же термин используется, например, Н. П. Перфильевой [Перфильева 2006] при описании метатекста) [Шмелёва 1987: 31]. Эта особенность существенно усложняет задачу разграничения модуса высказывания, модуса текста и смежного с ними метатекста.

В тех случаях, когда модальная рамка всё-таки получает своё выражение, задача разграничения модуса и метатекста усложняется ещё больше. Показатели и модуса, и метатекста в формальном плане, как правило, представляют собой вводные слова или конструкции, вносящие определённые субъективные грани в объективное содержание

отдельного высказывания или текста в целом (текстовые скрепы также не противопоставляются смежным явлениям по этому признаку). Наибольшую трудность здесь представляют те случаи, когда мы имеем дело с так называемым широким пониманием тех или иных языковых явлений. Именно такое понимание метатекста находим у Н. П. Перфильевой. В частности, автор говорит о рефлексивно-пояснительных метаэлементах, к которым относит единицы типа «проще сказать», «короче говоря», «выражаясь официальным языком» и др. [Перфильева 2006: 164]. Эта группа метапоказателей оказывается соотносимой с выделенными А. В. Бондарко модусными значениями оценки достоверности, коммуникативной установки высказывания, засвидетельствованности (пересказывания/непересказывания) [Бондарко 2001].

Таким образом, если бы сфера действия модуса ограничивалась исключительно уровнем высказывания, то по этому признаку он оказался бы чётко противопоставленным функционирующему на уровне текста метатексту. Однако выделение модуса текста делает такое противопоставление невозможным, и в соответствии с этим текстовые скрепы – один из формальных показателей модуса, участвующий в оформлении модальной рамки текста. В этом случае понятие модуса вступает в определённые отношения с понятием дискурса, и разграничение этих двух понятий представляет серьёзную трудность.

1.2.7. Категориальный статус текстовых скреп

Серьёзной преградой на пути решения данного вопроса являются существенные разногласия среди исследователей при построении самой грамматической классификации слов. Касаются они главным образом принципов, которые должны ложиться в основу конкретной типологии. Именно эти принципы становятся основанием для формирования конечных представлений о сути той или иной типологии и количестве её структурных элементов, которые могут, соответственно, очень сильно различаться. Указанные разногласия проявляются во включении в определённую классификацию или исключении из неё не только

отдельных слов, но и целых классов, а также в понимании отношений между элементами и их распределении внутри системы.

Учение о грамматических классах слов в русской лингвистической традиции сложилось как учение о частях речи. Разработке этой теории было посвящено огромное количество работ, но споры вокруг неё не утихают до сих пор. Основывается современная частеречная классификация на трёх базовых критериях, вопрос о степени значимости каждого из которых так и не был решён до конца. В качестве таких критериев используются семантический (общий для определённой группы слов обобщённый компонент их лексического значения), морфологический (набор определённых морфологических признаков) и синтаксический (отличительные синтаксические свойства и признаки определённой группы слов) с большей опорой на какой-либо один из них или признанием их равноправия. Но, как отмечает Е. С. Кубрякова, отечественной русистике было свойственно последовательное развитие морфологического направления в изучении частей речи, и здесь оно приобрело свою завершённую форму. Тем не менее, осталось множество спорных моментов, особенно в отношении тех слов, которые собственными морфологическими показателями и/или собственными наборами грамматических категорий не обладают [Кубрякова 2004: 118]. Кроме того, даже учёт всех трёх критериев не даёт возможности систематизировать абсолютно все слова русского языка в грамматическом аспекте: часть из них постоянно остаётся за пределами системы. И наиболее «проблемными» оказываются, как правило, слова, не попадающие под понятие знаменательной лексики. Текстовые скрепы, бесспорно, входят в эту группу.

Большинство имеющихся классификаций частей речи сводится к их разделению на знаменательные и служебные. Но существуют и крайние точки зрения, в числе которых нужно назвать позицию М. В. Панова, выделяющего 5 частей речи – существительное, глагол, деепричастие, прилагательное и наречие. Служебные же слова, по его мнению, находятся вне частеречной классификации [Панов 1960].

В то же время, несмотря на обилие частеречных классификаций, текстовые скрепы никогда не выделялись в качестве самостоятельного класса, и можно говорить лишь о попытках их включения в систему частей речи. Так, рассматриваемые нами единицы попадали в разряд вводно-модальных слов. Одним из первых о них как об особом явлении заговорил А. А. Шахматов в своей работе «Синтаксис русского языка», но здесь вводные слова (в терминологии автора) рассматривались не как часть речи, а как особая синтаксическая конструкция в составе предложения [Шахматов 1941: 265–274].

Особого внимания заслуживает классификация частей речи, предложенная В. В. Виноградовым. Именно им вводно-модальные слова были выделены в отдельную группу, противопоставленную знаменательным и служебным словам, а также междометиям [Виноградов 2001]. В. В. Виноградов обнаружил и некоторую неоднородность выделенных им единиц, составив две их типологии – формальную и функциональную. Первая типология базировалась исключительно на составе компонентов, входящих в конкретную единицу. Например, оборот «таким образом», являющийся классическим примером текстовой скрепы, попадает в группу словосочетаний, состоящих из беспредложной формы имени существительного и определяющего слова [там же: 603].

В. В. Виноградов делает попытку классифицировать модальные слова по функции, и упомянутое выше «таким образом» попадает в группу модальных слов, содержащих оценку самого стиля, способа выражения, когда то или иное выражение сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Примечательно, что сюда же он относит те модальные слова и выражения, которыми обозначается переход от одного стиля речи к другому, переход с одной системы выражения на другую. Близки к ним, по словам В. В. Виноградова, и модальные слова, отмечающие переход к обобщению, к итогу речи («словом», «одним словом» и т. п.) или выражающие поиски забытого или непонятого слова («как бишь», «то бишь» и т. п.) [там же: 603–604],

т.е. выполняющие функции, которые явно относятся к разряду текстовых, однако сам автор специально их не оговаривает.

Отдельно следует упомянуть об утверждении В. В. Виноградова о сближении функции таких слов с функцией союзной: «Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако их значение не вполне однородно со значениями союзов. Модальные слова данного типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они не вызываются самим этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой» [Виноградов 2001: 605–606].

Примечательно, что такая позиция вызвала серьёзную и отчасти обоснованную критику со стороны ряда лингвистов, обвинявших В. В. Виноградова в выделении данной части речи исключительно на основании синтаксических функций без учёта морфологии и семантики. Тем не менее, у теории В. В. Виноградова существует и достаточно большое количество последователей. В частности, Ю. С. Маслов говорит об отдельной, промежуточной между знаменательными и служебными, группе слов, составляющих «оценочные» или модальные слова и выражающих оценку достоверности факта («несомненно», «вероятно», «по-видимому», «кажется», «как будто», «может быть», «вряд ли», «едва ли» и др.), либо оценку его желательности или нежелательности с точки зрения говорящего («к счастью», «к сожалению», «на беду» и др.) [Маслов 2005: 172].

Не вносят ясности в вопрос о категориальном статусе текстовых скреп и теории, предлагающие классификации слов, альтернативные частеречной. В качестве примера необходимо назвать в первую очередь теорию Е. С. Кубряковой, предлагающей классифицировать слова не на морфологических, а на глубинных ономазиологических и когнитивных основаниях, базирующихся на ассоциативных комплексах Л. С. Выготского. Обсуждение рассматриваемой нами проблемы в работе Е. С. Кубряковой идёт исключительно в плоскости знаменатель-

ных частей речи. Единственное исключение – ссылка на И. Циммермана, предлагавшего выделять помимо знаменательных частей речи предлоги и союзы в целях отражения большей дифференцированности классов слов и их комбинаторных свойств [Кубрякова 2004: 159]. Сужение спектра рассматриваемых явлений вполне объяснимо тем, что вся дискуссия строится в основном с опорой на семантику той или иной группы слов, и служебные части речи из неё выпадают, получая, по словам Е. С. Кубряковой, некоторое осмысление при разработке теории дискурса, где были выделены особые дискурсивные слова (один из основных постулатов дискурсивной теории – грамматика появляется под действием дискурсивных факторов [там же: 148]).

Примечательно также, что Е. С. Кубрякова признаёт наличие номинативной функции у служебных частей речи, но они наряду с морфемами аффиксального типа «называют» не самостоятельно, а совместно с другими единицами [Кубрякова 1978: 10].

Ещё одна преграда на пути понимания категориального статуса текстовых скреп – ёмкость данной категории. Связующую функцию в тексте могут выполнять не только отдельные слова и лексикализованные обороты, но и целые предложения. Так, в числе типичных скреп можно назвать *итак; таким образом; в связи с этим; вместе с тем; в самом деле; а также; как видим; как известно; допустим, что; в завершении отметим* и многие другие. Все они характеризуются способностью оформлять внутритекстовые связи, занимая позицию в составе предикативной единицы. Кроме того, помимо собственно текстовых скреп, А. Ф. Прияткина выделяет и так называемые скрепы-фразы, являющиеся частным случаем проявления первых и включающие в свой состав словоформы непредикативного (адвербиального, адъективного, субстантивного) и предикативного характера: фразеологизмы, устойчивые соединения с союзами и частицами, фразеологизированные ПЕ и др., отличительным признаком которых выступает интонационное оформление, соответствующее отдельному высказыванию (в письменном тексте оно обозначено точкой или её аналогом), или даже выделение в самостоятельный абзац, например, *итоги таковы; есть и другое*

обстоятельство; вопрос в другом и т. п. Среди многообразия единиц автор даже предлагает выделять две принципиально различные модели. С одной стороны, – высказывания, оформленные грамматически как предикативные единицы, так что лишь стандартизированное конкретное содержание заставляет причислить эти лексико-синтаксические единицы к категории скреп-фраз. А с другой стороны – род неологизма: лексикализованную словоформу, для которой интонационный признак (оформление, соответствующее высказыванию) является определяющим [Прияткина 2007: 338].

Таким образом, под понятие текстовой скрепы попадает достаточно широкий круг языковых явлений, характеризующихся лишь общностью синтаксической функции и обязательным наличием интонационного и конструктивного выделения (в т. ч. и в отдельную конструкцию).

1.2.8. Особенности семантики текстовых скреп как представителей класса служебных слов

Текстовые скрепы, бесспорно, являются служебными словами, и вопрос об их семантике – это вопрос о семантике служебных слов в целом. Он был поднят в лингвистике не одно десятилетие назад, однако, несмотря на столь долгую историю, продолжает оставаться актуальным и до сих пор не имеет однозначных и окончательных ответов. Так, возможно и полное отрицание наличия у служебного слова лексического значения (например, во взглядах М. И. Стеблина-Каменского, указывавшего на то, что семантическая категория отношения находит свою реализацию только лишь на грамматическом уровне языка [Стеблин-Каменский 1974]), и признание наличия у него собственного номинативного значения. К представителям последней точки зрения принадлежит В. Г. Гак, который рассматривает номинацию отношений между предметами внеязыкового мира как существенно не отличающуюся от номинации самих предметов, что и приводит его к признанию наличия номинативной функции у предлогов [Гак 1971].

Своеобразным компромиссом в этой области стало разграничение слов на лексический и функциональный классы, широко распрост-

ранённое в британской грамматической традиции. С точки зрения британских лингвистов, функциональные слова не обладают номинативной функцией, но в то же время могут иметь ослабленное лексическое значение, хотя и характеризуются морфологической неразложимостью и синтаксической зависимостью [Lyons 1995: 66]. К этой группе примыкает и точка зрения М. В. Ляпон. Она охарактеризовала значение описываемых ей «релятивов» (в это понятие, судя по приводимым примерам, попали не только союзы, но и многочисленные единицы, формально являющиеся вводными в предложении) как содержащее информацию об отношении. Суть этой концепции заключается в том, что релятивы, по её мнению, являются сигналами субъективного отношения, т. е. являются носителями информации о позиции говорящего, оставляющего в тексте следы рефлексивного комментирования [Ляпон 1986: 15–16]. Проявляется значение отношения в категории оценки, которая характеризуется «аналитизмом» – способностью всегда оказываться в тексте вне объекта оценки, тогда как другие оценочные средства языка от объекта оценки неотделимы [там же: 22].

Схожие взгляды можно встретить в работах многих исследователей. Так, Е. Т. Черкасова, говоря о процессах перехода полнозначных слов в предлоги, отмечает, что употребление некоторых деепричастий «с зависимым именем отвлечённого значения, то есть со словом, которое не является названием предмета, обозначающего объект зрительного восприятия» способствовало развитию у них релятивности, неразрывно связанной со служебностью [Черкасова 1967: 218]. О. А. Алимуратов определяет семантику союзов как реляционное значение, близко прилегающее к предикатному значению. Данное утверждение он аргументирует тем, что отношения между актантами союзов устанавливаются говорящим субъективно; адресант сообщения в данном случае стоит как бы на позициях комментатора событий, происходящих вокруг него [Алимуратов 2004: 44]. А. Ю. Чернышёва, описывая значения частиц, говорит о том, что «грамматическое значение служебных слов – это значение выражения

синтаксических отношений между самостоятельными частями речи, частями предложений или целыми предложениями, а также значение выделения слов или синтаксических конструкций и соотнесения их с реальной действительностью» [Чернышёва 1997: 18].

Принципиально иное понимание значения служебного слова представлено в работах, относящихся к процедурному подходу в понимании семантики. Эта концепция восходит к трудам зарубежных лингвистов и тесно связана с убеждением, что существует объяснительный уровень, на котором обнаруживается значительное сходство между психологическими процессами употребления языка человеком и вычислительными процессами машинных программ, которые можно составлять и изучать. Именно на таких позициях стоял Т. Виноград, оказавшийся у истоков данной теории. Отправной точкой его подхода стало утверждение о том, что производство и понимание высказываний происходит в рамках структуры процессов текущей мыслительной деятельности, которые включают как языковые, так и неязыковые элементы. Отдельные высказывания могут пониматься только с учётом той роли, которую они играют в этом более широком контексте. [Виноград 1983: 125]. Эта теория получила большое количество последователей, а само процедурное понимание семантики – множество различных толкований. Наибольшего внимания здесь заслуживает тот факт, что уже в рамках русистики данная концепция была экстраполирована на описание значения служебных слов. Так, А. Н. Баранов и П. Б. Паршин признали способность многих служебных слов взаимодействовать одновременно с планом содержания соответствующего высказывания и с текущим сознанием адресата. Это утверждение привело авторов к возможности выделения неких смыслов-инструкций, базирующихся на так называемом процедурном преобразовании, под которым понимается комплекс операций над смыслами, приводящих к синтезу единой семантической структуры высказывания [Баранов, Паршин 1990: 23–24]. Иными словами, значение служебного слова проявляется в способности определённым образом встраиваться в значение

высказывания (очевидно, это можно наблюдать и на текстовом уровне) и трансформироваться под его влиянием.

Этот подход представляется наиболее продуктивным при анализе значимой стороны текстовых скреп, несомненно, характеризующихся теснейшим взаимодействием как с самим высказыванием, так и с сознанием адресата, апеллированием к нему. В соответствии с этим, анализ значений текстовых скреп «таким образом» и «итак» был проведён именно с его учётом, правда с некоторыми поправками.

Глава 2. Текстовые скрепы «таким образом» и «итак»: особенности функционирования, семантики и параметры их описания

2.1. Функционирование и семантика текстовой скрепы «таким образом»

2.1.1. Общая характеристика текстовой скрепы «таким образом»

Начало описанию текстовой скрепы «таким образом», одной из наиболее типичных текстовых скреп, в русистике было положено авторами различных словарей лингвистической направленности, специализирующихся на описании служебных слов [Словарь служебных слов русского языка 2001], выражений, эквивалентных слову [Рогожникова 2003: 219] и др. Однако системные её описания отсутствуют до сих пор, и в литературе можно найти лишь отдельные упоминания о ней, например, [Перфильева 2006]. Между тем, данный феномен нельзя отнести к числу «новых тенденций» в языке: наиболее ранние её употребления датируются XIX веком.

В формальном плане текстовая скрепа «таким образом» представляет собой двухкомпонентный лексикализованный эквивалент слова, являющийся экспликатором отношений между частями текста (на этом основании вполне закономерно использовать термин «слово» применительно к данной языковой единице). В этимологическом плане основой для её формирования послужил омонимичный лексикализованный наречный оборот, по своей семантике тождественный слову «так». Процесс перехода сопровождался развитием ряда характерных для любой текстовой скрепы свойств и признаков: релятивной функции, способности создавать особое интонационное членение (позиция после паузы, знаменующая членение текста). Кроме того, выполняя функцию скрепы, оборот «таким образом» обязательно формирует вводную конструкцию с соответствующей пунктуацией, позволяющей чётко

разграничивать на письме наречный оборот и скрепу в современном русском языке.

Ср. наречный оборот: *В этом случае ребёнок не имеет собственного опыта и должен поверить на слово исследователю. Таким образом [=так] изучается «чистая» регулирующая роль речи* (А. Р. Лурия. Язык и сознание). Скрепа: *Разумная система здравоохранения позволит снизить издержки, повысить качество медицинского обслуживания, будет способствовать укреплению здоровья людей, здоровья общества. Таким образом, мы получим систему здравоохранения, в которой всё внимание будет направлено на то, на что оно должно быть направлено, а именно – на пациентов* (Русский Newsweek. 2009. № 26).

Существуют и другие признаки, позволяющие отнести «таким образом» к числу наиболее ярких представителей класса текстовых скреп. Так, данная единица функционирует исключительно в тексте, выступая оформителем его внутренних связей и выражая определённые отношения между его частями, объём которых может быть самым разным. В её контекст вовлекаются исключительно высказывания или их группы, формирующиеся на основе общности содержания. Не противоречит этому утверждению и такой пример: *Объект в процессе мышления включается во всё новые связи и в силу этого выступает во всё новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях, из объекта, таким образом, как бы вычерпывается всё новое содержание, он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нём выявляются всё новые свойства, которые фиксируются в новых понятийных характеристиках* (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности). Несмотря на то, что на письме весь контекст скрепы оформлен как одно предложение, части которого связаны бессоюзной связью, связи в нём следует расценивать как текстовые, чему соответствует интонационное и смысловое членение.

Минимальный контекст для скрепы «таким образом» – два высказывания: *Сначала по индивидуальному протоколу подсчиты-*

вается количество объективированных-субъективированных вопросов по всему объёму заданных вопросов, затем количество категориальных-фактических вопросов также по всему объёму заданных вопросов. **Таким образом,** каждый вопрос оценивался дважды по двум критериям: объективированность/субъективированность и категориальность/фактичность (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования), а его максимальный объём потенциально неограничен, например: [резюме завершает главу объёмом 14 страниц, в которой рассказывалось о том, к каким речемыслительным нарушениям приводят повреждения определённых участков коры головного мозга]. **Таким образом,** исследование больных с локальными поражениями мозга показывает, насколько дифференцированной является мозговая организация речевой деятельности и какие широкие перспективы имеет этот путь исследования (А. Р. Лурия. Язык и сознание). Иметь достаточно большой объём может не только левый, но и правый контекст скрепы: Конвергентные способности обнаруживают себя в показателях эффективности процесса переработки информации, в первую очередь, в показателях правильности и скорости нахождения единственно возможного (нормативного) ответа в соответствии с требованиями заданной ситуации. Конвергентные способности характеризуют, **таким образом,** адаптивные возможности индивидуального интеллекта с точки зрения успешности индивидуального интеллектуального поведения в регламентированных условиях деятельности.

Конвергентные способности представлены тремя свойствами интеллекта [Далее смысловой блок развёртывается ещё на 3 страницы, на которых подробно описываются эти свойства]. (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования). В этой же книге находим примеры достаточно больших объёмов левого и правого контекстов одновременно: [На восьми страницах выше приводились различные подходы к выявлению уровня интеллектуальной одарённости, заключающиеся в попытках связать её с уровнем IQ, учебными и жизненными достижениями, креативностью, и говорилось об их частичной или полной несостоятельности]. **Таким образом,**

традиционные подходы в диагностике интеллектуальной одарённости отчётливо продемонстрировали то обстоятельство, что ни высокий уровень IQ, ни высокий уровень учебных достижений, ни высокий уровень креативности – каждый сам по себе – не может быть индикатором интеллектуальной одарённости.

Понимание данного обстоятельства привело к появлению комплексных теорий интеллектуальной одарённости. Ярким примером является концепция одарённости Дж. Рензулли <...>. [Далее смысловой блок развёртывается ещё на 5 страниц, где подробно обсуждается концепция Рензулли]. (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования).

Ни в одном из приведённых нами контекстов не предполагается какая-либо грамматическая охарактеризованность компонентов, соединяемых скрепой, что также является свойством любой текстовой скрепы [Прияткина 2007: 338]: соединение фрагментов текста происходит на уровне содержания и логических связей, а не грамматики.

Что касается сферы употребления рассматриваемой скрепы, то здесь прежде всего следует назвать книжно-письменную речь. Именно она и послужила источником языкового материала. Было проанализировано около 14500 страниц текстов различных стилей (около 4500 страниц научных, научно-популярных и научно-учебных текстов, около 5000 страниц художественных текстов и столько же публицистических) и найдено 699 примеров употребления текстовой скрепы и 114 примеров употребления наречного оборота. Кроме того, использование текстовых скреп вообще – яркий признак рассуждения как типа речи (в других типах речи они крайне редки). Вследствие этого на первый план по частотности их использования выходят научные и научно-популярные тексты (552 и 106 употреблений текстовой скрепы соответственно, употреблений наречного оборота – 30 и 32 соответственно). Значительно реже скрепа «таким образом» встречается в публицистической речи, где на первый план по частотности употребления выходит наречный оборот (одиннадцать примеров

употребления текстовой скрепы и сорок один пример употребления наречного оборота), причём среди рассмотренных нами печатных СМИ основным источником выступают общественно-политические журналы, что, очевидно, связано с большей аналитичностью этих изданий и, следовательно, более частым использованием рассуждения. Характеризуя употребление скрепы «таким образом» в художественных текстах, можно говорить о некоторой «окказиональности» (было найдено всего 4 примера употребления скрепы и 17 примеров употребления наречного оборота): она может достаточно часто встречаться в произведении одного автора и полностью отсутствовать в произведениях другого (в качестве примеров для сравнения стоит назвать Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого соответственно). Кроме того, в художественном тексте нами был обнаружен единственный вариант скрепы «таким образом» «таким-то образом», который мы считаем стилистически окрашенным. *И для этого [чёрт] решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Ещё при месячной ночи варенуха и водка, настоящая на шафран, могла бы заманить Чуба, но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.*

Таким-то образом, как только чёрт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашёл дорогу к шинку, не только к дьяку (Н. В. Гоголь. Ночь перед рождеством).

Важным показателем для рассматриваемой скрепы является позиция в предложении. Данный оборот характеризуется тем, что в функции текстовой скрепы он может относительно свободно располагаться в предложении. Единственная недопустимая для него позиция – позиция абсолютного конца предложения, о чём свидетельствует и факт отсутствия примеров такого употребления среди собранных нами. Наиболее типичной для скрепы «таким образом»

является позиция в абсолютном начале предложения, которое в функционально-содержательном плане открывает левый контекст скрепы. Однако встречаются случаи смещения скрепы вглубь предложения, что, как правило, вызвано желанием автора акцентировать внимание на определённом элементе высказывания, который выносится перед скрепой. *К тому времени в ней появилась жизнь и вместе с геохимическим начал действовать биохимический механизм изъятия углекислого газа из атмосферы и перевода его в осадочные толщи гидросферы.*

На начальном этапе развития Земля, таким образом, балансировала между марсианским и венерианским путями эволюции гидросферы, но, не в последнюю очередь благодаря самой гидросфере, избрала свой собственный, земной путь (К. С. Лосев. Вода).

Кроме того, особенностью скрепы «таким образом» является её способность участвовать в построении креолизованных текстов,

выступая их конституирующим элементом. Эту способность демонстрирует следующий пример. *Если систематизировать описанные в тестологии характеристики интеллекта, то схематически всё множество результатов проявлений интеллектуальной активности в условиях выполнения тестовых заданий, с моей точки зрения, может выглядеть следующим образом (рис. 2).*

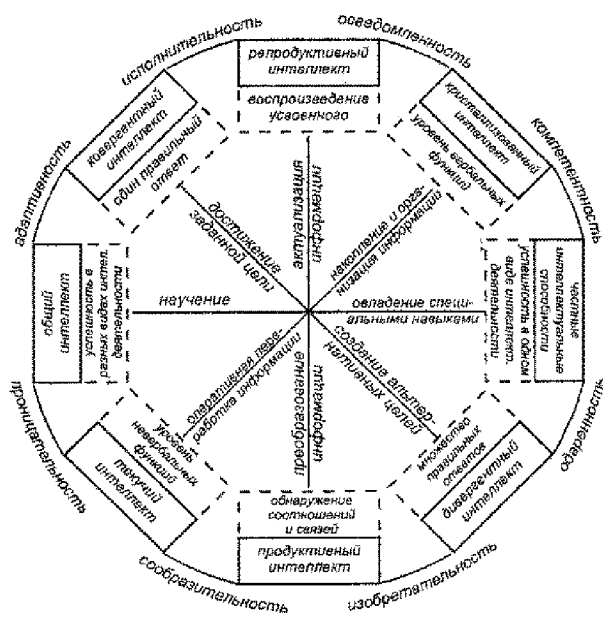

Рис. 2. Результативные свойства интеллекта, выявленные в тестологических исследованиях (в прямоугольниках, обозначенных сплошными линиями, указаны описанные в тестологических теориях типы интеллекта; в пунктирных прямоугольниках – основной критерий их выделения; на осях – функции каждого типа интеллекта; на границах секторов – интеллектуальные качества лиц, демонстрирующих высокую успешность в соответствующем виде интеллектуальной деятельности)

Таким образом, у нас получилась своего рода модель-«вертушка» результативных проявлений интел-

лекта, в которой границы секторов достаточно условны и соответственно могут перекрывать друг друга либо выпадать в зависимости от субъективных и объективных условий. Эта «вертушка» является удобным средством для анализа возможных типов интеллектуального поведения детей и взрослых, а также для классификации разных типов задач, инициирующих те или иные интеллектуальные качества личности. (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования). Как видно, в данном примере имеет место креолизация: помимо собственно текстовой информации в состав фрагмента включён ещё и рисунок, в содержательном плане представляющий с ней единое целое. Скрепа маркирует начало подытоживающей части текста, завершающей весь смысловой блок, который посвящён описанию результативных проявлений интеллекта, выявленных в рамках тестологии. Левый контекст скрепы представляет собой повтор наиболее важной информации из левого контекста (слова «модель-«вертушка» коррелируют непосредственно с рисунком, а слова «результативных проявлений интеллекта» – с подрисуночной подписью) и содержательное дополнение на базе этого повтора, которое начинается со слов «в которых границы секторов достаточно условны» и заканчивается вместе с абзацем, завершающим основную часть главы в книге. Забегая вперёд, отметим, что функцию присоединения повтора в тексте у текстовой скрепы мы назовём резюмирующей и остановимся на ней позже.

Особое внимание следует уделить **критериям**, которые позволят выявить и дифференцировать различные реализации скрепы «таким образом». В числе непригодных для этих целей критериев сразу следует назвать критерий грамматический, т. к. речь идёт о служебной лексической единице, не имеющей форм словоизменения. Малопригоден и формальный критерий: как уже было отмечено выше, единственный встреченный нами формальный вариант (таким-то образом) свидетельствует лишь о наличии стилистического варьирования. Самым надёжным на этом пути критерием, на наш взгляд, необходимо считать функциональный критерий. Функция для

текстовой скрепы является главным и фактически единственным для рассматриваемой скрепы дифференциальным признаком. Основой для формирования функциональных различий становится варьирование плана содержания скрепы «таким образом», которое будет описано ниже.

Под функцией текстовой скрепы мы понимаем способ соединения частей текста, который определяется отношениями, возникающими между левым и правым контекстом скрепы. Именно через свою функцию скрепа проявляет себя как таковая и реализуется в качестве языковой единицы. Только на этом уровне можно определить её языковой статус (заметим, что грамматические характеристики левого и правого контекстов – это, наряду с содержательной структурой, лишь средства формирования текстовых связей).

Традиционно текстовую функцию скрепы «таким образом» определяют как функцию присоединения логического вывода-следствия. Так, находим в словарях следующие толкования: «Употребляется для придания высказыванию значения вывода, логического следствия из того, что утверждалось ранее или из сложившейся ситуации» [Морковкин 2002: 338]; «Употребляется для выражения заключения» [Рогожникова 2003: 219]. Подобное понимание находим и в работе Н. П. Перфильевой, относящей данную скрепу к группе метапоказателей логического вывода. К той же группе исследователь относит слова «значит», «стало быть», «следовательно» и др. [Перфильева 2006: 157]. Однако анализируя употребление скрепы «таким образом» в различных текстах, мы смогли выделить две основных её функции: **функцию присоединения логического вывода-следствия** (в этом случае «таким образом» отождествляется со словом «следовательно») и **функцию резюмирования**, а также несколько более частных функциональных подтипов.

2.1.2. Функция присоединения логического вывода-следствия текстовой скрепы «таким образом»

Первая рассматриваемая нами функция текстовой скрепы «таким образом» – функция присоединения логического вывода-следствия (было обнаружено 306 случаев употребления скрепы в этой функции). Целый ряд фактов говорит о том, что именно она стала первым этапом в формировании релятивных возможностей оборота «таким образом». К таким фактам относятся многочисленные обнаруженные нами переходные случаи на пути между скрепой в функции присоединения логического вывода-следствия и наречным оборотом, когда однозначно нельзя сказать о полной сформированности отношений логического следования. *Советуем применять комплексный учебный метод. Большие количества информации можно запоминать с помощью частного учебного метода, при котором повторяется предложение за предложением, стихотворная строка за строкой и т.п., обрекая, таким образом, заучиваемый материал на интерференцию с самим собой и прочие «радости»* (Е. Е. Васильева. Как запомнить, чтобы вспомнить). Здесь отношения логического следования выражены крайне слабо: фраза «повторяется предложение за предложением...» не подразумевает вывода о неизбежности интерференции заучиваемого материала, но такой вывод можно считать возможным. В то же время, если не учитывать пунктуацию, «таким образом» можно расценить и как наречный оборот без ущерба для содержания. Подобную возможность двойного толкования находим и в следующем примере: *Много тонких и оригинальных экспериментов провёл Дж. Блэк по изучению теплоты, затрачиваемой на нагревание тел одного веса до одинаковой температуры, и нашёл, что количество расходуемой теплоты для каждого тела индивидуально. Таким образом, ему удалось выявить важную зависимость и ввести в научный обиход понятие «теплоёмкость тела»* (В. В. Синюков. Вода известна и неизвестна). В нём также можно свободно менять пунктуацию, не меняя смысла текста в целом.

Однако некоторые примеры можно отнести к числу пунктуационных ошибок (нами было обнаружено восемь подобных примеров).

Владивосток, 14 октября, PrimaMedia. Приморский бизнесмен избавился от лотосов из-за обиды. Таким образом, он отомстил государству за изъятие водоёма «убийством» краснокнижных цветов. Он искренне считает, что красивым охраняемым законом цветам не место на частном водохранилище. Об этом бизнесмен из Арсеньева Михаил Чеботаревский рассказал корр. РИА PrimaMedia по телефону (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://news.mail.ru/inregions/foreast/25/7066672/>). В этом случае левый контекст скрепы не содержит никаких посылов, на которых может базироваться вывод, однако пунктуация свидетельствует о том, что они должны быть (пунктуационное выделение – признак скрепы). Обилие таких примеров (нами было обнаружено около 10 случаев нарушения пунктуации и около 20 случаев вариативности трактовки отношений в тексте) свидетельствует о неустоявшемся характере распределения соответствующих элементов системы и продолжающейся до сих пор активности языковых процессов в данной области.

Отдельного внимания заслуживают сами отношения логического следования. Логика характеризует их как описанные не совсем чётко и не имеющие однозначного определения [Ивин 1997: 188–189]. Однако именно в рамках логики была выработана модель таких отношений, позволяющая наглядно отобразить их структуру и охарактеризовать составные элементы. Данная модель имеет следующий вид: из высказываний $A_1... A_n$ следует высказывание B [там же: 189]. Модель получила название семантического определения отношений логического следования, а значит, требует выделения элементов по семантическому основанию (последний элемент будет завершать ряд семантически однородных). Явным достоинством такой модели является то, что она, на наш взгляд, оптимально подходит для анализа текстов, построенных на отношениях логического следования, экспликатором которых является скрепа «таким образом», т.к. позволяет разложить текст на

составные элементы и выявить взаимосвязи между ними. В качестве примера рассмотрим фрагмент текста: *Фактически, только через понятия индивидуум открыт культуре и, **таким образом**, только через понятия осуществляется наиболее эффективная социализация (очеловечивание) индивидуального интеллекта, что создаёт предпосылки для понимания других людей (и других вариантов культуры)* (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования).

Этот пример являет собой простейшую текстовую конструкцию, построенную на отношениях логического следования. Одному послылу в левом контексте скрепы (*только через понятия индивидуум открыт культуре*) здесь соответствует один вывод в правом контексте (*только через понятия осуществляется наиболее эффективная социализация*). Отношения логического следования базируются на том, что информация из левого контекста как бы предполагает информацию из правого: *открыт культуре*, значит, *подвергается социализации*. Дополнительным связующим элементом выступает повтор (*только через понятия*), создающий параллелизм конструкций левого и правого контекстов.

Более сложную структуру можно увидеть в следующем примере.

*Один из немецких классических психологов Штумпф наблюдал за своим сыном, который называл утку «га-га». Однако оказалось, что словом «га-га» называлась не только утка; этим словом называлась и вода, в которой плавает утка, и монета, на которой изображён орёл. **Таким образом**, это слово относилось ко всему, что имеет отношение к птице, ко всей ситуации, в которой она может встречаться* (А. Р. Лурия. Язык и сознание). Здесь усложнение структуры происходит из-за того, что левый контекст скрепы содержит уже не один, а несколько посылов, последовательно связанных друг с другом: *наблюдал за сыном → сын называл утку «га-га» → словом «га-га» называлась не только утка → этим словом называлась и вода..., и монета...* Вывод, в свою очередь, присоединяется непосредственно к последнему послылу, и показателем его начала выступает текстовая скрепа «**таким образом**», выделяя данное

высказывание из ряда семантически однородных. Основой для формирования отношений логического следования в данном примере послужило соотношение частное – общее в левом и правом контексте соответственно: утка – птица; вода, монета – всё, что имеет отношение к птице и т.д.

Иной механизм присоединения логического вывода, оформляемого скрепой «таким образом», можно наблюдать в таком примере: *По мнению Кеттелла, кристаллизованный интеллект – это результат образования и различных культурных влияний, его основная функция заключается в накоплении и организации знаний и навыков. Текущий интеллект характеризует биологические возможности нервной системы, его основная функция – быстро и точно обрабатывать текущую информацию. Вместо одного (общего) интеллекта появилось, **таким образом**, уже два интеллекта с радикально разными механизмами* (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования). В этом случае между посылами (*кристаллизованный интеллект и текущий интеллект*) связь уже не последовательная, как в предыдущем, а параллельная и вывод соотносится одновременно с двумя посылками, обобщая их в совокупности. При этом задействуются механизмы свёртывания информации, при которых два высказывания сворачиваются до одного: названия интеллектов в левом контексте заменяются словами «два интеллекта» в правом, а их характеристики – словами «с радикально разными механизмами». Кроме того, эти два примера демонстрируют возможность скрепы «таким образом» располагаться как в абсолютном начале содержащего логический вывод высказывания, так и смещаться вглубь, во втором случае актуализируя определённый его фрагмент, выдвигаемый на первое место.

Итак, в случаях с отношениями логического следования появление в тексте скрепы «таким образом» свидетельствует о начале логического вывода, завершающего смысловой блок. Однако можно встретить и такие случаи, где вывод следует не непосредственно за посылками, а на некотором удалении от них. При реализации такой

схемы имеет место некоторое отступление от основной темы, в конструктивном отношении занимающее положение между посылом и выводом: *Психологической основой разумности является интеллект. В общем виде интеллект – это система психических механизмов, которые обуславливают возможность построения «внутри» индивидуума субъективной картины происходящего. В своих высших формах такая субъективная картина может быть разумной, то есть воплощать в себе, по словам К. Маркса, ту универсальную независимость мысли, которая относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи. Психологические корни разумности (равно как глупости и безумия), таким образом, следует искать в механизмах устройства и функционирования интеллекта* (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования). Здесь посыл (первое предложение) предполагает вывод, но между этими двумя элементами возникает дополнительная информация, представляющая собой мнение другого человека о заявленном в послыле вопросе о психологической основе разумности.

Выполняя такую функцию, описываемая скрепа полностью отождествляется со словом «следовательно» в аналогичной функции (рассмотрение других возможных функций последнего не является задачей настоящей работы), выступая его полным синонимом (если учитывать весь функциональный спектр, то синонимия будет частичной). Синонимия этих двух текстовых скреп (как и любая синонимия вообще) даёт возможность разнообразить речь, избегая, в частности, нежелательных повторов при построении текстов, содержащих одновременно несколько выводов, что используется достаточно часто: *В жидкости, в частности в воде, частица колеблется около одного и того же положения равновесия 10^{13} раз в секунду, следовательно, одно колебание совершается за $\tau = 10^{-13}$ с. Эта величина и определяет период колебания частицы как в жидкой, так и в твёрдой фазе. Для воды время «оседлой жизни» частицы, т. е. время её перехода из положения равновесия в соседнее, при температуре около 0°C составляет $\tau = 10^{-11}$ с.*

Таким образом [=следовательно], молекула воды, прежде чем перейти в соседнее положение равновесия, совершает около положения равновесия приблизительно 100 тепловых колебаний (В. А. Синюков. Вода известная и неизвестная). Однако эти возможности используются не всегда, о чём свидетельствует наличие примеров злоупотребления скрепой «таким образом». Было обнаружено восемь случаев, где «таким образом» было употреблено дважды в одном абзаце, однако в числе наиболее ярких приведём следующий (другие факты такого использования и более развёрнутый контекст данного примера см. в приложении): *Слово «чернильница» имеет и второй суффикс -ниц-, который вводит этот предмет ещё в одну категорию, т. е. он относит этот предмет к категории вместилищ (чернильница, сахарница, пепельница, перечница). Таким образом, когда человек говорит «чернильница», он не только указывает на определённый предмет, он анализирует те системы связей, категорий, в которые этот предмет входит. Тем самым через слово передаётся весь опыт поколений, который был накоплен в отношении чернильницы: становится ясным, что это – вещь, имеющая отношение к краскам, орудийности и вместилищу. Таким образом, называя предмет, человек анализирует его, причём делает это не на основании конкретного собственного опыта, а передаёт опыт, накопленный в общественной истории в отношении его функций, и передаёт, таким образом, систему общественно упрочившихся знаний о функциях этого предмета* (А. Р. Лурия. Язык и сознание). Здесь «таким образом» употребляется в одном абзаце 3 раза, причём 2 раза в одном предложении, где во втором случае оно может быть легко заменено словом «следовательно» (полный контекст см. в Приложении 2).

Собранный языковой материал даёт достаточно большое количество примеров, где скрепа в данной функции не разграничивается с соответствующим наречным оборотом (речь идёт как о пунктуационных ошибках, так и о неустойчивом характере отношений), что свидетельствует о первичности этой функции для обозначенной скрепы

и её формировании непосредственно на основе наречности исходного оборота и связанных с ней обстоятельственных отношений. Присоединяя логический вывод-следствие, скрепа «таким образом» является экспликатором отношений логического следования, формирующихся на основе взаимодействия семантических и грамматических составляющих левого и правого контекстов. Эти составляющие индивидуальны для каждого конкретного случая, в отличие от самих отношений, которые вполне поддаются систематизации. Кроме того, именно в этой функции скрепа «таким образом» вступает в отношения частичной синонимии со скрепой «следовательно», что говорит о наличии системных отношений внутри данного класса служебных слов.

Помимо этого видно, что информация из левого и правого контекстов в содержательном плане не повторяется, а «вытекает» из того, о чём говорилось ранее, и вывод всегда вносит некое новое, дополняющее, знание. В этом функция присоединения логического вывода-следствия у скрепы «таким образом» коренным образом отличается от её другой функции – резюмирующей, которая является следующим этапом развития описываемой скрепы.

2.1.3. Резюмирующая функция текстовой скрепы «таким образом»

Гораздо более разнообразны резюмирующие функции скрепы «таким образом» (нами был найден 341 факт использования в данной функции). Под резюме будем понимать фрагмент текста, составляющий правый контекст скрепы «таким образом» и в содержательном плане представляющий собой подведение итога под сказанным выше, т. е. под её левым контекстом. Такое подведение итога вызывает необходимость не просто отсылки к тому, о чём говорилось ранее, а наличие информационного повтора в тексте, который создаёт не логическое следование однородных по какому-либо основанию элементов, а выделение, акцентирование внимания на определённой части левого контекста. Исходя из сказанного выше, основным критерием для выделения резюмирующей функции текстовой скрепы мы предлагаем считать наличие повтора определённой информации

из левого контекста скрепы в её правом контексте, именно этим она кардинально отличается от функции присоединения логического вывода-следствия, при котором вводимая скрепой информация является новой в содержательном плане.

Собранный материал свидетельствует о том, что характер соединения частей текста при резюмировании может быть разным, в соответствии с чем можно говорить о трёх типах резюмирования с участием скрепы «таким образом». В **первом типе** резюмирования резюме завершает определённый смысловой блок текста (под смысловым блоком понимаем фрагмент текста, объединённый общей мыслью), т. е. ограничивает его дальнейшее развёртывание, полностью повторяя его, в соответствии с чем задействованный здесь функциональный вариант скрепы можно назвать **ограничивающим** (из 341 факта употребления резюмирующей скрепы «таким образом» таковых – 120). Во **втором типе** резюмирования резюме также полностью завершает смысловой блок текста, повторяет его, но включает в свой состав ещё и новую информацию, за которой следует новый смысловой блок текста, не имеющий непосредственной связи с предыдущим. Задействованный здесь вариант скрепы «таким образом» назовём **ограничивающе-дополняющим** (142 факта из 341). В **третьем типе** резюмирования резюме не завершает смысловой блок, а служит основой для его дальнейшего развёртывания, и используемый здесь вариант скрепы мы предлагаем называть **резюмирующе-развивающим** (79 фактов из 341). В соответствии с этим резюмирующие функции скрепы «таким образом» можно разделить на две большие группы – **функцию разграничения смысловых блоков** текста, к которой следует отнести скрепы первых двух типов, и **функцию объединения смысловых блоков**, которую выполняют скрепы третьего типа.

1. Разграничение смысловых блоков текста. Выполняя данную функцию, текстовая скрепа «таким образом» вводит резюме, полностью завершающее фрагмент текста, высказывания в котором объединены содержательной общностью, и, как было сказано выше, в

зависимости от характера резюме возможны два варианта реализации этой функции.

а) Ограничивающая скрепа «таким образом». При таком резюмировании содержание вывода полностью, но в сжатой форме повторяет содержание того, о чём подробно рассказывалось ранее. К уже сказанному выше не добавляется ничего нового, и цель использования такого резюме – акцентирование внимания на наиболее важных утверждениях, приводимых в левом контексте скрепы. Функция скрепы «таким образом» в данном случае ограничивается присоединением к левому контексту резюме, маркирующего конец данного смыслового блока.

Первый рассматриваемый нами пример использования скрепы в данной функции содержит в резюмирующей части дословный повтор фрагмента левого контекста. *Имеются возможности повышать потенциальные возможности человека за счёт тренированности сознательного регулирования и контроля некоторых неуправляемых в обычных условиях психических функций (температура тела, ритм сердечных сокращений, эмоциональные состояния и др.). Однако самым эффективным и сильным воздействием на психофизиологические функции человеческого организма всё-таки, видимо, является гипноз.*

Интересный аспект исследования творческой деятельности связан с развитием психофармакологии (использование мескалина, препарата ЛСД). Американский учёный С. Кrippнер, занимавшийся исследованиями творческого процесса под влиянием ЛСД, ввёл понятие об особом «психоделическом» состоянии изменения сознания испытуемых, находящихся под влиянием препарата, и соответственно, о наличии особой разновидности творческого процесса, особого «психоделического искусства». Однако оказалось, что ЛСД и препараты этой группы на данном этапе являются токсичными и их применение было запрещено. Вместе с тем, поиски безвредных стимуляторов продолжаются. Таким образом, нам остаётся ещё раз повторить, что в настоящее время гипноз является наиболее

эффективным средством активизации психической деятельности (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности). Как видно из примера, автор не просто использует повтор, маркируя его текстовой скрепой, но и дополнительно оговаривает то, что он повторяет некоторую информацию, используя метатекстовое выражение «остаётся ещё раз повторить», само же резюме в сжатой форме передаёт содержание одного из предложений левого контекста («сжатие» здесь происходит за счёт исключения модальной рамки, выраженной словами «однако», «всё-таки», «видимо»). При этом резюме следует не непосредственно за резюмируемой частью, а после содержательного отступления, которое относится к тому же смысловому полю, что и непосредственный контекст скрепы. Такая структура и является наиболее характерной для употребления резюмирующей скрепы «таким образом».

Случаи, когда в резюмирующей части используется дословный повтор, крайне редки, и авторы, как правило, прибегают к повтору смысловому: *Результаты единого государственного экзамена по русскому языку 2007 года в целом сопоставимы с результатами ЕГЭ 2006 года. Число выпускников, выполнявших экзаменационную работу на ту или иную школьную отметку, в процентном отношении (по сравнению с 2006 годом) изменилось следующим образом: отметку «2» получили 8,8 % экзаменуемых (в 2006 году – 7,9%); отметку «3» – 39,3% (42,5%); отметку «4» – 37,3% (38,9%); отметку «5» – 13,1% (12,3%). Самые высокие результаты (91–100 баллов) продемонстрировали 3560 человек (0,41%), из них 100 баллов получили 909 человек (0,1%). Таким образом, различия в распределении учащихся по выделенным уровням подготовки по сравнению с предыдущим годом невелики* (И. П. Цыбулько. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий с развёрнутым ответом). Ключевыми элементами, оформляющими связь между левым и правым контекстами, здесь являются слова «результаты в целом сопоставимы» в резюмируемой части и «различия невелики» в резюмирующей. Дополнительными коррели-

рующими в содержательном отношении связующими звеньями выступают даты проведения измерений (2006 и 2007 годы), чему в правом контексте соответствуют слова «в соответствии с прошлым годом», а также приводимые в сравнении многочисленные цифровые данные слева, которым справа соответствуют слова «различия», «по сравнению» и «невелики». Как видно, большинство элементов левого и правого контекстов участвуют в системе создания связей, тесно сплетающихся во взаимодействии друг с другом. Скрепка, в свою очередь, является формальным показателем этой корреляции, выделяя в тексте обобщающий смысловой повтор.

Нечто подобное наблюдается и в следующем примере, однако в нём смысловое взаимодействие коррелирующих элементов левого и правого контекстов можно охарактеризовать не как тесное переплетение, а как прямое соотнесение. *Экспериментальный анализ образования понятий неизбежно приводит нас вплотную к функциональному и генетическому анализу. Мы должны попытаться вслед за морфологическим анализом сблизить найденные нами главнейшие формы комплексного мышления с реально встречающимися в процессе детского развития формами мышления. Мы должны ввести историческую перспективу, генетическую точку зрения в экспериментальный анализ. С другой стороны, мы должны осветить реальный ход развития детского мышления с помощью добытых нами в процессе экспериментального анализа данных. Это сближение экспериментального и генетического анализа, эксперимента и действительности неизбежно приводит нас от морфологического анализа комплексного мышления к исследованию комплексов в действии, в их реальном функциональном значении, в их реальной генетической структуре.*

Перед нами раскрывается, таким образом, задача сближения морфологического и функционального, экспериментального и генетического анализа. Мы должны проверить фактами реального развития данные экспериментального анализа и осветить действительный ход развития понятий с помощью этих данных

(Л. С. Выготский. Мышление и речь). Здесь мы видим гораздо меньшую по сравнению с предыдущим случаем степень переплетения смысловых связей, возникающих между элементами левого и правого контекстов скрепы. Так, в левом контексте находим слова «мы должны попытаться... сблизить», а в правом ей соответствует фраза «перед нами раскрывается... задача сближения». Далее следует перечисление объектов этого «сближения»: «морфологический анализ», «формы комплексного мышления», «генетическую точку зрения в экспериментальный анализ», «реально встречающиеся формы» в левом контексте и «морфологического и функционального, экспериментального и генетического анализа» – в правом. Эффект параллелизма усиливается за счёт повтора фразы «мы должны» в третьем и четвёртом предложениях резюмирующей части и во втором предложении резюмируемой. При этом четвёртое предложение левого контекста и второе предложение правого демонстрируют некоторое чередование соотносимых элементов: справа находим «осветить реальный ход с помощью добытых в процессе экспериментального анализа данных», а слева – проверить фактами реального развития... данные экспериментального анализа» (т. е. рассмотреть реальность с помощью теории и проверить теорию реальностью соответственно).

В то же время, именно примеры со смысловыми повторами во вводимом текстовой скрепой «таким образом» резюме часто оказываются в зоне переходности между резюмирующей функцией и функцией присоединения логического вывода-следствия. Это хорошо видно из следующего примера. *Оба типа трансгрессий и регрессий имеют характерную продолжительность в десятки и сотни миллионов лет. На фоне таких продолжительных изменений уровня и площади Мирового океана возникают более короткие – длительностью в миллионы, сотни тысяч и десятки тысяч лет, также обусловленные движениями земной коры и колебаниями ледниковых покровов того же временного масштаба. Таким образом, площадь и конфигурация гидросферы Земли непрерывно менялись* (К. С. Лосев. Вода). С одной стороны, отношения,

возникающие между левым и правым контекстами, можно охарактеризовать как отношения логического следования. В левом контексте перечисляются различные виды изменений уровня и площади мирового океана и причины этих явлений. Слова «площадь и конфигурация гидросферы Земли непрерывно менялись» в правом контексте закономерно расценивать как логический вывод на основании приведённых ранее посылов. Однако эту же информацию можно рассматривать и как обобщающее резюме, т. к. она, по сути, не несёт в себе ничего нового при сопоставлении с тем, о чём говорилось ранее (эффект повтора усиливается ещё и наличием в левом контексте слов «изменений уровня и площади Мирового океана», с которыми на содержательном уровне коррелирует всё резюме). Наличие таких примеров, по нашему мнению, и является свидетельством того, что резюмирующая функция скрепы «таким образом» развилась непосредственно из функции присоединения логического вывода-следствия, а активные языковые процессы в этой области продолжают до сих пор.

б) Ограничивающе-дополняющая скрепа «таким образом». В этом случае, как и в предыдущем, смысловой блок текста выводом завершается, однако помимо краткого повторения содержания предтекста резюме включает в себя ещё и новую информацию, которая не звучала ранее. Цель таких резюме – акцентировать внимание на сказанном ранее и немного дополнить уже сказанное. Функция скрепы «таким образом», как и в предыдущем случае, ограничивается присоединением к левому контексту резюме, но это резюме становится основой для добавления важной информации. Рассмотрим примеры.

Было бы прекрасно, если бы человечество могло пользоваться хотя бы этим количеством, но, к сожалению, лишь 0,025 % пресных вод находится в жидком состоянии и в доступных для человечества сферах, 1,6 % сковано могучими льдами, а 4 % – подземные воды, которые не так-то легко поднять на поверхность, причём большая часть – это глубинные рассолы и только около 0,3 % – пресные подземные воды зоны активного водообмена. Таким образом,

количество пресной воды в почве, в реках, озёрах и других водоёмах составляет всего лишь 360 тыс. км³ (0,025 %) – совсем скромная цифра по сравнению с общими запасами воды 1454300 тыс. км³ (100 %). Вот чем располагает человечество! (В. В. Синюков. Вода известная и неизвестная). Повторяющейся информацией в данном случае является процентное соотношение (0,025%). Повтор, который можно назвать дословным, формирует вокруг себя блок соотносимой информации: словам «жидком состоянии и доступных для человечества сферах» в левом контексте в резюме соответствуют слова «количество пресной воды в почве, в реках, озёрах и других водоёмах составляет всего лишь 360 тыс. км³», т. е. в целом пример можно отнести к сочетающим дословный и смысловой повтор. Всю эту информацию условно назовём «старой» (та, которая уже встречалась в тексте ранее, а затем повторилась). Новой же информацией будут количественные данные, выраженные цифрами (360 тыс. км³ и 1454300 тыс. км³). Кроме того, в качестве новой информации в текст вводится экспрессивная авторская оценка приведённых данных (отметим, что подобные случаи встречаются достаточно часто): «Вот чем располагает человечество!»

Рассмотренный пример демонстрирует такой порядок элементов левого и правого контекстов, при котором непосредственно за «старой» информацией следует новая, однако в некоторых примерах можно наблюдать перестановку элементов резюмирующей части, когда новая информация выносится вперёд, а старая сдвигается на второй план. *Если же запомнить нужно близко к тексту, то это значит, нужно понять текст и запомнить мысли и последовательность их изложения именно в авторском варианте. В этом случае нам нужно будет применить методы логического и механического запоминания. Таким образом, мы немного «сжимаем» текст, но заучиваем дословно некоторые мысли автора и их последовательность.*

В том случае, если нужно текст запомнить дословно, мы обычно обращаемся к механическому запоминанию <...> (Е. Е. Васильева. Как запомнить, чтобы вспомнить). В этом примере резюмирующая часть содержит практически дословный повтор фрагмента

левого контекста: «запомнить мысли и последовательность их изложения именно в авторском варианте» и «заучиваем дословно» соответственно. Последний фрагмент является «старой» информацией в резюме. Здесь она перемещена на второе место, на первое же выведена фраза «мы немного “сжимаем” текст», являющаяся «новой» (раньше об этом не говорилось).

Кроме того, можно встретить и случаи, где наблюдается чередование «старой» и «новой» информации. *Высокий уровень мужского гормона тестостерона у плода в период внутриутробного развития приводит к проблемам в общении и адаптации человека в социальной среде. К такому выводу пришла группа учёных из Центра исследования аутизма в Кембриджском университете. Обследовав большую группу детей, специалисты выдвинули теорию: тестостерон направляет развитие мозга по пути формирования аналитических способностей, с чем лучше справляются мужчины, но при этом снижаются способности к общению и сопереживанию, более развитые у женщин. Таким образом, считают учёные, высокий уровень тестостерона, особенно у мальчиков, вызывает социальную ограниченность, замкнутость, иногда аутизм* (Когда мужского гормона много. Здоровье. 2004. Июль). Здесь слова «считают учёные» в правом контексте являются повтором фразы «группа учёных из Центра исследования аутизма в Кембриджском университете» в левом (заметим, что здесь, как и во многих других случаях, при формировании резюме используется механизм сжатия). Продолжают ряд повторяющейся информации в резюме слова «высокий уровень тестостерона», после которых появляется «новая» информация – «особенно у мальчиков». Она сменяется старой информацией («вызывает социальную ограниченность, замкнутость»), которая, в свою очередь, сменяется новой «иногда аутизм».

2. Осуществление связи между смысловыми блоками; резюмирующе-развивающая скрепа «таким образом». При таком резюмировании «таким образом» не разделяет текст на смысловые блоки, являясь показателем их границ, а выполняет функцию связи

между этими блоками. Вывод кратко повторяет содержание предтекста, а затем развивается в новую мысль, составляющую следующий смысловой блок. Вышеизложенное подытоживается, но не обрывается, а продолжает развиваться. В таких выводах функция акцентирования внимания значительно меньше, чем в предыдущих типах, их основная цель – создание связи между смысловыми блоками текста. «Таким образом» здесь связывает не только резюмирующую и резюмируемую части отдельного смыслового блока, но и сами смысловые блоки, т. е. гораздо более крупные элементы.

Наши опыты показали, что между эгоцентрической речью и эгоцентрическим характером мышления может не существовать никакой связи.

В этом главный интерес наших исследований в том разрезе, который определяется задачами этой главы. Перед нами – несомненный, установленный экспериментально факт, который остаётся в силе независимо от того, насколько состоятельной или несостоятельной окажется связываемая нами с этим фактом гипотеза. Повторяем, это факт, что эгоцентрическая речь ребёнка может не только не являться выражением эгоцентрического мышления, но и выполнять функцию, прямо противоположную эгоцентрическому мышлению, функцию реалистического мышления, сближаясь не с логикой мечты и сновидения, а с логикой разумного, целесообразного действия и мышления.

Таким образом, прямая связь между фактом эгоцентрической речи и вытекающим из этого факта признанием эгоцентрического характера детского мышления не выдерживает экспериментальной критики.

Это – главное и основное, это – центральное, а вместе с этой связью падает и главное фактическое основание, на котором построена концепция детского эгоцентризма. Несостоятельность концепции с теоретической стороны, с точки зрения общего учения о развитии мышления мы пытались раскрыть в предшествующей части.

Правда, Пиаже указывает и в ходе своего исследования, и в заключающем его резюме, что эгоцентрический характер детской мысли был установлен не одним рассмотренным нами, но тремя специальными исследованиями. <...> (Л. С. Выготский. Мышление и речь). В этом примере резюмирующие отношения возникают за счёт повтора в первых абзацах левого и правого контекстов: «Наши опыты показали» – «экспериментальной критики», «между эгоцентрической речью и эгоцентрическим характером мышления» – «между фактом эгоцентрической речи и вытекающим из этого факта признанием эгоцентрического характера детского мышления», «может не существовать никакой связи» – «не выдерживает». Однако резюме здесь не завершает смысловой блок, а служит основой для дальнейшего развёртывания, о чём свидетельствуют анафорические элементы «это», начинающие следующий за резюме абзац, и слова «вместе с этой связью падает и...», которые говорят о начале нового смыслового поля в тексте.

Реализация данной схемы возможна и в тех случаях, когда в текст вводится математическая задача, решение которой достаточно часто выстраивается по определённому шаблону. Так, после собственно математических вычислений следует ответ, начинающийся со слова «таким образом». При включении решения задачи в текст вывод не только повторяет результат решения, но ещё и развивается далее в новую мысль.

Теперь учтём граничные условия:

а) $\varphi(0) - A \sin k_0 + B \cos k_0 = B = 0$.

б) $\varphi(a) = A \sin k_a = 0$.

Таким образом, коэффициент B оказался равным нулю и поэтому, если нас интересуют только нетривиальные решения, следует положить $A = 0$. <...> (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика). Такую модель построения текста можно назвать шаблонной.

Итак, выполняя резюмирующую функцию, текстовая скрепа «таким образом» разделяет или объединяет смысловые блоки, в соответствии с чем все варианты её функций можно разделить на

ограничивающие и ограничивающе-дополняющие в зависимости от характера резюме и резюмирующе-развивающие (при наличии продолжения смыслового блока текста). Кроме того, наблюдаются существенные различия и в структуре самих резюме: с одной стороны, можно говорить о только повторяющих резюме, а с другой – о повторяюще-дополняющих, где повтор и новая информация могут располагаться вполне свободно вплоть до чередования. Что же касается самой резюмирующей функции скрепы «таким образом», то её отличительным признаком является наличие дословного или смыслового повтора в левом и правом контекстах.

2.1.4. Семантический аспект описания текстовой скрепы «таким образом»

При описании семантики скрепы «таким образом» необходимо учитывать два факта. Первый факт – рассматриваемая скрепа является представителем класса служебных слов русского языка, семантика которых вызывает серьёзные споры в лингвистике. Отправной точкой нашего анализа мы будем считать признание наличия у скрепы «таким образом» собственного лексического значения, одной из особенностей которого является его существенное «затемнение», вызванное способностью встраиваться в контекст, в определённой степени сливаясь с ним. Эффект «слияния с контекстом» у скрепы «таким образом» усиливается за счёт её релятивной функции, выполняемой исключительно на уровне текста и связанной с оперированием планом содержания двух и более высказываний. Наличие таких особенностей делает целесообразным применение процедурного подхода к анализу лексического значения рассматриваемой единицы. Этот подход предполагает описание значения слова как явления динамического, переплетающегося с контекстом и определённым образом воздействующего на когнитивное сознание адресата.

Вторым фактом, важным при анализе значимой стороны скрепы «таким образом», является производность названной единицы. Эта производность, как говорилось выше, прошла два этапа: сама скрепа развилась из соответствующего наречного оборота, который, в свою

очередь, образовался на базе двух слов, являющихся представителями знаменательных частей речи и, следовательно, обладающими полноценным ЛЗ. Данный факт обуславливает необходимость использования компонентного анализа производящих и производных элементов с целью выявления происходящих семантических трансформаций.

Учитывая сказанное, анализ плана содержания скрепы «таким образом» необходимо проводить в два этапа. Первый этап – трёхуровневый компонентный анализ, соответствующий этапам формирования текстовой скрепы: первый уровень – самостоятельные слова «такой» и «образ», второй уровень – наречный оборот «таким образом», третий уровень – скрепа «таким образом» (анализ значения скрепы вне контекста). Цель этого этапа – выявление семантических возможностей, заложенных в рассматриваемой единице. Второй этап предполагает анализ различных функциональных вариантов скрепы и их реализацию с применением процедурного подхода и учётом выявленных на первом этапе особенностей. Его цель – описание контекстных реализаций семантических возможностей данной скрепы.

Первый этап. Компонентный анализ.

Уровень 1. Исходные элементы.

I. Такой. 1) *Именно этот, подобный этому или тому, о котором говорили.*

2) Выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки [Большой толковый словарь русского языка 1998: 1303].

II. Образ. 1) *Внешний вид, облик, который возникает в чьей-либо памяти, воображении* [Новый словарь русского языка, т. 1 2000: 1086].

2) *Живое, наглядное представление о ком-, чём-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо* [Большой толковый словарь русского языка 1998: 682].

3) Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира [Большой толковый словарь русского языка 1998: 682].

4) Обобщённый характер, тип человека, который создан писателем, художником, артистом [Новый словарь русского языка, т. 1 2000: 1086].

5) Характер, склад, направление чего-либо [Большой толковый словарь русского языка 1998: 682].

Уровень 2. Слияние двух элементов с формированием наречной семантики.

Таким образом – подобным способом, так [Новый словарь русского языка, т. 2 2001: 746]. Результирующая семантика устойчивого сочетания образована сочетанием первого значения первого элемента и первого и второго значений второго элемента. Эта семантика позволила создать синонимический ряд «таким образом (наречной семантики) – так».

Уровень 3. Формирование текстовой скрепы. Основную семантическую нагрузку на этом этапе формирования служебного слова выполняет первый элемент (такой): именно он несёт в себе главный компонент значения «о котором говорили», а второй элемент (образом) значительно десемантизируется и лишь усиливает значение первого. При этом анафорический компонент лексического значения «о котором говорили» становится своеобразным инвариантным значением скрепы «таким образом», формируя её релятивные функции. Именно он создаёт механизмы соотнесения левого и правого контекстов, когда на собственно лексическое значение накладываются отношения синтаксические (эти отношения напрямую зависят от содержания соединяемых скрепой контекстов).

Второй этап. Процедурный подход.

Выявить названные выше отношения и проследить динамику лексического значения скрепы «таким образом» позволяет процедурный подход, с позиций которого сами текстовые скрепы следует отнести к числу единиц, называемых А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным процедурно-контекстными, т. е. имеющими в своём составе метатекстовый компонент и опирающимися на контекст и ситуацию общения. При этом значимая сторона самих контекстов

вовлекается в сферу семантического действия скрепы [Баранов, Паршин 1990: 26–27]. Как показывает языковой материал, для скрепы «таким образом» характерна не только опора на контекст (опора на ситуацию общения для неё не свойственна), но и так называемая интеграция в сознание говорящего [там же: 28]. Кроме того, процедурный подход позволяет выявить валентности текстовых скреп, которые, как показывает анализ языкового материала, реализуются именно на семантическом уровне: семантика скрепы является основным связующим левый и правый контексты фактором. Можно говорить о том, что семантическая сфера действия скрепы – это и есть её валентность.

Наиболее ярко совмещение двух моделей (опоры на контекст и интеграции в сознание говорящего) проявляется в случае, когда «таким образом» присоединяет логический вывод-следствие, например: *Магний в избытке присутствует во всех зелёных растениях. Они же служат хорошим источником кальция и калия. Молочные продукты содержат в благоприятном сочетании все три элемента. Особенно богат ими творог.*

Таким образом, обилие молока, молочных продуктов и свежей зелени в рационе позволит вам без долгих подсчётов получить нужные микроэлементы. А дальше положитесь на организм: используя все свои внутренние механизмы, он постарается удерживать артериальное давление в пределах нормы. Главное – ему не мешать (Здоровье. 2003. Май. № 8). Здесь левый контекст скрепы даёт адресату информацию о содержании различных микроэлементов в определённых продуктах питания и растениях, которые потенциально можно употреблять в пищу. Данная информация закладывает определённое знание о мире в сознании адресата. Далее следует скрепа, заставляющая ещё раз отобразить в сознании то, о чём говорилось ранее, отсылая одновременно и к самому контексту, и к его содержанию. Этот эффект достигается благодаря заложенному в семантике скрепы «таким образом» анафорическому элементу. Правая часть контекста, следующая непосредственно за скрепой,

сообщает о том, что употребление в пищу названных выше продуктов позволяет организму получить полезные для здоровья содержащиеся в них химические элементы. Эта информация также участвует в формировании «знания о мире» у говорящего, но само получаемое знание как бы основано на том, о чём говорилось в левом контексте, и скрепа создаёт своего рода ряд знаний, разделяя общие сведения и их практическое применение.

Так реализуется схема, при которой скрепа «таким образом» апеллирует к сознанию адресата, заставляя его соотносить левый и правый контексты и их содержание и делать вывод совместно с автором. При такой схеме формируется своеобразное соучастие автора и адресата в получении определённого знания о мире, активизируются когнитивные способности адресата.

Несколько иной механизм можно наблюдать в случаях с резюмирующими скрепами «таким образом». *Нам предстоит раньше всего посмотреть, в чём заключается этот эгоцентрический характер детского мышления и в какой связи он стоит со всеми остальными особенностями, составляющими в совокупности качественное своеобразие детской мысли по сравнению с мыслью взрослого человека. Пиаже определяет эгоцентрическую мысль как переходную, промежуточную форму мышления, располагающуюся с генетической, функциональной и структурной точки зрения между аутистической мыслью и направленным разумным мышлением. Это, таким образом, переходная ступень, связующее генетическое звено, промежуточное образование в истории развития мышления* [Л. С. Выготский. Мышление и речь: 26]. В этом фрагменте в левом контексте скрепы приводится мнение Пиаже, согласно которому аутистическая мысль является переходной формой мышления между двумя его типами с различных точек зрения. Далее следует резюмирующая часть, начинающаяся анафорическим элементом «это», замещающим фразу «промежуточную форму мышления» в левом контексте. За ним располагается скрепа, которая благодаря анафорической направленности своей семантики возвращает адресата ко

всему тому, о чём говорилось ранее. Но правый контекст скрепы в содержательном отношении лишь повторяет левый: выражению «промежуточная форма мышления» помимо слова «это» соответствуют «синонимичные» понятия – «переходная ступень», «связующее генетическое звено» (при этом слово «генетическое» коррелирует со словами «с генетической точки зрения» в левом контексте), «промежуточное образование», а слова «между аутистической мыслью и направленным разумным мышлением» замещаются словами «история развития мышления». Таким образом, правый контекст лишь напоминает о самой важной информации в левом контексте адресату, немного расширяя понятийную базу последнего. Здесь выстраивается семантическая схема, при которой смысловое поле фрагмента текста завершается в левом контексте, а правый контекст передаёт в сознание адресата самую важную часть того, о чём говорилось ранее. В этом случае скрепа уже не несёт в себе апеллирования к когнитивным способностям адресата.

Рассмотренный пример демонстрирует возможность скрепы «таким образом» в резюмирующей функции вовлекать в сферу своего семантического действия ближайшие контексты (те, которые непосредственно с ней граничат). Но, как отмечалось ранее, вокруг неё могут формироваться и текстовые конструкции, где правый контекст состоит не только из повтора фрагмента левого контекста. *Этот метод заключается в следующем. Перед испытуемым раскладывался ряд геометрических фигур, которые имели разную форму, цвет и размер. В число этих фигур входили, например, красный маленький и плоский треугольник, зелёный маленький и плоский треугольник, красный маленький и плоский квадрат, жёлтый маленький куб и маленький цилиндр, большой красный треугольник, большой зелёный треугольник, а также и такие объёмные фигуры, как пирамида красного или зелёного цвета, куб красного, зелёного или синего цвета и т. д. Таким образом, предлагаемые для классификации геометрические фигуры были разными по форме, цвету, величине и объёму. Все эти фигуры обозначаются определёнными искусственными словами,*

и испытуемый, который брал одну из фигур, мог увидеть на его (ранее скрытой) внутренней стороне написанное там искусственное слово, например «рас» или «мор», «пак» и т. д. [А. Р. Лурия. Язык и сознание: 83]. При анализе этого примера нам предстоит ответить на вопрос о том, входит ли отдалённый правый контекст скрепы, следующий за резюме, в сферу её семантического действия. Само резюме здесь полностью занимает первое предложение правого контекста (в него входит и скрепа). Содержащаяся в нём информация в сжатой форме полностью повторяет ту, которая давалась в левом контексте, где находим: «ряд геометрических фигур, которые имели разную форму, цвет и размер» и «такие объёмные фигуры». Как и в предыдущем случае, скрепа своим появлением в тексте «оповещает» адресата о завершении содержательной части фрагмента текста и, отсылая к ней, вводит обобщающий повтор наиболее важной информации. Собственное значение скрепы в этом случае можно охарактеризовать как «то, о чём уже было сказано». Однако резюме не завершает смысловой блок текста: за ним следует дальнейшее описание предметов, использовавшихся в эксперименте. И это описание является неотъемлемой частью содержательной структуры текстового фрагмента, который формирует единое смысловое поле в сознании адресата, и скрепа с вводимым ей фрагментом здесь лишь актуализирует часть этого смыслового поля, прерывая семантический ряд. Таким образом, отдалённый контекст однозначно входит в сферу семантического действия скрепы, т. к. в сознании адресата является прямым продолжением левого контекста. Эти два элемента представляют собой единое семантическое целое.

Итак, рассматриваемая единица обладает собственной лексической семантикой с инвариантным значением «о котором говорили», реализующимся исключительно в контексте. Эта реализация предполагает интеграцию в содержательную структуру фрагмента текста, содержащего определённое смысловое поле, и реализацию одной из двух возможных схем, при которых скрепа апеллирует либо к левому контексту и сознанию адресата в равной степени (когда он становится

соучастником), либо только к левому контексту без участия адресата-соучастника. На основании этого становится возможным уточнение понятия семантической сферы действия скрепы. Так, с полной уверенностью можно сказать, что для рассматриваемой скрепы семантическая сфера действия полностью тождественна его валентности. Эти два понятия в данном случае равнозначны. Кроме того, как видно из приведённых выше примеров, валентность скрепы как лексической единицы реализуется именно на семантическом уровне, не затрагивая уровень грамматический.

Ещё один вывод носит общетеоретический характер и касается процедурного подхода к изучению семантики служебного слова. Как показал проведённый нами анализ, данный подход не должен исключать и так называемого декларативного подхода, т. к. все процедурные построения в конкретных высказываниях базируются на заложенном в слове «декларативном» значении, и без выявления последнего невозможно раскрыть суть происходящих процедурных преобразований.

2.2. Функционирование и семантика текстовой скрепы «итак»

2.2.1. Общая характеристика текстовой скрепы «итак»

А. Ф. Прияткина расценивает «итак» как эталон текстовой скрепы, проявляющей все признаки, свойственные данному классу единиц [Прияткина 2007: 337]. В то же время, скрепа «итак» изучена явно недостаточно. Помимо указанной работы, дающей её общую характеристику, а также работы А. Вежбицкой, где говорится об отсутствии полисемичности у данной скрепы [Вежбицка 1978: 417], имеются лишь её лексикографические описания в некоторых словарях (например, [Морковкин 1997: 148]), в которых она рассматривается как слово, подводящее итог или присоединяющее высказывание-следствие из того, о чём говорилось ранее, и признаётся синонимом скрепы «таким образом». Однако при наличии ряда сходств между ними можно выделить и

целый ряд различий, касающихся этимологии, функционирования и семантики, которые будут рассмотрены нами далее в процессе анализа данной скрепы.

Текстовая скрепа «итак» представляет собой производную служебную лексическую единицу, образованную от служебного слова (союза «и») и знаменательного (местоимённого наречия «так»). В чисто формальном плане это именно слово (а не лексикализованный оборот, в отличие от скрепы «таким образом»), и появилось в языке оно достаточно давно. Наиболее ранние обнаруженные нами её употребления относятся к первой половине XIX века. Так, находим следующий пример: *Рейнъ замерзаетъ уже. Нарѣчіе уже означает, что прежде Рейнъ не замерзалъ. Рейнъ замерзаетъ еще: нарѣчіе еще означает, что послѣ Рейнъ вероятно не будетъ замерзатъ. Итакъ – уже употребляется въ семь случаѣ для означенія, что дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, не было до того времени, о коемъ идетъ рѣчь, а будетъ послѣ; еще для означенія, что дѣйствія не будетъ послѣ того времени, о коемъ идетъ рѣчь, а было прежде* (М. П. Погодин. Об употреблении наречий *уже* и *еще*). Время создания данного текста – 1826 год, и, как видно, слово «итак» функционировало в качестве полноценной скрепы уже тогда.

Основную сферу употребления скрепы «итак» составляет книжно-письменная речь. В соответствии с этим в качестве источников языкового материала нами были взяты те же источники, которые использовались и для наблюдений над рассмотренной ранее скрепой «таким образом», что позволило провести и некоторый сопоставительный анализ. Было проанализировано около 14500 страниц текстов различных стилей (около 4500 страниц научных, научно-популярных и научно-учебных текстов, около 5000 страниц художественных текстов и столько же публицистических) и найдено 302 примера употребления текстовой скрепы «итак», т. е. частотность «итак» в нашем материале более чем в два раза меньше, чем у скрепы «таким образом» (699 примеров). Употребление данной

скрепы так же, как и в случае со скрепой «таким образом», связано с типом речи рассуждение, однако распределение по текстам разных стилей носит несколько иной характер. На первый план по частотности её использования выходят научные и научно-популярные тексты (152 и 69 употреблений соответственно), что характерно и для скрепы «таким образом».

Наиболее существенное различие в количестве употреблений можно наблюдать в художественных текстах. Как отмечалось выше, в них нами было найдено всего четыре употребления скрепы «таким образом» из 699, а для скрепы «итак» это 74 примера из 302. Хотя и здесь можно говорить о некоторой «избирательности»: она может достаточно часто встречаться в произведении одного автора и полностью отсутствовать в произведениях другого (в качестве примеров для сравнения стоит опять же назвать Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого соответственно). Характеризуя употребление скрепы «итак» в художественных текстах вообще, нужно отметить явную «уникальность» некоторых из них, и эта «уникальность» требует отдельного исследования, которое выходит за рамки настоящей работы, в соответствии с чем нами будут рассмотрены лишь некоторые проявления «нетипичного поведения» данной скрепы в этих текстах, которые мы опишем позднее, а остальные примеры анализируются в общем порядке.

Очень редко скрепа «итак» встречается в газетно-публицистической речи. Это всего семь употреблений из 302. Среди рассмотренных нами текстов печатных СМИ основным источником, как и в случае со скрепой «таким образом», являются общественно-политические журналы, что связано с большей аналитичностью этих изданий и, следовательно, более частым использованием рассуждения.

Что касается основных признаков рассматриваемой текстовой скрепы (некоторые из них, как отмечалось выше, были выделены А. Ф. Прияткиной [Прияткина 2007: 335–337]), то здесь следует назвать релятивную функцию, способность создавать особое интонационное членение (позиция после паузы, знаменующая членение текста). Кроме того, выполняя функцию скрепы, слово

«итак» обязательно представлено вводным компонентом с соответствующей пунктуацией, которая, правда, не сводится к выделению на письме только лишь запятой. Встречаются и такие случаи, где «итак» отделяется от остальной части предложения двоеточием: *Я. А. Пономарёв полагал, что традиционная постановка психофизической (точнее – психорегулятивной) проблемы не правомерна, нельзя объяснить как душа управляет телом, пытаясь выяснить закономерности психической регуляции движений, сопоставляя образ и тело. «С телом сопоставима только модель. Она является объективным компонентом.*

Итак: психическая реальность по отношению к отображаемому есть образ, а по отношению к телу – модель. Но как психическая реальность – «модель» может управлять телом? И какова природа этой реальности? (В. И. Дружинин. Онтология психической реальности). Скорее всего, цель использования такой пунктуации – как можно сильнее выделить вводимую скрепой информацию, затемнив само служебное слово.

Внимания заслуживает и то, что скрепа «итак» участвует в построении текстовых связей безотносительно к абзацному членению. Она может как начинать новый абзац, так и употребляться внутри него (из 302 собранных нами фактов её употребления 244 и 58 соответственно).

В то же время необходимо отметить и ещё одну важную особенность слова «итак»: в тексте оно может функционировать не только как текстовая скрепа, но и как скрепа-фраза. Подобные примеры имеют яркое формальное различие – «итак» в них употребляется не в составе предложения, а изолированно. Например: *Здесь, как бы это сказать, на жизнь взгляд со стороны, а потому абсолютно всё про неё известно. Любой желающий может взять в здешней спецбиблиотеке спецкнигу и прочитать в ней всё и обо всех. Под расписку, конечно... Но поскольку вы – товарищ проверенный и планируете весьма своевременную акцию, мы здесь посоветовались и решили на ваши вопросы ответить. В определённых пределах, разумеется, но ответить.*

Итак?

– *А вот, например, – Эдуард Вилорович задумался и сглотнул, – вы с товарищем маршалом родня или нет? Например... Потому что он Устинович, а вы тоже Устин, извиняюсь... Просто к примеру... Или вот Анна Семёновна...*

– *Понятно, – Балконский задумчиво улыбнулся, понятно... Ну, майор, хорошо, готовься слушать. Ты слышал, что все люди – братья?*

– *Ну... в общем...* – Добролюбов замялся. – *По классу и вообще... Свобода, равенство, мир, труд...* (А. А. Кабаков. Из жизни мёртвых). В этом примере слово «итак» не просто выделяется в отдельное высказывание, но и составляет отдельный абзац, которому соответствует интонационное членение данного фрагмента. Этот «абзац-скрепа» представляет собой вопрос метатекстового характера, отсылающий адресата к предтексту и предлагающий продолжить то, о чём говорилось ранее.

Если рассматривать слово «итак» с точки зрения уровня языка, на котором оно может функционировать, то здесь можно видеть несколько иную картину, нежели ту, которую мы наблюдали у «таким образом». Типичным для «итак» является текстовое использование, для которого характерно отсутствие какой-либо грамматической охарактеризованности левого и правого контекстов, а также ничем не ограничиваемый объём последних. И этим данная скрепа ничем не отличается от рассмотренной выше скрепы «таким образом». Так, минимальный её контекст – два высказывания: *Эксплицитные вставки имеют маркеры в виде каких-либо вербальных и / или невербальных знаков (слов, знаков препинания), сигнализирующих о нарушении линейных отношений в тексте, и в зависимости от природы этих знаков распределяются на вербальные и невербальные пунктуационные. Итак, вставки могут быть как вербальные, так и невербальные* (Н. П. Перфильева. Метатекст в аспекте текстовых категорий). Но такие примеры – редкость, и, как правило, объём контекстов больше, например: [На 6 страницах выше приводится разговор Чичикова, Собакевича и председателя Ивана Антоновича, в

ходе которого оформляется сделка купли-продажи «мёртвых» душ]. – *Итак*, – сказал председатель, когда всё было кончено, – остаётся теперь только вспрыснуть покупочку.

– Я готов, – сказал Чичиков. – От вас зависит только назначить время. Был бы грех с моей стороны, если бы для эдакого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучего.

– Нет, вы не так приняли дело: шипучего мы сами поставим, – сказал председатель, – это наша обязанность, наш долг. Вы у нас гость: нам должно угощать. Знаете ли что, господа! Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребца, так мы, знаете ли, так закусим! да при этой okazji и в вистийку [Следующие 4 страницы занимает описание приёма у полицмейстера и возвращения Чичикова в гостиницу на прокурорских дрожках]. (Н. В. Гоголь. Мёртвые души). Как видно, в данном примере достаточно большой объём имеют и левый, и правый контексты, объединённые содержательной общностью.

Однако в художественных текстах нами было обнаружено два случая совершенно иного использования рассматриваемого слова, демонстрирующих определённое сходство друг с другом, что позволяет сделать предположение об их типичности. *Всё уже шло к благополучной выдаче экзаменационного листа и последующему несомненному включению Кузнецова в список поступивших, как взгляд какого-то мужчины средних лет, сидевшего справа от председателя приёмной комиссии, упал на кузнецовскую анкету – и именно на то её место, где сообщались сведения о родителях. Мужчина – а не Профосов ли была его фамилия? да нет, вряд ли – *итак*, мужчина присмотрелся, взгляд его стал внимательным, как у завуча на педсовете, и, минуту подумав, он доброжелательно спросил у носившего к тому времени очки Кузнецова, сколько диоптрий. Оказалось, что минус семь с половиной. «Ну, молодой человек, вам у нас трудно будет!» – сочувственно сказал мужчина (А. А. Кабаков. Странник).* Очень примечательно то, что здесь

слово «итак» расположено в середине предложения, хотя в целом для данного слова в функции текстовой скрепы характерна исключительно позиция начала предложения, о чём свидетельствует весь собранный нами языковой материал. Но в рассматриваемом примере «итак», очевидно, участвует не в соединении частей текста, а в формировании особой конструкции исключительно на уровне предложения. Назовём эту конструкцию напоминающей, т. к. в ней имеет место повтор какого-либо слова (в данном случае – слова «мужчина») в левом и правом контекстах слова «итак». Повторяющиеся слова при этом разделяет между собой не только «итак», но и вставка неконструктивного типа (термин используем вслед за А. Ф. Прияткиной [Прияткина 1990: 169]), следующая непосредственно за повторяемым словом в левом контексте и завершающаяся перед словом «итак». Из этого можно сделать вывод, что повтор играет роль своеобразного напоминания о той мысли, которая была прервана вставкой.

С аналогичной конструкцией сталкиваемся и в «Мёртвых душах» Н. В. Гоголя: *По этой-то причине понадобилось наконец заложить последнее оставшееся имение. Заклад в казну был тогда ещё дело новое, на которое решались не без страха. Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, всё же хоть по бутылке мадеры придётся влить во всякую глотку), – **итак**, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок...*

– Да ведь они по ревизской сказке числятся? — сказал секретарь.

– Числятся, — отвечал Чичиков.

– Ну, так чего же вы оробели? — сказал секретарь, — один умер, другой родится, а всё в дело годится (Н. В. Гоголь. Мёртвые души). Здесь, как видим, сопоставление элементов левого и правого контекстов словом «итак» снова происходит исключительно на уровне одного высказывания и не затрагивает соседние, единственное же

отличие – повторяется уже не слово, а словосочетание «расположивши всех».

Таким образом, можно сделать предположение о существовании устойчивой синтаксической конструкции на уровне предложения: «...повторяемый элемент – неконструктивная вставка – итак – повторяющий элемент...». Не вызывает сомнения, что детальное лингвистическое описание подобной конструкции представляет интерес, однако не входит в задачи данной работы, т. к. её объект – текст, поэтому мы ограничиваемся лишь краткой характеристикой.

Возвращаясь к текстовым возможностям скрепы «итак», отметим, что, как и рассмотренная ранее текстовая скрепа «таким образом», текстовая скрепа «итак» может участвовать в создании связей между элементами креолизованных текстов, что видно из следующего примера. *Несмотря на то, что данный процесс подключения водонагревателя не вызывает особой сложности, есть несколько моментов, которые нужно при этом учитывать. В данной статье я хочу не только показать, как подключить водонагреватель, но и доходчиво объяснить, почему это нужно делать именно так, и для чего предназначен каждый элемент схемы подключения.*

Для наглядности давайте воспользуемся следующим рисунком.

Итак, на рисунке вы можете видеть стандартную схему подключения накопительного водонагревателя к системе водоснабжения.

Надписями «Холодная вода» и «Горячая вода» подписаны стояки подачи воды, которые присутствуют в каждой квартире.

Цифрами «1» и «2» обозначены водопроводные краны, которые открывают или закрывают проход воды в водонагреватель и из него. Если водонагреватель включен, то краны открыты, если выключен, то, соответственно, закрыты.

Цифры «3» и «4» – это такие же водопроводные краны, предназначенные для перекрывания подачи воды в квартиру. Для чего они нужны поговорим чуть позже.

«5» – это обратный клапан. <...>. (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://techseller.ru/archives/133>). Рассматривая данный фрагмент текста, можно выделить следующие элементы, задействованные в построении связей. В левом контексте скрепы это слова «каждый элемент схемы подключения» и «воспользуемся следующим рисунком», а также сам рисунок, на котором цифрами отмечены определённые его части, предполагающие описание в следующем за ним тексте. В правом контексте им соответствуют слова «на рисунке вы можете видеть» и описание отмеченных на рисунке элементов, причём само их название будет повтором, а описание – новой информацией. Скрепа «итак», в свою очередь, маркирует начало повтора в тексте, цель которого – дать более подробное описание того, о чём говорилось (и было изображено) ранее.

Как показал проведённый нами анализ языкового материала, слово «итак», участвуя в построении текстовых связей, характеризуется наличием определённого числа функциональных вариантов, для выделения которых в качестве наиболее надёжного нами был использован **функциональный критерий**. При выделении таких вариантов мы полностью отвергли грамматический критерий и критерий формальный, т. к. речь идёт о служебной лексической единице, не имеющей форм словоизменения и каких-либо формальных варьирований. Функция же, как отмечалось ранее, для текстовой скрепы является главным и фактически единственным дифференциальным признаком.

В немногочисленных и поверхностных описаниях текстовой скрепы «итак» её функцию определяют как функцию присоединения

логического вывода-следствия. В «Словаре структурных слов русского языка» В. В. Морковкина находим следующее описание: «Употребляется для присоединения предложения, сообщающего о событии, явлении, факте, которые являются выводом, следствием того, о чём сообщалось ранее, в предыдущем контексте» [Морковкин 2002: 148]. Также оно характеризуется как слово, обычно служащее для введения заключительной части текста, которая может соотноситься со всей предыдущей [Прияткина 2007: 336]. Близкое к этому понимание находим и в работе Н. П. Перфильевой, относящей данную скрепу к группе метапоказателей логического вывода. К той же группе, как уже было отмечено, автор относит слова «значит», «стало быть», «следовательно», «таким образом» и др. [Перфильева 2006: 157].

В результате анализа употреблений скрепы «итак» мы выделили три основных её функции – резюмирующую (функцию присоединения к определённом фрагменту текста резюмирующей части), сигнальную (подача сигнала о вводе в текст новой информации) и функцию присоединения логического вывода-следствия. Причём в первых двух типах выделяется ряд подтипов [Тюрин 2011б: 31]. В соответствии с этим можно говорить о трёх основных функциональных разновидностях скрепы «итак»: резюмирующей, сигнальной и присоединяющей логический вывод-следствие. Заметим при этом, что весьма трудным оказалось ответить на вопрос о происхождении этих трёх функций скрепы «итак». Если принимать во внимание тот факт, что нами были найдены переходные случаи между резюмирующей функцией и функцией присоединения логического вывода-следствия, а также между резюмирующей и сигнальными функциями (соответствующие примеры мы рассмотрим ниже), то можно предположить, что именно резюмирующая функция стала основой для развития всех остальных. Однако обнаружить какие-либо иные подтверждения этой гипотезы не представилось возможным.

Слово «итак» имеет достаточно давнее происхождение (не позднее первой половины XIX века) и за свою историю приобрело весьма

широкий круг возможностей, которые даже не ограничиваются только текстовыми (может участвовать в построении особых конструкций внутри осложнённого простого предложения). Используясь же в тексте, скрепа «итак» демонстрирует определённое сходство с описанной нами ранее скрепой «таким образом» в выполняемых текстовых функциях, а также в возможностях построения креолизованных текстов. Однако именно в плане текстовых функций наблюдаются и существенные различия, которые будут рассмотрены нами далее. Кроме того, нами был отмечен ряд случаев, где слово «итак» тяготеет к позиции скрепы-фразы, выделяясь в отдельное предложение или даже абзац.

2.2.2. Резюмирующая функция текстовой скрепы «итак»

Первый факт, заслуживающий внимания при описании текстовых функций скрепы «итак», касается истории формирования этих функций. С большой долей вероятности можно утверждать, что рассматриваемая единица возникла как текстовая скрепа, о чём свидетельствует отсутствие её употреблений на уровне текста в качестве самостоятельного полнозначного слова, способного выполнять, например, анафорические или какие-либо иные функции.

Резюмирующая функция текстовой скрепы «итак» связана с появлением в тексте так называемого резюме, под которым, как отмечалось выше, мы понимаем фрагмент текста, составляющий правый контекст скрепы и в содержательном плане представляющий собой информационный повтор, который выделяет, акцентирует внимание на определённой части левого контекста. В соответствии с этим, как и в случае со скрепой «таким образом», основным критерием для выделения резюмирующей функции текстовой скрепы «итак» мы предлагаем считать наличие повтора определённой информации из левого контекста скрепы в её правом контексте.

Как и скрепа «таким образом», скрепа «итак» может участвовать в присоединении резюме трёх типов. Первый тип резюме завершает определённый смысловой блок текста (ограничивает его

дальнейшее развёртывание), полностью повторяя содержание левого контекста и не внося ничего нового, и задействованный здесь функциональный вариант скрепы можно назвать **ограничивающим** (из 199 резюмирующих скреп «итак» таковых – 35). Второй тип резюме также полностью завершает смысловой блок текста, повторяет его, но включает в свой состав ещё и новую информацию, за которой следует новый смысловой блок текста, не имеющий непосредственной связи с предыдущим, и используемый здесь вариант скрепы «итак» будем называть **ограничивающе-дополняющим** (из 199 резюмирующих таковых 71). Третий тип резюмирования предполагает не завершение смыслового блока, а его дальнейшее развёртывание на базе резюме, и используемый здесь вариант скрепы мы назовём **резюмирующе-развивающим** (73 факта из 199). В соответствии со сказанным резюмирующие функции скрепы «итак», как и соответствующие функции скрепы «таким образом», можно разделить на две группы – функцию разграничения смысловых блоков текста, к которой относятся скрепы первых двух типов, и функцию объединения смысловых блоков, которую выполняют скрепы третьего типа.

В то же время, скрепа «итак», выполняя резюмирующую функцию, проявляет некоторую специфику по сравнению со скрепой «таким образом». Кратко характеризуя её, скажем, что проявляется она в способности первой резюмировать не только текст или определённый его фрагмент, но и саму ситуацию, подаваемую в развитии в левом контексте скрепы. Нами было обнаружено 16 случаев подобного использования скрепы «итак». Далее рассмотрим их более подробно.

1) Разграничение смысловых блоков текста. В этом случае скрепа «итак» вводит резюме, которое завершает смысловой блок текста, либо повторяя часть левого контекста, содержащего характеристику, описание, рассуждение об определенном предмете, факте, явлении действительности, представляемом в статике, либо подводя итог развития описанной в левом контексте ситуации.

А) Ограничивающая скрепа «итак». При таком использовании данной скрепы содержание левого контекста полностью или в сжатой форме дублируется в правом контексте, который состоит только из повтора, не включая в свой состав ничего иного. Само же резюме завершает определённый смысловой блок текста.

Рассмотрим пример использования ограничивающей скрепы «итак», где эта функция проявляется особенно ярко. – *Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татаринном. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отместили; корысти же с голодного города не много. **Итак**, мой совет – идти* (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба). В этом примере представлен дословный повтор целого высказывания «Мой совет: (–) идти», и при таком повторе обращает на себя внимание лишь некоторая разница в пунктуации, которая, очевидно, объясняет цель использования повтора. Если в левом контексте скрепы слово «идти» расценивается как вывод из описанной ситуации, то пунктуация правого контекста (тире) оформляет его уже как призыв к действию. Скрепа «итак» при этом знаменует собой конец содержательной части монолога и переход к акцентирующему повтору наиболее важной его части, цель которого – определённое воздействие на адресата.

Иной характер и цель использования повтора видим в следующем примере. *В наших экспериментах испытуемым внушался образ активной «реальной» личности, что и побуждало загипнотизированного максимально адекватно воспринимать те аспекты реальности, в области которых должен был быть осуществлён творческий процесс, и в этом процессе было отчётливо выражено не только интуитивное, но и собственно логическое звено. **Итак**, внушение образа «реальной» личности создавало предпосылки для вполне реалистического*

отражения мира в контексте деятельности, соответствующей внушённому образу (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности). Здесь имеет место уже не дословный, а смысловой повтор, и элементы левого и правого контекстов вступают в резюмирующие отношения, образуя весьма сложное переплетение друг с другом. В левом контексте находим фразу «внушался образ активной «реальной» личности», в резюмирующей части ей соответствуют слова «внушение образа «реальной» личности» и «внушённому образу», т. е. наблюдается свёртывание (исчезает слово «активной») и некоторое «раздвоение» повторяемого фрагмента резюмируемой части. Кроме того, со словами «что и побуждало» в резюмируемой части соотносятся слова «создавало предпосылки» в резюмирующей, со словами «максимально адекватно воспринимать те аспекты реальности» слова «для вполне реалистического отражения мира», а со словами «в области которых должен был быть осуществлён творческий процесс» – слова «в контексте деятельности».

Кроме описанных выше случаев встречаются и такие, где ограничивающая скрепа «итак» (что, кстати, сильно отличает её от скрепы «таким образом») участвует в резюмировании не описываемого левым контекстом статического явления или свершившегося и констатируемого факта, а показанной в динамике ситуации.

Цифро-буквенный код

А теперь потренируемся запоминать, подбирая к разным числам (однозначным, двузначным, трёхзначным) соответствующие сочетания согласных букв. Например: 34 – ТЧ, 75 – СП, 90 – ДН, 6 – Ш, 453 – ЧПТ и т.д. Важно, чтобы Вы произносили вслух звуки этих букв, а не названия самих согласных букв, т.е. не «эспэ» (75 – СП), а «сп». Кроме того, желательно произносить звуки коротко, без распева.

Для запоминания цифро-буквенного кода можно использовать различные игры и упражнения [Далее на 6 страницах приводятся указанные упражнения].

Итак, вас можно поздравить: вы научились подбирать к числам слова, а значит, запоминать любые числа! (Е. Е. Васильева.

Секреты запоминания чисел). В этом примере левый контекст скрепы представляет собой своего рода побуждающую к действию инструкцию по одному из способов запоминания чисел. Эта инструкция предполагает активное участие адресата в выстраиваемой ситуации, о чём говорят слова «потренируемся» (первого лица множественного числа), «вы произносили» (непосредственное обращение к адресату). Правый контекст скрепы также содержит обращение к адресату, отображающее результат его действий в соответствии с приведённой выше инструкцией. Скрепа, таким образом, разграничивает совместные действия адресанта и адресата и их результат в смоделированной ситуации, при этом для создания резюме снова используется повтор: в левом контексте находим слова «потренируемся запоминать, подбирая к разным числам», а в правом – «запоминать любые числа».

Три рассмотренных выше примера являют собой случаи с простым повторяющим резюме (простое, т. е. содержащее только повтор, дословный или смысловой), однако оно может иметь и более сложную структуру.

Б) Ограничивающе-дополняющая скрепа «итак». В этом случае резюме содержит не только повтор того, о чём говорилось раньше, но и небольшое дополнение, т. е. информацию, которая раньше в тексте не появлялась. Такое резюме (как и в предыдущем случае) завершает определённый смысловой блок в тексте, и его цель – акцентировать внимание на наиболее важном и расширить его в содержательном плане.

Во-первых, нужно было изучать мышление, не абстрагируясь от привходящих обстоятельств, не «мышление в чистом виде», как это явно или неявно предполагалось до сих пор. А требовалось изучать мышление, укоренённое в реальную практическую деятельность, т.е. ориентироваться на исследование мышления в деятельности рабочего и инженера, врача и следователя, а не в условиях искусственно вызванной лабораторной деятельности. По всей видимости, деятельность профессионала (рабочего, инженера и т.п.) занимает в его жизни центральное место. С этой деятельностью у него связаны жизненные

планы, достаток, профессиональная гордость, успех и т.п. Этой деятельности он отдаёт значительную часть своего времени и своих сил. Мышление является существенным компонентом этой напряжённой и ответственной системы деятельности, а его связи с деятельностью сложны и многообразны.

Мышление в ходе лабораторного экспериментирования не включено в реальную, жизненно важную деятельность субъекта, и в этом смысле оно является плохой моделью мышления практического. В контексте лабораторной деятельности все сложные и напряжённые связи мышления и деятельности находят лишь бледное отражение, по которому невозможно восстановить подлинную картину.

Итак, мышление следует изучать укоренённым в реальную деятельность, как компонент деятельности (Ю. К. Корнилов. Проблемы психологии практического интеллекта). Здесь в резюме имеет место фактически дословный повтор фрагмента левого контекста, представляющего наиболее важную в содержательном отношении его часть: в резюмируемой части находим слова «требовалось изучать мышление, укоренённое в реальную практическую деятельность», а в резюмирующей – «мышление следует изучать укоренённым в реальную деятельность». Заметим, что повторяющиеся элементы находятся на существенном отдалении друг от друга и разделяются развёрнутыми описаниями обозначенных в них фактов. В резюмирующей части за повтором следует уточняющее дополнение «как компонент деятельности», являющееся новой информацией.

Этот пример демонстрирует прямой порядок следования элементов резюме, при котором сразу за скрепой располагается повтор, а за ним – новая информация. Но, как и в случае со скрепой «таким образом», здесь возможны нарушения этого порядка.

Фактические исследования Пиаже действительно показывают, что коэффициент эгоцентрической речи падает по мере роста ребёнка. К 7–8 годам он приближается к нулю, и это знаменует собой

тот факт, что эгоцентрическая речь не свойственна ребёнку, перешедшему за порог школьного возраста. Правда, Пиаже полагает, что, отбросив эгоцентрическую речь, ребёнок не расстаётся со своим эгоцентризмом как с определяющим фактором мышления, но этот фактор как бы смещается, переносится в другую плоскость, начинает господствовать в сфере отвлечённого словесного мышления, обнаруживая себя уже в новых симптомах, непосредственно не похожих на эгоцентрические высказывания ребёнка.

Итак, в полном согласии с утверждением о том, что эгоцентрическая речь ребёнка не выполняет никакой функции в его поведении, Пиаже утверждает дальше, что эгоцентрическая речь просто отмирает, свёртывается, исчезает на пороге школьного возраста. Этот вопрос о функции и судьбе эгоцентрической речи непосредственно связан со всем учением в целом и составляет как бы живой нерв всей теории эгоцентрической речи, развиваемой Пиаже (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

В этом примере, как и в предыдущем, резюме имеет в своём составе старую информацию, которая представлена словами «эгоцентрическая речь просто отмирает, свёртывается, исчезает на пороге школьного возраста», соотносящимися со словами «коэффициент эгоцентрической речи падает по мере роста ребёнка» первого предложения и всем вторым предложением левого контекста. Отметим, кстати, что, используя повтор, автор стремится максимально заострить внимание на содержащейся в нём мысли, прибегая к целому ряду контекстных синонимов (отмирает, свёртывается, исчезает). При этом скрепа «итак», открывая резюмирующую часть, вводит не сам повтор, а новую информацию, которая выносится на первое место. Этой новой информацией выступает утверждение о том, что эгоцентрическая речь не играет роли в поведении ребёнка. После неё, как видно, следует повтор (старая информация), а затем ещё один блок новой информации, содержащей авторскую характеристику одного из положений теории Пиаже. Таким образом, старая информация в этом резюме оказывается заключённой в новую.

Помимо рассмотренных выше примеров встречаются и такие, где ограничивающе-дополняющий вариант скрепы «итак» участвует в резюмировании ситуации.

И вот Соломон приказал позвать нескольких богатых купцов, корабли которых должны были в этот день отправляться с товарами в Финикию через Иаффу. И когда они явились, встревоженные, в залу судилища, царь спросил их:

– Молили ли вы бога или богов о попутном ветре для ваших кораблей? И они ответили:

– Да, царь! Это так. И богу были угодны наши жертвы, потому что он послал нам добрый ветер.

– Я радуюсь за вас, – сказал Соломон. – Но тот же ветер развеял у бедной женщины муку, которую она несла в чаше. Не находите ли вы справедливым, что вам нужно вознаградить её?

И они, обрадованные тем, что только за этим призывал их царь, тотчас же набросали женщине полную чашу мелкой и крупной серебряной монеты. Когда же она со слезами стала благодарить царя, он ясно улыбнулся и сказал:

*– Подожди, это ещё не всё. Сегодняшний утренний ветер дал и мне радость, которой я не ожидал. **Итак**, к дарам этих купцов я прибавлю и свой царский дар.*

И он повелел Адонираму, казначею, положить сверх денег купцов столько золотых монет, чтобы вовсе не было видно под ними серебра (А. И. Куприн. Суламифь). Данный текст представляет в развитии ситуацию, из которой адресат узнаёт о событиях, происходивших с её участниками. В завершающей части развития этой ситуации (последние два высказывания перед скрепой) один из её участников сообщает, что дары купцов для героини – это ещё не всё и сегодняшний день принёс радость и ему самому. Эта информация становится основой для формирования резюме, о начале которого свидетельствует текстовая скрепа «итак». Последние 2 предложения левого контекста и первое предложение правого образуют своего рода повтор на глубинном

содержательном уровне. Этот повтор имеет дополнение – информацию о том, как именно была вознаграждена героиня.

2) Развитие смыслового блока текста. Резюмирующе-развивающий вариант скрепы «итак». В отличие от предыдущих случаев, смысловой блок текста здесь резюме не завершает: правый контекст скрепы содержит дальнейшее содержательное развёртывание этого блока, которое формируется на основе резюме, т. е. за счёт компрессии информации и акцентирования внимания на наиболее важных моментах левого контекста скрепы. *Слово имеет возможность не только отнести предмет к известной категории, но и указать на ту форму действия, которую играет предмет в данном контексте. Это и позволяет сказать, что язык является системой кодов, достаточных для того, чтобы самостоятельно проанализировать предмет и выразить любые его признаки, свойства, отношения.*

Итак, обозначая предмет, слово выделяет в нём соответствующие свойства, ставит его в нужные отношения к другим предметам, относит его к известным категориям.

Эта анализирующая и обобщающая функция слова выделяется некоторыми авторами, занимавшимися семантикой слова, в специальных схемах, две из которых мы приводим на рис. 3, взятом из работ Квиллиана.

Из этих схем видно, какое огромное число свойств скрывается за, казалось бы, такими простыми словами, как «животное», «клиент» и т. п.

Всё это и говорит о том факте, что слово не только удваивает мир, не только обеспечивает появление соответствующих представлений, но является мощным орудием анализа этого мира, передавая общественный опыт в отношении предмета, слово выводит нас за пределы чувственного опыта, позволяет нам проникнуть в сферу рационального.

Всё это даёт возможность утверждать, что слово, обладающее предметной отнесённостью и значением, является основой системы кодов, которые обеспечивают перевод познания

человека в новое измерение, позволяет совершить скачок от чувственного к рациональному, т. е. к возможности как обозначать вещи, так и оперировать вещами в совершенно новом, «рациональном» плане (А. Р. Лурия. Язык и сознание). В резюмирующей части этого примера видим как практически дословный повтор («отнести предмет к известной категории» в левом контексте и «относит его к известным категориям» в правом), так и смысловой: словам «выразить свойства» в левом контексте соответствуют слова «выделяют свойства» в правом, а словам «выразить отношения» – слова «ставит его в нужные отношения» При этом, если в резюмируемой части в качестве контекстуальных синонимов употребляются слова «слово» и «язык», то в резюмирующей остаётся только одно из них – «слово». После резюме, выделенного в отдельный абзац, в тексте выстраивается структура, при которой каждый последующий абзац имеет содержательную зависимость от предыдущего, основывается на нём, начинаясь с анафорического элемента «это» в соответствующей грамматической форме (не всегда на первом месте в предложении), в т. ч. и абзац, следующий непосредственно за резюме, которое становится для него содержательной основой: перечисленные в резюме возможности слова именуется его анализирующей и обобщающей функцией в следующем абзаце.

Резюмирующе-развивающий вариант скрепы «итак» может участвовать в формировании текстовых структур, в которых резюмируется ситуация, продолжающая своё развитие после резюме. Это хорошо видно из следующего примера:

Запомним следующую дату: 1068 – Восстание в Киеве.

Как видите, здесь получается следующая цепочка: купола церкви (Киев), мужики с вилами (восстание), нашивка (068). Запоминать её лучше комбинацией методов «Рассказ» и «Наложение». Сначала представляем «картинку» события, т.е. место, героя и ситуацию. Например, в данном случае представляем место – Собор, герои – мужики с вилами, ситуация – восстание. Желательно, чтобы вы представили событие по описанию учебника, но вместо

незнакомых названий и имён представляли знакомых людей и известные предметы. Например, слово «Собор» можно представить, как известный вам собор, который вы часто видите или посещаете. А мужики с вилами – это ваши соседи, например. Что касается ситуации, сами догадайтесь...

Итак, представили ситуацию со своими знакомыми и в известном вам месте. Как вы догадались, мы использовали метод «Рассказ».

А теперь выделяем из этой ситуации ключевой образ, т.е. самый яркий образ. В нашем случае, ключевой образ – мужик с вилами. И потом «накладываем» на ключевой образ число 068, т.е. «нашивку».

Удерживая в воображении этот ключевой образ, одновременно произносим вслух «Восстание в Киеве – 1068 г.» [Далее приводится ещё один пример для запоминания].

Запомним ещё одну историческую дату: 1612 – Создание Второго ополчения под руководством Минина и Пожарского.

Представляем «картинку» события и в неё помещаем 612, т.е. «шакала».

А теперь потренируйтесь самостоятельно и запомните следующие исторические даты (Е. Е. Васильева. Секреты запоминания чисел). Здесь представлена развивающаяся с участием адресата ситуация, в ходе которой предлагается уяснить способ запоминания исторической даты, используя так называемые методы «Рассказ» и «Наложение». Определённый итог развития этой ситуации подводит резюме, вводимое скрепой «итак». В первом предложении резюме говорится о том, что адресат (очевидно, совместно с автором) смог представить себе описанную в левом контексте историческую ситуацию, а во втором – о том, что это и есть метод «Рассказ». После этого адресат и автор продолжают «запоминать» дату, но используя уже метод «наложение». Таким образом, резюме – это своего рода промежуточный результат действий и их осмысление (упоминание о названии использованного метода).

Резюмирующей функция текстовой скрепы «итак» во многом проявляет сходства с аналогичной функцией скрепы «таким

образом», которые заключаются в выделении трёх одинаковых функциональных подтипов обеих указанных скреп – ограничивающего, ограничивающе-дополняющего и резюмирующе-развивающего. Однако скрепа «итак» имеет и значительное отличие, относящееся к способности резюмировать не только текст, описывающий статическое состояние, факт действительности и т. д., но и показанную в динамике ситуацию.

2.2.3. Функция присоединения логического вывода-следствия текстовой скрепы «итак»

Принципиальным отличием функции присоединения логического вывода-следствия скрепы «итак» от резюмирующей функции является то, что информация из левого контекста скрепы не повторяется в её правом контексте, а логически вытекает из неё. И этим данная функция ничем не отличается от соответствующей функции описанной нами ранее скрепы «таким образом». Кроме того, скрепа «итак», выступая экспликатором отношений логического следования, становится частичным синонимом слова «следовательно» и скрепы «таким образом» в соответствующей функции. Однако для описываемой скрепы такая функция оказывается далеко не самой распространённой. Нами было обнаружено всего восемь примеров подобного употребления из трёхсот восьми. Напомним, что данная функция вообще базируется на отношениях логического следования, возникающих между частями текста, и их характеристика давалась нами ранее при описании скрепы «таким образом». Там же мы говорили о необходимости использования при анализе употребления скреп семантической модели этих отношений.

Как и скрепа «таким образом», скрепа «итак» может участвовать в формировании нескольких типов текстовых структур, построенных на отношениях логического следования. Простейшую структуру видим в таком примере: – *Позвольте же, позвольте же только рассказать вам, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар, – говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим*

голосом. Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нём во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всём том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. **Итак**, станем продолжать по-русски.

– *Какая же история?* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души). Здесь автор прерывает диалог героев произведения, чтобы дать характеристику их речи, говоря о том, что она изобилует французскими словами и выражениями. Далее в тексте возникает единственный посыл для будущего вывода: автор пишет, что, несмотря на целый ряд обстоятельств, он не решится ввести в свою русскую поэму французские слова и выражения. Этому посылу соответствует вводимый скрепой «**итак**» вывод (тоже единственный) – фраза «станем продолжать по-русски», после чего диалог героев возобновляется.

Усложнение конструкции логического следования можем наблюдать в следующем примере. **Продолжительность.** Упражнение с крестом выполнять 3–5 мин. в течение первого дня.

Затем введите в игру внутреннего взора круг, а после этого квадрат. Работайте с каждой из этих иконических фигур так же, как вы работали с крестом.

Итак, на работу с иконическими геометрическими фигурами у вас уйдёт три дня (по числу фигур) из второй недели работы с окном мнемониста.

А теперь попробуем осуществить второй вариант прогона иконических фигур по матричным ячейкам окна мнемониста (О. А. Андреев. Техника тренировки памяти). В этом примере основой для вывода становится уже не один посыл, а четыре. Первым посылом является содержание предложения «Упражнение с крестом выполнять 3–5 мин. в

течение первого дня», вторым и третьим – содержание следующего предложения (слова «затем введите... круг и квадрат»), а четвёртым – информация о том, что работать с каждой из фигур нужно одинаково. При этом между собой посылы объединяются последовательной связью. Из посылов следует вывод, в котором говорится, что работа с геометрическими фигурами займёт три дня (поскольку работа с первой фигурой займёт один день, и с каждой из них работать нужно одинаково).

Иной характер построения конструкции демонстрирует такой пример. *Оказывается, как сильный шум, так и полная тишина являются сильными раздражителями и одинаково отрицательно сказываются на работоспособности. Экспериментально доказано, что устранение слабых раздражителей, создание идеальных условий тишины приводит к снижению производительности умственной деятельности. Идеальная тишина действует угнетающе, мешает сосредоточиться, вызывает чувство беспокойства или, наоборот, сонливость.*

Итак, помехи нужны. Но какие? Вероятно, это тихая, приятная музыка, тиканье часов, шорох читального зала. Эти помехи вы не замечаете, они не мешают вам сосредоточиться. В помещении должен присутствовать определённый шумовой фон – около 25 децибел. (Для сравнения можно взять шум пишущей машинки, равный 50 децибелам) (Е. Е. Васильева. Секреты запоминания чисел). Здесь в текст в качестве общего посыла сразу вводится высказывание, в котором говорится, что и сильный шум, и полная тишина одинаково негативно сказываются на работоспособности, являясь раздражителями. Далее автор начинает доказывать негативное влияние тишины, приводя упоминание об экспериментально полученных данных, а также дополнительный аргумент об угнетающем и раздражающем влиянии идеальной тишины. Эти утверждения становятся посылками, связанными параллельной связью между собой. Из них делается вывод о том, что помехи нужны. Сам вывод при этом становится основой для дальнейшего развития высказанной мысли (говорится о том, какие именно помехи нужны).

Как уже отмечалось выше, нам не представилось возможным с полной уверенностью сказать, что данная функция скрепы «итак» развилась на базе резюмирующей, хотя мы и имеем дело с рядом переходных случаев.

В нашем крае так называемые кислые почвы. Всё, что имеет органическое происхождение исчезает, растворяется в земле уже через несколько лет. В раковинных же кучах создаётся нейтральная среда, которая, наоборот, консервирует, сохраняет органические вещества. Именно благодаря этим свойствам в раковинных кучах сохранились скелеты людей, кости млекопитающих и мельчайшие косточки рыб, костяные орудия и изделия из раковин. Если бы костяные орудия не сохранились в раковинных кучах, можно было бы сделать вывод, что эти народы жили исключительно за счёт охоты. И лишь каменные грузила для сетей могли бы указывать на рыболовство.

Итак, понятно, что археологические исследования раковинных куч информативнее, чем раскопки археологических памятников той же культурной принадлежности, но без скоплений раковин (В. Г. Квашин. Жизнь за счёт ресурсов моря). Данный текст даёт возможность двоякого толкования отношений, возникающих между его частями. С одной стороны, здесь усматривается смысловой повтор в левом и правом контекстах скрепы. Так, в левом контексте скрепы мы находим предложение «В раковинных же кучах создаётся нейтральная среда, которая, наоборот, консервирует, сохраняет органические вещества», и слова в правом контексте «археологические исследования раковинных куч информативнее» можно расценить как смысловой повтор этой информации. Но «содержательное родство» этой информации можно назвать очень отдалённым. С другой стороны, это же содержание предложения в левом контексте можно понять и как посыл, а левый контекст скрепы – как логический вывод из него, информацию, находящуюся между посылом и резюме как дополнительные, связанные параллельно послы.

Переходность наблюдается и в тех случаях, когда в тексте представляется развитие ситуации. *Первым предстал перед Соломо-*

ном со своей жалобой некто Ахиор, ремеслом гранильщик. Работая в Беле Финикийском, он нашёл драгоценный камень, обделал его и попросил своего друга Захарию, отправлявшегося в Иерусалим, отдать этот камень его, Ахиоровой, жене. Через некоторое время возвратился домой и Ахиор. Первое, о чём он спросил свою жену, увидевшись с нею, – это о камне. Но она очень удивилась вопросу мужа и клятвенно подтвердила, что никакого камня она не получала [Далее рассказывается о том, как Захария в присутствии двух свидетелей говорил о том, что передал камень жене Ахиора].

И вот теперь все четверо – Ахиор, Захария и двое свидетелей – стояли перед троном царя Израильского.

Соломон поглядел каждому из них в глаза поочерёдно и сказал страже:

– Отведите их всех в отдельные покои и запирайте каждого отдельно.

И когда это было исполнено, он приказал принести четыре куска сырой глины.

– Пусть каждый из них, – повелел царь, – вылепит из глины ту форму, которую имел камень.

Через некоторое время слепки были готовы. Но один из свидетелей сделал свой слепок в виде лошадиной головы, как обычно обделывались драгоценные камни; другой – в виде овечьей головы, и только у двоих – у Ахиора и Захарии – слепки были одинаковы, похожие формой на женскую грудь.

И царь сказал:

*– Теперь и для слепого ясно, что свидетели подкуплены Захарией. **Итак**, пусть Захария возвратит камень Ахиору и вместе с ним уплатит ему тридцать гражданских сиклей судебных издержек и отдаст десять сиклей священных на храм. Свидетели же, обличившие сами себя, пусть заплатят по пяти сиклей в казну за ложное показание (А. И. Куприн. Суламифь). Здесь представлено развитие ситуации, в ходе которой один из её участников (царь) пытается разрешить спор двух других участников (Ахиора, владель-*

ца, и Захарии, предполагаемого похитителя). Для этого он приказывает запереть каждого из них в отдельных покоях и вылепить ту форму, которую имел пропавший камень. Сделать это смогли только владелец и похититель, из чего царь заключил, что именно Захария украл камень. Эта часть ситуации является левым контекстом скрепы «итак». В правом её контексте говорится о том, что царь распорядился вернуть камень и наказать давших лживые показания свидетелей. Основными элементами, формирующими отношения, выступают последнее предложение левого контекста и весь правый контекст. Но трактовать эти отношения можно по-разному: либо как резюмирующие с повтором на глубинном содержательном уровне, либо как отношения логического следования (наиболее вероятно), при которых весь левый контекст скрепы и особенно его последнее предложение – это посыл, а весь её правый контекст – вывод.

В целом функциональные возможности скрепы «итак», связанные с построением конструкций логического следования в тексте, тождественны соответствующим возможностям скрепы «таким образом», однако используются они, судя по количеству примеров, значительно реже. Возможно, что связано это с меньшей гибкостью скрепы «итак», например, относительно позиции в предложении (может употребляться только в абсолютном начале), а также с её семантическими особенностями, к которым мы обратимся ниже. Отметим также, что в данной функции скрепа «итак» (как и в резюмирующей функции) проявляет себя как типичная текстовая скрепа. Принципиально иные возможности слово «итак» демонстрирует в функции, названной нами сигнальной, о чём мы расскажем далее.

2.2.4. Сигнальная функция текстовой скрепы «итак»

Текстовой функцией, наличие которой резко отличает скрепу «итак» от рассмотренной нами ранее скрепы «таким образом», является функция названная нами сигнальной. Особенность текстов, где скрепа «итак» выполняет эту функцию, заключается в том, что в них правый контекст скрепы повторов или логических выводов из того, о чём говорилось в левом контексте, не содержит. Это полностью новая в

содержательном плане информация, которая раньше в тексте не появлялась, и скрепа «итак» здесь играет роль маркера, знаменующего конец одного смыслового фрагмента и начало другого.

Важной особенностью является то, что, выполняя именно эту функцию, скрепа «итак» может занимать и позицию скрепы-фразы (из 101 примера использования сигнальных скреп четыре примера скреп-фраз). Фактом, заслуживающим наиболее пристального внимания, является характер выстраиваемых между левым и правым контекстами отношений. Чаще всего (91 примеров из 101) правый контекст содержательно опирается на левый, развивая то, о чём в нём говорилось. Однако нами были найдены и такие случаи (10), где правый контекст был полностью не связанным с левым. И хотя слово «итак» здесь по-прежнему выполняет сигнальную функцию (сообщает о начале новой информации), оно, по сути дела, лишено левого контекста, и, следовательно, в подобных примерах его нельзя считать скрепой.

Теперь подробно остановимся на каждом из этих случаев.

1) Сигнал через связь с левым контекстом. В случаях, когда мы имеем дело с такими употреблениями скрепы «итак», её правый контекст – это полностью новая информация, которая ранее не звучала в тексте и логически не вытекает из того, о чём говорилось. В то же время она тематически или содержательно связана с левым контекстом скрепы и представляет с ним единый смысловой блок. При этом важная мысль из левого контекста, где она не получает достаточного развития, развивается в правом контексте. Скрепа «итак», в свою очередь, даёт сигнал о начале этого развития, а сама опора на левый контекст может быть выражена буквально одним словом в правом. Это хорошо видно из следующего примера.

4. Умение поддерживать высокую работоспособность.

“При умелом распределении умственного труда можно не только развить громадную по своей продуктивности работу, но при этом сохранить на долгие годы, может быть, на всю жизнь, умственную работоспособность”, – отмечал профессор Н.Е. Введенский.

Итак, как же поддерживать высокую работоспособность?

Для этого нужно:

1) определить время максимальной работоспособности;

2) постепенно входить в рабочий процесс;

3) делать перерывы во время работы (Е. Е. Васильева.

Суперпамять или как запомнить, чтобы вспомнить). Здесь в правом контексте скрепы говорится о том, что умение грамотно распределять умственную нагрузку позволяет продуктивно работать и на долгие годы сохранять работоспособность. Первое высказывание правого контекста, начинающееся со скрепы «итак», представляет собой вопрос о том, как поддерживать работоспособность. Далее на этот вопрос даётся ответ. Таким образом, связь левого и правого контекстов на содержательном уровне осуществляется одним словом – «работоспособность»: в левом контексте говорится о наличии данной способности у человека, а в правом – о том, как человеку её поддерживать. Скрепа «итак» при этом маркирует, даёт сигнал о начале подробного описания того, что в левом контексте было только обозначено.

Как уже отмечалось выше, текстовая скрепа «итак», выполняя данную функцию, может употребляться и в позиции скрепы-фразы, например:

О гибридизации – позже!

*На этом мы закончим основной разговор о методе ВС [валентных связей]. Обычно в литературе при изложении этого метода рассматривают ещё понятие о гибридизации АО [атомных орбиталей], которое исторически действительно возникло и сформировалось в рамках теории валентных связей. Однако гибридизационные представления столь же широко используются и в теории МО [молекулярных орбиталей]. Учитывая, что в рамках именно этой последней теорий недавно были получены нетривиальные результаты, касающиеся гибридизации АО, мы обсудим эту концепцию после рассказа о методе МО. **Итак...***

МЕТОД МОЛЕКУЛЯРНЫХ ОРБИТАЛЕЙ

В первой главе мы уже рассмотрели понятие о молекулярных орбиталях и спин-орбиталях в связи с обсуждением одноэлектронного приближения и метода ССП (метода Хартри – Фока). Здесь мы остановимся на теории МО более детально. Начнем с вопроса о способе представления молекулярных орбиталей (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика). В данном примере автор, завершая рассказ о методе валентных связей, говорит о том, что вместе с этим методом обычно рассматривают ещё и другой вопрос. Однако он собирается нарушить традиционную последовательность и сначала рассмотреть метод молекулярных орбиталей, а теорию гибридизации после него, как тесно связанную с ним. После этого встречаем в тексте скрепу (а точнее, скрепу-фразу) «итак», завершающую последний абзац параграфа и выделенную в отдельное высказывание, после которого следует многоточие. Непосредственно за ним начинается параграф «Метод молекулярных орбиталей». Иными словами, в конце параграфа автор обозначает план своих дальнейших действий, а «итак» даёт сигнал о начале реализации этого плана.

Как уже отмечалось выше, мы не можем с полной уверенностью сказать, что сигнальная функция текстовой скрепы «итак» развилась на основе резюмирующей функции, однако можно привести пример переходного случая, где функцию «итак» нельзя оценить однозначно как резюмирующую или сигнальную. Как бы то ни было, но Игорь резко остановился, не дойдя до табачного ларька, повернул к каменному полукругу с рассевшимися на нём, как воробьи на проводе, обитателями городского дна, приблизившись, осторожно тронул уголком своей сумки хозяйку животного за плечо и сказал следующие два слова:

– Кошку продай.

В ответ же услышал вот что:

– У этой кошки болт больше твоего, понял, нет? Отвали, моя черешня!

При этих несоразмерно грубых словах подошли и друзья Игоря, и один из них, кажется, Борис, немедленно включился в беседу.

– Закатай ты этой сосалке в лобешник, – сказал он по-деловому, – а кота забери. Хороший кот, тебе пригодится...

Борис знал о пристрастии Игоря и, желая сделать дружбану приятное, уже протянул руку, чтобы осуществить свою идею, но тут произошли сразу два события, переменявшие плавное течение рассказа.

Во-первых, хилая бомжишка заорала, что её убивают. Вопль её был таким густым, басовитым и невыносимо громким, что заглушил песню про неразделённую любовь, и милиционеры, оторвавшись от проверки паспортного режима, недовольно обернулись.

Во-вторых, кот резко проснулся, встал на коленях хозяйки в виде греческой буквы «омега» и желтоватыми, неожиданно большими клыками со всей дури цапнул протянутую руку, так что из нее сразу сильно потекла кровь.

Итак, скандал.

Укушенный Борис, естественно, гоняется за женщиной и животным с целью убить на хер.

Женщина, прижимая к зелёному свитеру свирепого кота, бежит перед метро кругами, прячась за случайными прохожими, шарахающимися от неё и тем самым усугубляющими неразбериху.

Аслан курит, уже купив в ларьке сигареты, и, будучи северокавказским человеком, стесняется и делает вид, что он тут, ну, типа, стоит просто.

Игорь молча протягивает в сторону убегающей сиреневые пятьсот рублей, надеясь таким образом рано или поздно привлечь её внимание и прекратить всю эту хреновень.

Менты, понятное дело, исчезли, им ещё не хватает с каждым котом разбираться.

Ужас, короче.

И можно было бы долго описывать развитие этого ужаса.

Как оказавшийся неожиданно пугливым и мнительным Борис пренебрёг планами мести и, высоко держа перевязанную носовым платком руку, быстро пошёл искать ближайший травматологический круглосуточный пункт, где ему могли бы сделать укол от заражения

крови, столбняка и других последствий неизвестного кошачьего укуса. Ушёл Борис да больше и не вернулся в наше повествование, нечего ему здесь делать (А. А. Кабаков. Кот). Вполне очевидно, что события, описанные в левом контексте скрепы, являются именно скандалом, и тогда слово «скандал» в правом контексте – это не что иное, как резюме ситуации, когда мы имеем дело со смысловым повтором (показ ситуации в развитии и её номинация). С другой стороны, после резюме в правом контексте мы видим дальнейшее подробное описание развития этой ситуации (скандала), и тогда слово «скандал» можно расценивать уже как сигнал о вводе в текст новых подробностей, о которых не говорилось ранее.

2) Сигнал без связи с левым контекстом наблюдается, когда правый контекст скрепы не связан с левым содержательно и, по сути, является началом другого смыслового блока в тексте (или самостоятельным смысловым блоком). Выполнение скрепой «итак» именно данной функции и позволяет нам говорить о том, что мы имеем дело со словом, текстовые возможности которого значительно шире, чем просто соединение фрагментов текста.

ВИЖУ ЦЕЛЬ – НЕ ВИЖУ ПРЕГРАДЫ!

Эта фраза очень помогает при достижении цели развития памяти, повышения интеллектуального уровня, самопознания, высвобождения скрытых возможностей, заложенных в каждом человеке.

Итак, приступайте к освоению программы урока 1. Своими чёткими лаконичными рекомендациями мы постараемся помочь вам в этом.

Последующие уроки программы «Сатори» вам покажутся проще, так как урок 1 – самый сложный урок в программе (О. А. Андреев. Техника тренировки памяти). В части текста, которую мы условно назовём левым контекстом, даётся общая установка, позволяющая легко и беспрепятственно выполнять любые действия. Правый же контекст скрепы составляет призыв к началу освоения программы урока 1 и утверждение о том, что автор постарается помочь адресату в этом деле.

Связь между общей установкой к действию и призывом к выполнению конкретного действия можно назвать очень условной, если вообще признавать её наличие, и слово «итак» здесь, фактически лишённое левого контекста, даёт сигнал о вводе в текст полностью новой информации, о которой ранее даже не упоминалось.

Однако если в первом примере хотя бы какую-то связь между левым и правым контекстами уловить ещё можно, то в следующем примере она отсутствует полностью. *Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов. Какие бы причины могли их остановить. Неужели Франция? Да, это самая неблагоприятствующая держава. Ходил справляться на почту, не прибыли ли испанские депутаты. Но почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает, нет, говорит, здесь нет никаких испанских депутатов, а письма если угодно написать, то мы примем по установленному курсу. Чёрт возьми! что письмо? Письмо вздор. Письма пишут аптекари...*

Мадрид. Февруарий тридцатый.

Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские, и я вместе с ними сел в карету. Мне показалась странною необыкновенная скорость. Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ. Впрочем, ведь теперь по всей Европе чугунные дороги, и пароходы ездят чрезвычайно скоро. Странная земля Испания: когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами. Я, однако же, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреют головы. Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вел меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя королем Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту» (Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего). В этом примере слово «итак» открывает новую главу дневника, которая, как видим, абсолютно не связана по содержанию с главой предыдущей, и говорить здесь о текстовой скрепе «итак» уже нельзя, т. к. любая текстовая скрепа предполагает наличие

левого и правого контекстов, отношения между которыми она выражает, но здесь она только говорит о начале в тексте чего-то нового, о чём ранее даже не упоминалось.

Если в предыдущем примере такое употребление слова можно расценить как преднамеренное (хотя стоит признать, что такая структура не выглядит аномально), служащее общей идее художественного произведения (показать рассуждения душевнобольного человека), то в следующем примере мы имеем дело уже с научным текстом. *Конечно же, сформированный запускающий образ в случае Ю. не смог бы сам по себе стать причиной последовавшей трансформации его личности и поведения, не включившись в осуществляемую им самим деятельность. Но данная деятельность должна была состоять из чисто символических актов, которые, по словам С.Л. Рубинштейна, как деяния являются чисто фиктивными. Это определение, относящееся к ритуальным действиям, используемым религиозными культами с целью породить у верующих соответствующие умонастроения, вполне применимо и к механизму формирования ятрогений.*

Итак, Ю. начал лечиться. Через какое-то время, в течение которого общение с преподавателем психологии не прекращалось, он посетил районного психиатра. Тот нашел у него невроз навязчивых состояний и дал направление в отделение неврозов одной из соматических больниц. Преподаватель психологии выразила возмущение некомпетентностью психиатра.

После пребывания в отделении неврозов контакты с преподавателем психологии возобновились. Она была уже знакома с его матерью и женой. Желание доказать свою правоту было чрезмерным. На этом этапе она провела идею о том, что его шизофрения купируется злоупотреблением алкоголя. Синдромы начальной стадии алкоголизма стали приниматься за проявления шизофрении. Вся семья активно консультировалась у преподавателя психологии, которая одна, казалось, знает, что делать (В. А. Поликарпов. Психотерапия с позиций теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна). В этом примере в левом контексте

(называем его так условно) приводится рассуждение автора об изменениях в поведении некоего Ю. под влиянием запускающего образа, а также мнение С. Л. Рубинштейна об этом. В правом контексте говорится о том, что Ю. начал лечиться и какие результаты были при этом получены. Единственное общее между правым и левым контекстами – это рассуждения об одном и том же человеке, но никакой содержательной связи между данными рассуждениями не прослеживается.

Следует заметить, что оценка таких примеров представляет собой весьма сложную задачу. Если более внимательно присмотреться к приведённому выше примеру из работы В. А. Поликарпова, то закономерно предположить, что правый контекст скрепы предполагает соотнесение с некоей ситуацией, имевшей место «за пределами текста» (Ю. начал лечиться не просто так, этому явно предшествовало его нездоровье), и можно говорить о том, что левый контекст скрепы формально не выражен, его позиция не замещена. Тогда не вызывает сомнения и то, что такая функция скрепы «итак» развилась из способности резюмировать ситуацию, а сама скрепа проявляет себя как типичное дискурсивное слово, отсылая адресата во внетекстовую реальность. Но с другой стороны, позиция левого контекста в этом примере замещена фрагментом текста иного содержания (исключение здесь составят только тексты, в которых слово «итак» окажется в абсолютном начале), т. е. формально левый контекст подвергается замене на содержательно не связанный с правым. В соответствии с этим формальный критерий здесь следует признать доминирующим и расценивать такие примеры как демонстрирующие отсутствие левого контекста.

Сигнальная функция текстовой скрепы «итак» среди рассматриваемых нами скреп «таким образом» и «итак» свойственна исключительно последней. Выполняя её, эта скрепа иногда проявляет тяготение к позиции скрепы-фразы, что, вероятнее всего, связано с желанием автора подчеркнуть этот сигнал, сделать наиболее заметным адресату. Последний же вывод относится к способности слова

«итак» в данной функции присоединять фрагменты текстов, абсолютно не связанных с тем, о чём говорилось до появления этого слова (мы сознательно избегаем здесь термина левый контекст). Вполне очевидно, что в этом случае мы имеем дело уже не со скрепой, а со **словом-маркером**, т. к. любая текстовая скрепа предполагает наличие левого и правого контекстов, выразителем отношений между которыми она и является. Маркер не связывает части текста, а даёт сигнал о начале информации, которая ранее не получала выражения в данном тексте. В соответствии с этим, применительно к слову «итак» мы предлагаем использовать термин **текстовый оператор**, который является более широким, чем термины «текстовая скрепа», «скрепа-фраза» и «маркер» и включает в себя последние как частные разновидности.

2.2.5. Семантический аспект описания текстовой скрепы «итак»

В основу описания семантики текстовой скрепы «итак» нами были положены принципы, которые мы уже выделяли при описании значения скрепы «таким образом», т. к. обе этих единицы при наличии ряда различий проявляют и определённое сходство друг с другом в плане признаков и свойств, учитываемых при семантическом анализе. К числу сходств относятся принадлежность к классу служебных слов русского языка, функционирующих на уровне текста, а также производность. Однако здесь же проявляются и различия. Если функцию скрепы «таким образом» можно обобщённо назвать релятивной (всегда служит для выражения отношений между частями текста), то для скрепы «итак», как было показано выше, эта функция не является единственной. В случае со скрепой «итак» мы имеем дело с двумя разными функциями – релятивной и той, которая, по сути, ей противопоставлена. Она была названа сигнальной. Некоторые различия можно видеть и в особенностях производности скрепы «итак»: производящими для неё стали не два знаменательных слова, как для скрепы «таким образом», а служебное слово и знаменательное (союз «и» и местоимённое наречие «так»).

Эти различия внесли свои коррективы в некоторые подходы, выработанные при анализе семантики скрепы «таким образом» и экстраполированные на анализ семантики скрепы «итак», однако общие принципы анализа остались неизменными. К числу таких принципов относится применение процедурного подхода, необходимость использования которого обусловлена тем, что для лексического значения данной единицы характерно существенное «затемнение», вызванное способностью встраиваться в контекст, в определённой степени сливаясь с ним, что проявляется при выполнении как релятивной функции, так и сигнальной. Производность рассматриваемой единицы, в свою очередь, требует использования компонентного анализа.

В соответствии с этим, анализ плана содержания скрепы «итак» проводился в два этапа. Первый этап – двухуровневый компонентный анализ, соответствующий этапам формирования текстовой скрепы. Первый уровень – самостоятельные слова «и» и «так», второй уровень – скрепа «итак» (анализ значения скрепы вне контекста). На первом этапе нами выявлялись семантические возможности, заложенные в рассматриваемой единице, на втором – анализ различных функциональных вариантов скрепы и их реализаций с применением процедурного подхода и учётом выявленных на первом этапе особенностей.

Первый этап. Компонентный анализ.

Уровень 1. Исходные элементы.

I. **Союз «и»**, как пишет И. Н. Кручинина, специализирован на выражении значения следования. По её словам, отношения следования могут устанавливаться между различными действиями/состояниями и между действиями, совершающимися в рамках единого сложного процесса, т. е. внутренне связанными друг с другом закономерным развитием последнего – его целостностью или целенаправленным движением к внутреннему пределу. Следование может проявляться как очерёдность действий (состояний); как их

частичное совмещение; как одновременная реализация и сопринадлежность [Кручинина 1988: 194].

II. Так. 1) **Именно таким образом, не как-нибудь иначе.**

2) Нужным, должным образом, как надо, как следует.

3) В таком положении, состоянии, виде, как есть.

4) Без особенной причины, надобности, без определённой цели, намерения.

5) Без последствий, безрезультатно.

6) Без применения специальных средств, способов; без особых усилий.

7) В таком случае, тогда [Большой толковый словарь русского языка 1998: 1303].

Уровень 2. Формирование текстовой скрепы. При слиянии двух названных выше компонентов значения произошло наложение значения следования, содержащегося в семантической структуре союза «и», и первого компонента лексического значения слова «так». В результате этого слияния у слова «итак» сформировалось некоторое инвариантное значение, которое мы охарактеризуем как "то, на что нужно обратить внимание", и это значение предполагает как анафорическую, так и катафорическую направленность. Это инвариантное значение развилось из семантики слова «так», ставшего основным в семантической структуре скрепы. Образовавшееся значение, как показывают наши наблюдения, имеет способность трансформироваться, проявляясь в различных вариантах, которые в большинстве случаев предполагают совмещение анафорической и катафорической направленности, когда значения обоих составляющих элементов (союза «и» и слова «так») задействуются в полном объёме. Однако в тех случаях, когда мы имеем дело с сигнальной скрепой «итак» при отсутствии левого контекста, значение следования, предполагающее наличие как минимум двух компонентов ряда, т.е. анафорическую и катафорическую направленность, полностью утрачиваются, и инвариант сохраняет только катафорическую направленность.

Второй этап. Процедурный подход.

Как отмечалось ранее, с позиций процедурного подхода текстовые скрепы нужно относить к единицам, называемым А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным процедурно-контекстными, т. е. опирающимися на контекст и на ситуацию общения. При этом значимая сторона самих контекстов вовлекается в сферу семантического действия скрепы [Баранов, Паршин 1990: 26–27]. Иными словами, значение скрепы встраивается в значение контекста и реализуется в полной мере только там. Кроме того, следует отметить, что скрепа «итак», в отличие от рассмотренной нами ранее скрепы «таким образом», предполагает опору не только на контекст, но и на ситуацию общения. В обоих этих случаях семантика скрепы «итак» предполагает интеграцию в сознание говорящего.

Опору семантики скрепы на контекст с интеграцией в сознание говорящего можно видеть в следующем примере: *А в это время сам автор чувствовал себя угнетённым и подавленным... неудачей «Ревизора»... Правда, он заметил статью Белинского, и в своём «Театральном разезде», защищаясь против нападок, он приводит в числе других и мысль Белинского о благородном смехе. Но в глубине его души были недовольство и тоска. В письме к Пушкину Гоголь винит в своём настроении «соотечественников»: «Я устал душою и телом. Клянусь, никто не знает и не видит моих страданий». И в другом: «Еду за границу, там размыкать тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен быть подальше от своей родины». Но в материалах Шенрока приведено письмо к «одному литератору», написанное по поводу первого представления, и в нём Гоголь так изображает своё нравственное состояние: «С самого начала... я уже сидел в театре скучный. О восторге и приёме публики я не заботился. Одного только судьи из всех бывших в театре я боялся, и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упрёки и ропот против своей же пьесы, которые заглушали все другие...»*

Итак, «единственный судья» осудил пьесу, вокруг которой закипела борьба старой и новой Руси. В споре друзей и врагов своего гениального произведения Гоголь, после некоторых колебаний, склонился... на сторону врагов (В. Г. Короленко. Трагедия великого юмориста). Здесь скрепа «итак» даёт адресату сигнал о наибольшей важности того, о чём сообщается в данный момент и отсылает его одновременно к левому и правому контекстам. Реализация такого варианта скрепы «итак» происходит благодаря содержанию самого текста. В левом контексте скрепы приводится выдержка из письма Н. В. Гоголя, в котором он пишет, что во время премьеры «Ревизора» был недоволен пьесой изначально и боялся только одного критика – себя. В правом контексте говорится о том, что единственный судья осудил пьесу, т. е. имеет место смысловой повтор. При этом сам левый контекст не содержит в себе никакого указания на особую важность этого фрагмента и в сознании адресата просто включается в единое смысловое поле текста. Скрепа же апеллирует к сознанию адресата, акцентируя внимание на левом и правом контексте, заставляя его соотносить эти два фрагмента. Помимо этого, в сферу семантического действия скрепы попадает не только резюме, но и следующее за ним содержательное дополнение, в котором говорится о том, что вокруг «Ревизора» на Руси закипела настоящая борьба, и Гоголь в ней встал на сторону врагов. Эта часть текста не является факультативной – она несёт в себе информацию, которая не звучала ранее, но неразрывно связана с содержащейся в резюме, а значит, попадает и в поле семантического действия скрепы.

Опору скрепы на ситуацию общения можно видеть в таком примере: – *Я угощаю вас, паны братья, – так сказал Бульба, – не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой казацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру: чтобы пришло наконец такое время,*

чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделались христианами! (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба). Здесь скрепа «итак» резюмирует показанную в динамике ситуацию. Имеет место смысловой повтор: к повтору следует отнести слова «Я угощаю вас, паны братья» из левого контекста и слова «выпьем, товарищи, разом выпьем...» из правого. Соотнесение скрепой левого и правого контекстов формирует в сознании адресата следующие основные пункты: приглашение к действию, повод для действия (левый контекст) и снова приглашение к действию (правый контекст). Семантика следования скрепы «итак» организует ряд содержательно однородных элементов, а значение «то, что наиболее важно» выделяет один из этих однородных элементов. Главным, что отличает данный случай от предыдущего, является адресат, к сознанию которого апеллирует скрепа. Если в предыдущем случае это читатель, т. е. «внешний» адресат, то здесь мы имеем дело с адресатом «внутренним», «текстовым», участником ситуации, описанной в тексте.

Скрепа «итак» участвует в формировании ряда содержательно однородных элементов и в том случае, когда выполняет функцию присоединения логического вывода следствия. Например: *Марья Ивановна Гоголь была проницательнее биографов. Она была женщина умная, знала сына и сама любила когда-то своего Василья Афанасьевича. Она помнила, как он играл ей за речкой нежные мелодии и писал любовные письма. Напыщенный, неискренний и холодный стиль в письме сына не мог обмануть её: это, очевидно, не любовь к живой женщине, а что-то другое. Что же именно? Просто попытка объяснения того обстоятельства, что опекунские деньги самовольно употреблены на поездку за границу. Зачем? Марья Ивановна знала, что за границу ездят лечиться. Петербург – город соблазнительный. Итак, её сын поехал лечиться от... дурной болезни.*

Как это часто случается с умными и практическими людьми, Марья Ивановна превосходно угадала очень многое. Но вывод сделала грубо ошибочный: ответное письмо матери поразило сына как громом

(В. Г. Короленко. Трагедия великого юмориста). Здесь в левом контексте скрепы мы видим несколько посылов, на которых будет основываться вывод: «Марья Ивановна Гоголь... была женщина умная, знала сына», «стиль в письме сына не мог обмануть её: это, очевидно, не любовь к живой женщине, а что-то другое», «опекунские деньги самовольно употреблены на поездку за границу», «что за границу ездят лечиться», «Петербург – город соблазнительный». Этим посылам соответствует вывод в правом контексте: «её сын поехал лечиться от... дурной болезни». Скрепа благодаря способности оформлять ряд содержательно однородных элементов текста и акцентировать внимание на наиболее важном (здесь это вывод) заставляет адресата соотносить контексты и понимать обоснованность сделанного вывода.

Реализацию другого семантического варианта скрепы «итак» видим при выполнении ею сигнальной функции. Рассмотрим пример. *Что касается Олимпиады, то, если вы заметили, оды мы вообще никому и никогда не поём. Но всё равно спасибо вам за спасибо. А если в нашем пространном тексте авторское отношение к этому строительству выражено для вас не совсем ясно, то попробую ещё раз. Итак, вот оно: «Можно спорить о том, нужна ли нам Олимпиада. Но поскольку Россия ввязалась в это дело, сделать его нужно качественно, в срок и с наименьшим ущербом для людей, экологии и репутации страны. И очень хорошо, что это пока художественно, а получается». Только без обид, ладно?* (Русский репортёр. 2010. №5). В этом примере скрепа «итак» имеет как левый, так и правый контексты. В левом контексте автор, говоря об олимпийских стройках в Сочи, обращается к адресату (конкретному) с намерением повторно выразить своё отношение к этому строительству. Появление в тексте скрепы «итак» ассоциируется в сознании адресата с началом изложения точки зрения, на которую автор только что прямо указал. Эта точка зрения приводится в правом контексте. Такой вариант скрепы «итак» заставляет адресата обратить пристальное внимание на то, о чём говорится дальше (здесь такую роль играет не только «итак», но и сочетание указательной частицы с

местоимением), а к левому контексту отсылает лишь с целью напомнить, о чём вообще идёт речь в контексте правом.

Принципиально иной семантический вариант скрепы «итак» используется в текстах, где имеет место сигнальная функция названной скрепы и формально выраженный левый контекст содержательно никак не связан с правым, например:

MICHAEL HALTMAN

Итак, Президент Обама, за последнюю неделю вы сделали больше, чем за предыдущие два с лишним года президентства. Но не забывайте, что до убийства бен Ладена вы вели слабую и неадекватную политику на Ближнем Востоке, и граждане вашей страны не хотят её продолжения! (Русский репортёр. 2011. № 19). Как видим, здесь в правом контексте слова «итак» (избежим термина «скрепа») говорится об итогах двух лет правления Барака Обамы, левый же контекст полностью отсутствует (если не считать заголовка, указывающего на авторство). «Самым важным» в данном фрагменте выступают, очевидно, слова «Президент Обама», которые дают понять, что речь пойдёт именно о нём, а непосредственно к этим словам присоединяется и всё остальное содержание текста, также попадающее в сферу семантического действия скрепы, т. к. они представляют собой единое целое. Однако на содержательном уровне то, о чём говорится в правом контексте, явно связано с определённой ситуацией, которая имела место ранее, до того, как появилось данное утверждение. При этом компонент значения, выражающий отношения следования, сохраняется. Здесь «итак» проявляет себя как типичное дискурсивное слово, апеллирующее к сознанию адресата и отсылающее его к имевшей место в прошлом ситуации, т. е. к дискурсу в широком понимании (ситуации, которая реализуется в тексте).

Подводя итог описанию значимой стороны слова «итак», можно выделить ряд особенностей его семантики. Рассматриваемая единица обладает собственным лексическим значением, которое имеет свой инвариант и варианты, реализующиеся в контекстах под их влиянием.

Инвариантом выступает значение «то, на что нужно обратить внимание», полученное от слова «так». Вторым важным компонентом лексического значения «итак» является значение, связанное с выражением отношений следования в различных их проявлениях, которое было получено от союза «и». Именно этот компонент указывает на обязательность наличия левого и правого контекстов и совместно с первым компонентом формирует механизмы их соотнесения. Значение, связанное с выражением отношений следования и полученное словом «итак» от союза «и», ставшего его составной частью, не демонстрирует факультативности даже в тех контекстах, где формально выраженным является только правый контекст. Из этого можно заключить, что при реализации такого варианта наблюдается частичное «разрушение» функции текстовой скрепы слова «итак» и переход его в текстовый оператор с точки зрения формальной выраженности левого контекста, однако на семантическом уровне «итак» по-прежнему остаётся скрепой.

Если сравнивать инвариантное значение слова «итак» и его особенности с описанным нами ранее значением скрепы «таким образом», то здесь мы видим принципиальные различия, относящиеся, в первую очередь, к инварианту, хотя это не мешает двум названным единицам выполнять ряд одинаковых текстовых функций.

2.3. Методика описания употребления текстовых скреп «таким образом» и «итак» в их различных функциях

При синтаксической классификации и анализе текстовых скреп представляется наиболее целесообразным многоаспектный подход, основанный на принципах комплексного функционального анализа, т. к. скрепа, как считает А. Ф. Прияткина, на точку зрения которой мы опираемся, в отличие от союза, не предопределяет грамматической охарактеризованности тех частей текста, реализующих её валентности [Прияткина 2007: 338]. Принцип комплексного функционального анализа и был положен в основу нашей методики анализа употребления текстовых скреп. В то же время необходимо учитывать и некоторые

особенности синтаксической структуры контекстов, задействованных в выстраивании связей и помогающих выявить эти связи. Данные особенности являются индивидуальными для каждого конкретного случая, и говорить о каком-либо стандарте грамматической охарактеризованности даже для одной и той же скрепы, выполняющей одну и ту же функцию, не приходится.

Итак, при анализе употребления текстовой скрепы мы предлагаем учитывать следующие общие критерии:

а) функция текстовой скрепы (та функция, которую выполняет скрепа в тексте, является фактором, определяющим конкретные параметры анализа этой скрепы);

б) средства, поддерживающие связь левого и правого контекстов (конкретные формально-семантические элементы текста, которые выстраивают линии связи между левым и правым контекстами скрепы);

в) содержание соединяемых элементов (особенности семантической структуры текста, задействованные в формировании внутри-текстовых связей, экспликатором которых выступает скрепа);

г) форма соединяемых элементов (объём левого и правого контекстов, релевантные в плане поддержки связей грамматические характеристики отдельных элементов);

д) расположение текстовой скрепы (позиция в тексте).

Теперь продемонстрируем использование этих критериев на примерах.

2.3.1. Анализ употребления резюмирующей скрепы

Особенностью данного употребления, как отмечалось ранее, является то, что присоединяемая информация так или иначе повторяется, т. е. содержание правого контекста дублирует содержание левого. Причём повтор может быть смысловым и лексическим (дословным). В соответствии с этим описание резюмирующих скреп мы предлагаем проводить по следующим параметрам:

– структура левого и правого контекстов (конструктивно-синтаксические характеристики соединяемых скрепой частей текста, такие, как количество предложений и предикативных единиц (ПЕ), их

распространение и другие особенности, оказывающие влияние на формирование связи между элементами);

– их содержание (компоненты смысла, которые оказывают влияние на формирование связи частей текста);

– характер резюмирования (указание на то, является резюме смысловым или лексическим повтором);

– расположение скрепы (этот фактор весьма важен и для скрепы «таким образом», т. к. она может располагаться не только в начале предложения, что может играть большую роль в акцентуации внимания на тех или иных частях правого контекста, и для скрепы «итак», либо занимающей позицию абсолютного начала предложения, выполняя функцию текстовой скрепы, либо выделяющейся в отдельное высказывание или даже абзац, занимая позицию скрепы-фразы);

– поддержка связи элементов (различные структурно-семантические особенности, которые участвуют в формировании связей между фрагментами текста в дополнение к той связи, которая оформляется скрепой).

Резюмирующую функцию в тексте могут выполнять обе скрепы, демонстрируя практически идентичные функциональные возможности. Так, нами было установлено, что, выполняя резюмирующую функцию в тексте, обе указанных скрепы могут реализовываться в трёх функциональных вариантах – ограничивающем, ограничивающе-дополняющем и резюмирующе-развивающем. Каждый из этих вариантов требует учёта своих особенностей и, следовательно, некоторых различий в способах анализа.

Учитывая сказанное, проанализируем употребление ограничивающей скрепы «таким образом». *В трактате «Тимей» Платон утверждал, что стихия, называемая водой, сгущаясь, превращается в камни и землю, но она может стать ветром и воздухом, а воспламенившийся воздух – огнём. Возможен и обратный процесс: огонь переходит в воздух, а он, в свою очередь, становится облаком и туманом, при большом концентрировании которых образуется вода. Таким образом, утверждалась идея о взаимном*

переходе четырёх стихий, или элементов. Просматривается также признание существования двух видов воды – пара и жидкой воды (В. А. Синюков. Вода известная и неизвестная).

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из двух сложных предложений с разными типами связи, каждое из которых содержит по четыре ПЕ. При этом только одна ПЕ первого предложения имеет осложнение в виде полупредикативности («называемая водой») и дополнительной глагольной предикативности («сгущаясь»).

б) *Правый контекст* также имеет в своём составе два простых предложения, и каждое из них состоит из одной ПЕ (первое предложение имеет осложнение в виде закрытого поясняющего ряда, а второе – в виде поясняющей конструкции).

2) *Содержание контекстов.*

а) В *левом контексте* приводятся последовательности перехода различных стихий друг в друга и из одного агрегатного состояния в другое, описанные в трактате Платона «Тимей». Во второй ПЕ первого предложения говорится о том, что вода превращается в камни и землю, в третьей ПЕ – о том, что она может стать ветром и воздухом, а в четвёртой – о том, что воздух может стать огнём. В первой ПЕ второго предложения говорится о возможности обратного процесса, и каждая последующая ПЕ даёт сведения об отдельном этапе этого перехода.

б) *Правый контекст* в содержательном плане представляет собой обобщающее резюме, не вносящее в текст ничего нового.

3) *Характер резюмирования.* Имеет место смысловой повтор со сжатием содержания правого контекста. Так, описания последовательностей перехода заменяются словами «утверждалась идея о взаимном переходе четырёх стихий, или элементов» в первом предложении, а во втором говорится о признании (очевидно, в трактате «Тимей») двух видов воды – жидкой и пара, что подробно раскрывалось в третьей и четвёртой ПЕ второго предложения левого контекста.

4) *Расположение скрепы.* Скрепа расположена в абсолютном начале предложения, что в совокупности с содержанием левого и

правого контекстов подчёркивает резюмирующий характер последующей части текста.

5) *Поддержка связи контекстов.* В левом контексте связь поддерживают слова «сгущаясь» (т. е. оборот с дополнительной глагольной предикативностью), «превращается», «обратный процесс», «в свою очередь», которым в правом контексте соответствуют слова «о взаимном переходе».

Несколько иную структуру контекста можно видеть в случаях с резюмирующе-дополняющим вариантом скрепы. *В водоёмах, как первичных, так и современных, в силу разного нагрева воды по акватории, изменений солёности и плотности, воздействия атмосферных явлений и приливных сил Луны и Солнца возникают движения частиц воды, которые выражаются в образовании поверхностных и внутренних волн разной длины и амплитуды, формировании поверхностных и глубинных течений, подъёмов и опусканий водных масс, расслоении толщи воды, а также в возникновении динамических структур типа вихрей. Гидросфера, таким образом, оказывается исключительно подвижной средой с широким спектром скоростей движения частиц: от десятых миллиметра до десятков метров в секунду. Наиболее динамична гидросфера на границе с атмосферой, а с глубиной скорости движения частиц воды падают. Поэтому верхний слой воды в океане толщиной до 100 м часто называют слоем перемешивания* (К. С. Лосев. Вода). Для такой скрепы методика анализа будет выглядеть следующим образом.

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из одного сложноподчинённого предложения, включающего в свой состав две предикативные единицы (ПЕ). Обе ПЕ имеют распространение в виде сочинительных конструкций (перечислительные ряды с распространением однородных компонентов), которые выступают в качестве основы для резюмирования.

б) *Правый контекст* чётко структурирован на резюме и его дополнение без взаимопроникновения одной части в другую. Блок

новой информации начинается со слов «с широким спектром скоростей», т.е. вливается в резюмирующее предложение как синтаксический распространитель ПЕ, а далее разворачивается в три новых ПЕ, которые входят в два других предложения.

2) *Содержание контекстов.*

а) *Левый контекст* содержит подробное описание факторов, влияющих на движение воды в водоёмах и перечисление видов таких движений.

б) *Правый контекст* разделяется на два информационных блока – блок, резюмирующий левый контекст, и довольно значительное дополнение этого резюме.

3) *Характер резюмирования.* Резюме является смысловым повтором: слова «первичные и современные водоёмы» в левом контексте заменяются словом «гидросфера» в правом, а перечисление видов движений – словами «исключительно подвижной средой» (32 лексемы подвергаются компрессии и сворачиваются до четырёх). При этом в начале каждого блока используется пассивный глагол: «выражается» в основной части и «оказывается» в резюмирующей. Упоминание о причинах возникновения этих движений в резюме опущено.

4) *Расположение скрепы.* Скрепа смещена внутрь вывода на одну позицию, и в данном случае это вызвано не стремлением к актуализации фрагмента, оказавшегося на первом месте, а желанием снять эффект повтора, «скрыть» его показатель, и обеспечить линейность потока речи, большую спаянность компонентов, поскольку цель его введения – дополнение к уже сказанному.

5) *Поддержка связи контекстов.* Связь контекстов поддерживается наличием смыслового повтора и пассивной конструкции в резюмируемой и резюмирующей частях. (Основной связующий элемент – слово «таким образом»).

Анализ употребления резюмирующе-развивающего варианта скрепы продемонстрируем на примере скрепы «итак». *Числовая информация представляет собой соединение слов и чисел, т.е. СЛОВО + ЧИСЛО.*

Давайте, эту связь будем называть «парочкой». Другими словами, «парочка» – это слово + число.

Интересно, что число само по себе, без слова, не имеет смысла! Например, как мы будем реагировать на человека, который подойдёт к нам и скажет: «562»? Скорее всего, мы примем его за ...

Итак, числовая информация представляет собой «парочку», т.е. слово + число. Значит, и запоминать нужно именно со слова, т.е. сначала нужно представить слово, а потом его соединить (+) с числом. Все очень просто! Соединяй себе слова с числами, и никаких проблем!

Действительно, слова мы умеем представлять, любые числа тоже умеем представлять, осталось только научиться их соединять. А соединить слово с числом можно двумя способами: 1) методом «Рассказ»; 2) методом «Наложение» [Следующие 2 страницы занимает подробное раскрытие сути двух указанных методов]. (Е. Е. Васильева. Секреты запоминания чисел).

1) Структура контекстов.

а) *Левый контекст* состоит из пяти предложений, только одно из которых является сложным (сложноподчинённым). Остальные предложения простые, но имеют осложнение в виде поясняющих конструкций и вводные компоненты.

б) Первое предложение *правого контекста* является простым, осложнённым поясняющей конструкцией. Далее следуют сложные предложения.

2) Содержание контекстов.

а) В *левом контексте* говорится о том, что числовая информация представляет собой соединение слов и чисел, или «парочку», но при этом число само по себе не имеет значения. Последнее играет в тексте роль своеобразной вставки, дополняющей то, о чём говорится в основной содержательной части.

б) В первом предложении *правого контекста* снова говорится о том, что «числовая информация представляет собой «парочку», т.е. слово + число», и на основании этого во втором предложении

делается следующий вывод: запоминать нужно именно числа. После этого автор переходит к способам такого запоминания.

3) *Характер резюмирования.* Резюме представляет собой сочетание дословного и смыслового повтора, при котором повторяются некоторые слова и сочетания слов («парочка» и «слово + число»), но сама синтаксическая конструкция видоизменяется – два простых предложения из левого контекста преобразуются в одно простое, имеющее осложнение в виде пояснения (это пояснение и содержит в себе одну из частей второго предложения).

4) *Расположение скрепы.* Скрепа расположена в абсолютном начале первого предложения правого контекста.

5) *Поддержка связи контекстов* осуществляется исключительно наличием дословных повторов – «парочка» и «слово + число».

6) *Связь продолжения* прослеживается на содержательном уровне и имеет экспликативы – слово «значит» во втором предложении правого контекста, показывающее наличие отношений логического следования между предложениями, союзы «а» и «то есть» внутри этого же предложения, слово «действительно», а также повтор со значением подтверждения («нужно представить слово» в первом абзаце правого контекста и «слова мы умеем представлять» во втором). Ещё одним связующим элементом выступает вторая ПЕ четвёртого предложения правого контекста, в которой говорится о том, что осталось только научиться соединять слова с числами. После них автор переходит к описанию способов того, как это сделать.

2.3.2. Анализ употребления скрепы, присоединяющей логический вывод-следствие

Функция присоединения логического вывода-следствия, которую также могут выполнять обе рассмотренные нами скрепы, предполагает, что содержание правого контекста логически вытекает из содержания левого, в соответствии с этим параметрами для анализа будут:

- структура левого и правого контекстов;
- содержание левого и правого контекстов;

– характер вывода (рассмотрение вывода с точки зрения его роли в информационном поле текста, т. е. носит он оценочный или информативно-фактический характер);

– расположение скрепы;

– поддержка связи контекстов;

– связь продолжения (данный параметр является факультативным и необходим лишь в том случае, когда смысловой блок, который составляют левый и правый контексты скрепы, не заканчивается выводом, а продолжает развёртываться).

Проанализируем употребление скрепы «таким образом», присоединяющей логический вывод-следствие. *Вторым аспектом обогащения ментального (умственного) опыта учащихся – наряду с формированием основных компонентов когнитивного, метакогнитивного и интенционального опыта – является создание условий для раскрытия и роста индивидуального своеобразия склада ума учащихся. Таким образом, индивидуализация обучения – это важнейшее средство интеллектуального воспитания учащихся, поскольку помогает учителю увидеть в каждом ученике уникальность его интеллектуальных возможностей* (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования).

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из одного предложения, содержащего одну ПЕ, осложнённую конструкцией с предлогом «наряду с» и содержащую вставку.

б) *Правый контекст* представляет собой сложноподчинённое предложение, включающее две ПЕ.

2) *Содержание контекстов.*

а) В основном смысловом компоненте *левого контекста* говорится о том, что второй возможностью обогащения ментального опыта учащихся является создание условий для раскрытия своеобразия индивидуального склада ума учащихся. При этом обособленный оборот с предлогом «наряду с» содержит отсылку к предыдущему контексту, где говорилось о первой возможности этого обогащения.

б) *В правом контексте* говорится о том, что индивидуализация обучения – это важнейшее средство интеллектуального воспитания, помогающего учителю увидеть интеллектуальное своеобразие ученика.

3) *Характер вывода.* В данном случае вывод носит информативный характер (входит в объективно-фактическую линию текста) и делится на две части: собственно вывод, т. е. новую информацию, тесно связанную с левым контекстом, и мотивировку сделанного вывода (придаточная часть в СП).

4) *Расположение скрепы.* В данном примере скрепа расположена в абсолютном начале вывода. Этим автор стремится подчеркнуть значимость вывода и его непосредственную связь с предтекстом.

5) *Поддержка связи контекстов.* Связь контекстов поддерживается за счёт лексического наполнения. В левом контексте опорными для последующего вывода являются слова «учащихся», «создание условий» (указание на процесс) и «индивидуального». В правом контексте на их основе формируется словосочетание «индивидуализация обучения» (если речь идёт об учащихся, то закономерно говорить и о процессе обучения), которое является главным смысловым компонентом вывода. В дальнейшем смысловом развёртывании этого основного компонента снова появляется поддерживающее содержательную связь слово «учащихся» (когда в текст вводится ранее не упоминавшееся понятие «интеллектуальное воспитание»).

Практически все обозначенные пункты (за исключением расположения скрепы) будут актуальны и при анализе употребления присоединяющей логической вывод-следствие скрепы «итак», например: *Он [Чичиков] не обращался наобум ко всякому помещику, но избирал людей более по своему вкусу или таких, с которыми бы можно было с меньшими затруднениями делать подобные сделки, стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы, если можно, более дружбою, а не покупкою приобрести мужиков. Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доньше являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны*

тащиться. С нашей стороны, если, точно, падёт обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого течения и объёма дела (Н. В. Гоголь. Мёртвые души).

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из одного предложения, содержащего три предикативных единицы. Первая ПЕ имеет осложнения в виде противительного и разделительного рядов с союзами «но» и «или» соответственно. Вторая ПЕ содержит осложнение в виде соединительного ряда, а также дополнительной глагольной предикативности. Третья часть имеет осложняющий противительный ряд с союзом «а».

б) *Правый контекст* состоит из двух предложений, первое из которых включает в себя 6 ПЕ (вторая ПЕ имеет осложнение в виде полупредикативности), а второе – 3 ПЕ.

2) *Содержание контекстов.*

а) *Левый контекст* в содержательном отношении выстроен таким образом, что каждая ПЕ, а также члены сочинительных рядов, содержат определённую характеристику тех людей, с которыми встречался Чичиков для осуществления с ними сделок купли-продажи.

б) *Правый контекст* сразу начинает высказывание (первая и вторая ПЕ первого предложения), в котором говорится о том, что читатели не должны «негодовать на автора», если ему не понравились эти герои. О начале вывода на этом этапе говорит только скрепа «итак», объяснение же даётся в третьей ПЕ – в словах «это вина Чичикова». Во всех последующих ПЕ даётся своего рода подтверждение этой мысли. Последнее предложение содержит уже дополнение этого вывода, связанное с ним, но не участвующее в выстраивании отношений логического следования.

3) *Характер вывода.* Вывод носит информативный характер, дополняющий объективно-фактическую сторону текста определённой новой информацией.

4) *Расположение скрепы.* Скрепа расположена в абсолютном начале первого предложения вывода.

5). *Поддержка связи контекстов.* Основным связующим элементом здесь, безусловно, выступает текстовая скрепа «итак» (без неё связь левого и правого контекста разрушается), поддерживает же эту связь на содержательном уровне третья ПЕ первого предложения правого контекста («это вина Чичикова»).

2.3.3. Анализ употребления сигнальной скрепы

В качестве сигнальной скрепы в тексте может функционировать только скрепа «итак». Данная функция предполагает, что правый контекст скрепы представляет собой блок новой информации, которая ранее не заявлялась, не является логическим выводом из левого контекста и может быть лишь содержательно связана с ним (но не всегда). Для анализа мы предлагаем следующие параметры:

- структура левого и правого контекстов;
- содержание левого и правого контекстов;
- характер сигнализации – указание на то, связана ли информация в левом контексте с информацией в правом, и если связана, то как именно;
- расположение скрепы (анализ лингвистического материала говорит о двух возможных вариантах употребления данной скрепы – включённость в правый контекст и интерпозиционное употребление между левым и правым контекстами в виде отдельного предложения или даже абзаца);
- поддержка связи контекстов.

Специфика предмета потребовала введения немногих новых, дополнительных понятий, являющихся обобщением специфических для психотерапевтических процессов явлений. Итак, психика как процесс, анализ через синтез, образ, запускающий образ (последнее понятие введено нами), прогнозирование, ритуал, психотерапия, деятельностно-процессуальный подход. Понятия «образ» и «психотерапия» берутся в специфическом процессуальном аспекте (В. А. Поликарпов. Психотерапия с позиций теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна).

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из одного двусоставного предложения, содержащего одну ПЕ.

б) *Правый контекст* состоит из двух предложений (две ПЕ), первое из которых представляет собой ряд номинативов с поясняющей вставкой, а второе – двусоставное.

2) *Содержание контекстов.*

а) В *левом контексте* говорится о необходимости введения в обиход (судя по всему, научный) неких новых понятий.

б) В *правом контексте* указанные выше понятия перечисляются, при этом делаются два попутных уточняющих замечания, одно из которых оформлено как вставочная конструкция, а второе – как самостоятельное предложение. Иными словами, в правом контексте раскрывается суть левого.

3) *Характер сигнализирования.* В данном примере скрепа даёт сигнал о начале раскрытия основного смысла левого контекста, хотя вводимая скрепой часть – это, по сути, необходимое пояснение.

4) *Расположение скрепы.* В данном примере скрепа является частью правого контекста.

5) *Поддержка связи контекстов.* Между левым и правым контекстами устанавливаются отношения пояснения. В левом контексте фраза «потребовала введения немногих новых, дополнительных понятий» создаёт информативную недостаточность, которая восполняется правым контекстом (его первым предложением).

Как было отмечено выше, слово «итак», выполняя сигнальную функцию, может употребляться и в позиции скрепы-фразы. Анализ подобных употреблений также входил в круг наших задач. *Рассматривая онтогенез внутренней речи, а также филогенез её предпосылок, Выготский оставил (не мог не оставить по причине времени, в которое он жил) нишу для изучения исторически более близкого к нам филогенеза, филогенеза самой внутренней речи общества. Попробуем заполнить эту нишу пусть даже не в первом, а в предварительном приближении. Масштабом этого приближения будет Россия XIX – первой трети XX веков.*

Итак. Первая треть XIX века. Золотой век русской поэзии. Счастливое детство культуры русского общества, то есть детство, которое имеет уже достойных родителей. Оформление знаменитой русской интеллигенции. С точки зрения рассматриваемого общественного глоттогенеза, перед нами – расцвет устной речи. Бесконечные кружки, салоны, вечера, приемы, балы, утренники, короче говоря, вечный «детский праздник», как это чутко сформулировал Пушкин. Детский сад Монтессори, который вспоминает Выготский. Нет, конечно, всё серьезно: всё по-детски серьезно (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

1) *Структура контекстов.*

а) *Левый контекст* состоит из трёх простых осложнённых предложений.

б) *Правый контекст* имеет в своём составе семь предложений (здесь мы приводим только начало, т. к. полный его объём составляет восемь страниц), первые два из которых являются простыми номинативными распространёнными. Далее структура предложений начинает постепенно усложняться: первая ПЕ третьего предложения – также простое номинативное, но всё предложение в целом – сложное, состоящее из двух ПЕ. С этого предложения начинается буквально чередование распространённых номинативных ПЕ и двусоставных.

2) *Содержание контекстов.*

а) В *левом контексте* автор говорит о том, что Л. С. Выготский оставил нишу в изучении филогенеза внутренней речи (первое предложение), и предлагает читателю совместно с ним заполнить эту нишу. Об этом говорится во втором предложении. В третьем предложении говорится о том, что масштабом рассмотрения будет «Россия XIX – первой трети XX веков».

б) Начало *правого контекста* содержит указание на то, что рассматривается первая треть XIX века, после чего следуют общие характеристики, часть которых приводится в соответствии со свидетельствами современников (эту информацию содержат придаточные части сложноподчинённых предложений).

3) *Характер сигнализирования.* Сигнал представляет собой детальное раскрытие заявленного в правом контексте феномена (Россия XIX – первой трети XX веков).

4) *Расположение скрепы.* Скрепа «итак» занимает позицию скрепы-фразы в начале первого абзаца правого контекста.

5) *Поддержка связи контекстов.* Связь поддерживается словом «будет» в левом контексте, оно обозначает перспективу дальнейшего развёртывания.

Итак, нами были рассмотрены примеры употребления текстовых скреп с различными функциями. На основании проведённого анализа можно вывести некоторую общую модель описания. Эта модель, на наш взгляд, должна включать следующие элементы:

- 1) Структура левого и правого контекстов скрепы.
- 2) Содержание левого и правого контекстов.
- 3) Функционально-семантическая характеристика левого контекста.
- 4) Поддержка связи контекстов.
- 5) Расположение скрепы.

В то же время необходимо отметить, что специфика рассматриваемого объекта накладывает свои ограничения на универсальность предлагаемой методики. Эти ограничения проявляются во включении или исключении дополнительных параметров описания в зависимости от особенностей конкретного текста. Например, в некоторых случаях будет важен такой параметр, как связь продолжения с выводом или резюме (там, где сам вывод или резюме не завершают смысловый блок текста, а служат основой для дальнейшего смыслового развёртывания).

В процессе разработки нашей методики мы на примерах использования скреп «таким образом» и «итак» попытались выделить наиболее общие характеристики и закономерности использования рассматриваемых единиц. Это позволяет нам говорить о достаточно высокой степени её универсальности и возможности использования при анализе широкого круга текстовых скреп, выполняющих различные функции в тексте, а также в практике лексикографи-

ческого описания текстовых скреп как представителей класса служебных слов русского языка.

Областью применения данной методики являются служебные единицы русского языка, выполняющие релятивные функции в тексте. За пределом сферы её применения остались те употребления слова «итак», выполняющего сигнальную функцию, где формально присутствует только правый контекст, который содержательно никак не связан с левым. Используемое здесь слово-маркер, обладающее определёнными дискурсивными свойствами, требует принципиально иных подходов к анализу, разработка которых выходит за рамки данного исследования.

Особого внимания заслуживает лексикографическое описание текстовых скреп. Работа по описанию данных единиц проводится нами совместно с коллегами по кафедре русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета в рамках проекта по созданию второго тома «Словаря служебных слов русского языка». Для того, чтобы словарная статья, с одной стороны, вписалась в общую структуру будущего словаря, а с другой – максимально полно характеризовала в лексикографическом плане анализируемые нами единицы на основе предложенной А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой схемы анализа данных единиц [Стародумова, Прияткина 2015], были выбраны следующие параметры описания (в **Приложении 3** приведены словарные статьи для текстовых скреп «таким образом» и «итак»).

1) Вокабула – стандартный для большинства словарей параметр, не требующий дополнительных описаний.

2) Типы употребления. В данном разделе должны быть приведены функционально-семантические варианты употреблений текстовой скрепы (для текстовой скрепы «таким образом», например, это будут функция присоединения логического вывода-следствия и функция резюмирования с описанными нами выше более частными подтипами).

3) Омонимия – параметр, который будет актуален лишь для небольшого количества текстовых скреп (для «таким образом»,

например, это омонимичные употребления с наречным оборотом, имеющие соответствующие интонационные и пунктуационные отличия).

4) Морфологическая структура: учитываются морфологические характеристики текстовой скрепы и/или её составных элементов.

5) Значение. Один из наиболее сложных параметров описания для служебного слова.

6) Функционально-семантический тип. В данном разделе даётся подробная характеристика функционирования текстовой скрепы в различных видах контекстов с учётом семантических и функциональных особенностей, которые тесно связаны между собой.

8) Сфера действия: объём левого и правого контекста скрепы. Как уже говорилось ранее, этот объём может быть абсолютно любым даже у одной и той же текстовой скрепы при одних и тех же функциях и семантике.

9) Функционирование в рамках одного высказывания; типы конструкций.

10) Функционирование в качестве скрепы-фразы.

11) Интонация: интонационная организация высказывания, содержащего текстовую скрепу.

12) Пунктуация.

13) Библиографические сведения: сведения о данной текстовой скрепе, приводимые в других словарях.

Названные параметры, конечно, нельзя назвать абсолютно универсальными, применимыми к любым текстовым скрепам, т.к. функции, семантика и грамматические особенности данных единиц очень сильно варьируются.

В целом же описание текстовых скреп требует учёта самых разнообразных критериев. Необходимость такого подхода обусловлена, в первую очередь, сложностью структуры самого текста, разнообразием возникающих в нём связей (на основе лексического наполнения, синтаксического параллелизма, особенностей содержательной структуры и др.), особенностями функционирования конкретных скреп, т. е. тем, что называется уникальностью и неповторимостью текстов.

Заключение

Итак, функция для текстовых скреп является главным и фактически единственным дифференциальным признаком. Основой для формирования их функциональных различий становится варьирование плана содержания. Функция текстовой скрепы – это способ соединения частей текста, который определяется отношениями, возникающими между левым и правым контекстами скрепы. Именно через свою функцию скрепа проявляет себя как таковая и реализуется в качестве языковой единицы. Только на этом уровне можно определить её языковой статус. В свою очередь грамматические характеристики левого и правого контекстов – это, наряду с содержательной структурой, лишь средства формирования текстовых связей.

Как показал проведённый анализ, текстовая скрепа «таким образом» сформировалась на основе соответствующего лексикализованного наречного оборота (наиболее ранние найденные нами её употребления относятся ко второй половине XIX века), о чём свидетельствует наличие переходных случаев между этими двумя языковыми явлениями. Нами было установлено, что оборот «таким образом», став текстовой скрепой, приобрёл способность выполнять две основных функции: **функцию присоединения логического вывода-следствия**, которая для данной скрепы стала первичной (в этом случае «таким образом» отождествляется со словом «следовательно»), и **функцию резюмирования**, развившуюся на базе предыдущей, а также несколько более частных функциональных подтипов.

Было установлено, что отличительной особенностью текстов, в которых скрепа «таким образом» выполняет функцию присоединения логического вывода-следствия, является то, что информация из левого и правого контекстов скрепы в содержательном плане не повторяется, а «вытекает» из того, о чём говорилось ранее, и вывод всегда вносит некое новое, дополняющее, знание. Этим функция присоединения логического вывода-следствия у скрепы «таким образом» коренным

образом отличается от её другой функции – резюмирующей, которая является следующим этапом развития описываемой скрепы.

Выполняя резюмирующую функцию, текстовая скрепа «таким образом» разделяет или объединяет смысловые блоки, в соответствии с чем все её функциональные варианты можно разделить на ограничивающие и ограничивающе-дополняющие, в зависимости от характера резюме, и резюмирующе-развивающие (при наличии продолжения смыслового блока текста). Кроме того, наблюдаются существенные различия и в структуре самих резюме: с одной стороны, можно говорить о только повторяющих резюме, а с другой – о повторяюще-дополняющих, где повтор и новая информация могут располагаться вполне свободно вплоть до чередования. Что же касается самой резюмирующей функции скрепы «таким образом», то её отличительным признаком является наличие дословного или смыслового повтора в левом и правом контекстах скрепы.

Рассмотрев текстовую скрепу «таким образом» с семантической точки зрения, мы пришли к выводу о том, что данная скрепа обладает собственной лексической семантикой с инвариантным значением «о котором говорили», реализующимся исключительно в контексте. Эта реализация предполагает интеграцию в содержательную структуру фрагмента текста, содержащего определённое смысловое поле, и реализацию одной из двух возможных схем, при которых скрепа апеллирует либо к левому контексту и сознанию адресата в равной степени (когда он становится соучастником), либо только к левому контексту, не задействуя адресата-соучастника.

Слово «итак» появилось в языке довольно-таки давно (не позднее первой половины XIX века) и за свою историю приобрело весьма широкий круг возможностей, которые даже не ограничиваются только текстовыми (может участвовать в построении особых конструкций внутри осложнённого простого предложения). Используясь же в тексте, скрепа «итак» демонстрирует определённое сходство с описанной нами ранее скрепой «таким образом» в выполняемых текстовых функциях, а также в возможностях построения креолизованных текстов. Однако именно в плане текстовых функций наблюдаются и существенные

различия. Кроме того, нами был отмечен ряд случаев, где слово «итак» тяготеет к позиции скрепы-фразы, выделяясь в отдельное предложение или даже абзац.

Резюмирующая функция текстовой скрепы «итак» во многом проявляет сходства с аналогичной функцией скрепы «таким образом», которые заключаются в выделении трёх одинаковых функциональных подтипов обеих указанных скреп – ограничивающих, ограничивающе-дополняющих и резюмирующе-развивающих. Однако скрепа «итак» имеет и значительное отличие, относящееся к способности резюмировать не только текст, описывающий статическое состояние, факт действительности и т. д., но и показанную в динамике ситуацию.

Функциональные возможности текстовой скрепы «итак», связанные с построением конструкций логического следования в тексте, тождественны соответствующим возможностям скрепы «таким образом», однако используются они, судя по количеству примеров, значительно реже. Возможно, это связано с меньшей гибкостью скрепы «итак», например, относительно позиции в предложении (может употребляться только в абсолютном начале), и её семантическими особенностями. Отметим также, что в данной функции скрепа «итак» (как и в резюмирующей) проявляет себя как типичная текстовая скрепа. Принципиально иные возможности слово «итак» демонстрирует в функции, названной нами сигнальной.

Сигнальная функция среди рассматриваемых нами скреп «таким образом» и «итак» свойственна исключительно последней. Выполняя её, иногда «итак» проявляет тяготение к позиции скрепы-фразы, что, вероятнее всего, связано с желанием автора подчеркнуть этот сигнал, сделать наиболее заметным адресату. Последний же вывод относится к способности слова «итак» в данной функции присоединять фрагменты текстов, абсолютно не связанных с тем, о чём говорилось до появления этого слова (мы сознательно избегаем здесь термина левый контекст). Вполне очевидно, что в этом случае мы имеем дело уже не со скрепой, а со **словом-маркером**, т. к. любая текстовая скрепа предполагает наличие левого и правого контекстов, выразителем отношений между которыми она и является. Маркер не

связывает части текста, а даёт сигнал о начале информации, которая ранее не получала формального выражения в данном тексте. В соответствии с этим, применительно к слову «итак» мы предлагаем использовать термин **текстовый оператор**, который является более широким, чем термины «текстовая скрепа», «скрепа-фраза» и «маркер» и включает в себя последние как частные разновидности.

Помимо этого отдельные факты использования слова «итак» позволили нам сделать предположение о существовании устойчивой синтаксической конструкции на уровне предложения, которую мы условно назвали напоминающей, т. к. выглядит она следующим образом: «...повторяемый элемент – неконструктивная вставка – итак – повторяющий элемент...». Не вызывает сомнения, что детальное лингвистическое описание подобной конструкции представляет интерес, однако не входит в задачи данной работы, поэтому мы ограничились лишь краткой характеристикой.

При анализе семантики текстовой скрепы «итак» было установлено, что данная единица обладает собственным лексическим значением, которое имеет свой инвариант и варианты, реализующиеся в контекстах под их влиянием. Таким инвариантом выступает значение «то, на что нужно обратить внимание», полученное от слова «так». Вторым важным компонентом лексического значения «итак» является значение, связанное с выражением отношений следования в различных их проявлениях, которое было получено от союза «и». Именно этот компонент указывает на обязательность наличия левого и правого контекстов и совместно с первым компонентом формирует механизмы их соотнесения. Значение, связанное с выражением отношений следования и полученное словом «итак» от союза «и», ставшего его составной частью, не демонстрирует факультативности даже в тех контекстах, где формально выраженным является только правый контекст. Из этого можно заключить, что при реализации такого варианта наблюдается частичное «разрушение» функции текстовой скрепы слова «итак» и переход его в текстовый оператор с точки зрения формальной выраженности левого контекста, однако на семантическом уровне «итак» по-прежнему остаётся скрепой. Если сравнивать

инвариантное значение слова «итак» и его особенности с описанным нами ранее значением скрепы «таким образом», то здесь мы видим принципиальные различия, относящиеся, в первую очередь, к инварианту, хотя это не мешает двум названным единицам выполнять ряд одинаковых текстовых функций.

Кроме того, во время анализа семантики текстовых скреп «таким образом» и «итак», нам представилось возможным уточнить понятие семантической сферы действия скрепы. Так, с полной уверенностью можно сказать, что для рассматриваемых скреп семантическая сфера действия полностью тождественна его валентности. Эти два понятия в данном случае равнозначны. Валентность скрепы как лексической единицы реализуется именно на семантическом уровне, не затрагивая уровень грамматический.

Ещё один вывод носит общетеоретический характер и касается процедурного подхода к изучению семантики служебного слова. Как показал проведённый нами анализ, данный подход не должен исключать и так называемого декларативного подхода, т. к. все процедурные построения в конкретных высказываниях базируются на заложенном в слове «декларативном» значении, и без выявления последнего невозможно раскрыть суть происходящих процедурных преобразований.

В процессе рассмотрения текстовых скреп «таким образом» и «итак» была разработана общая методика их анализа. Эта методика предполагает учёт следующих критериев:

- 1) Структура левого и правого контекстов скрепы.
- 2) Содержание левого и правого контекстов скрепы.
- 3) Функционально-семантическая характеристика левого контекста.
- 4) Поддержка связи контекстов.
- 5) Расположение скрепы.

В то же время необходимо отметить, что специфика рассматриваемого объекта накладывает свои ограничения на универсальность предлагаемой методики. Эти ограничения проявляются во включении или исключении дополнительных параметров описания в зависимости от особенностей конкретного текста. Однако можно говорить и о

достаточно высокой степени её универсальности и возможности использования при анализе широкого круга текстовых скреп, выполняющих релятивные функции в тексте, а также в практике лексикографического описания таких скреп. За пределами её возможностей остались факты употребления слова «итак», где его функцию нельзя охарактеризовать как функцию текстовой скрепы. Разработка методов описания этих явлений требует принципиально иных подходов и выходит за рамки настоящего исследования, намечая перспективы дальнейшего изучения указанных фактов языка.

В целом же описание текстовых скреп действительно требует учёта большого количества критериев. Необходимость такого подхода обусловлена в первую очередь сложностью структуры самого текста, разнообразием возникающих в нём связей (на основе лексического наполнения, синтаксического параллелизма, особенностей содержательной структуры и др.), особенностями функционирования конкретных скреп, т. е. тем, что называется уникальностью и неповторимостью текстов.

В завершении необходимо назвать те аспекты рассмотренных нами языковых явлений, которые остались за пределами настоящего исследования. Так, дальнейшего изучения требует способность слова «итак» функционировать на уровне предложения, участвуя в построении особого рода синтаксической конструкции. Более детально нужно исследовать и «сигнальные» возможности этого слова (особенно его дискурсивную функцию). Отдельного внимания заслуживает употребление слова «итак» в художественных текстах, где его широкие функциональные возможности получают весьма нетипичную реализацию (заметим, что и функционирование «итак» на уровне предложения наблюдается именно в художественных текстах). Кроме того, в работу не вошло подробное освещение случаев употребления скрепы «таким образом» в сочетании с союзами, что нередко встречается в текстах. Дальнейшей разработки требует и предложенная нами методика описания текстовых скреп, её универсализация путём применения к анализу других скреп, что также позволит выявить особенности и свойства самих описываемых единиц.

Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М.: Русский язык, 1975. – 600 с.
2. Алимуратов, О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О. А. Алимуратов – Ставрополь, 2004. – 544 с.
3. Андрющенко, В. М. Автоматизированные лексикографические системы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. – М.: Наука, 1981. – С. 71–88.
4. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие / Е. Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
5. Анисимова, Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74–83.
6. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 71–78.
7. Астахина, Л. Ю. Словарь русского языка XI–XVII веков / Л. Ю. Астахина, Т. А. Боброва, Г. В. Востокова. Вып. 12. О-опарный² – М.: Наука, 1987. – 387 с.
8. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
9. Бабайцева, В. В. Современный русский язык: В 3 ч. Ч.3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
10. Балабин, В. В. Дискурсивная деятельность и её аспекты // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2008. – № 2. – С. 101–104.
11. Балабин, В.В. Категории интертекста и метатекста в субъективно-объективном рассмотрении // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2008. – № 2. – С. 91–95.

12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Эдитриал УРСС, 2001. – 416 с.
13. Баранов, А. Н. Процедурный метаязык в лингвистической семантике / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1990. – С. 16–30.
14. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. В. Кодзасов. – М.: Москва: Помовский и партнёры, 1993. – 158 с.
15. Бахтин, М. М. Проблемы творчества, поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Киев: «NEXТ», 1994. – 510 с.
16. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
17. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 532–771.
18. Бокарева, Ю. М. Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ю. М. Бокарева. – СПб., 1999. – 25 с.
19. Бондарко, А. В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос (К 100-летию со дня рождения В. М. Жирмунского): сб. науч. тр. – СПб.: Наука, 2001. – С. 34–40.
20. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2006. – 238 с.
21. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
22. Вайнрих, Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 370–387.
23. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
24. Ван Дейк, Т. А. [Электронный ресурс]: Из книги: Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. – Пер.

А.Дерябина. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

25. Ван Дейк, Т. А. Язык. Понимание. Коммуникация. / Т. А. ван Дейк – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

26. Вежбицка, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–425.

27. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – 378 с.

28. Виноград, Т. К процессуальному пониманию семантики // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – Сб. ст. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 42–89.

29. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.

30. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 4-е. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

31. Воробьева, О. П. Текстовые категории и фактор адресата / О. П. Воробьева. – Киев: «Вища школа», 1993. – 200 с.

32. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

33. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 78–96.

34. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

35. Гаузенблаз, К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57–78.

36. Греймас, А. Ж. Структурная семантика. Пер. Л. Зиминой / А. Ж. Греймас. – М.: Академический проект, 2004. – 368 с.

37. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. – М.: Метатекст, 1998. – 448 с.
38. Дмитриева, Т. П. Семантическая структура предложения (денотативный аспект): учеб. пособие / Т. П. Дмитриева, А. Б. Оболенец. – Ставрополь: СГУ, 1998. – 106 с.
39. Дресслер, В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 111–137.
40. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология. – Т. М. Дридзе. – М.: Высшая Школа, 1980. – 224 с.
41. Дымарский, М. Я. Проблемы русского текстообразования: Сверхфразовый уровень организации художественного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Я. Дымарский. – СПб., 1999. – 44 с.
42. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст / М. Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
43. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Том 1: А–О. – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
44. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Том 2: П–Я. – М.: Русский язык, 2001. – 1088 с.
45. Залевская, А. А. Проблемы понимания текста / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С. 461–466.
46. Земская, Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова и др. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 132 с.
47. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. Н. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2004. – 544 с.
48. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

49. Зотов, Ю. П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство (на материале английских текстов) // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 85 с.
50. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
51. Ильенко, С. Г. Синтаксические единицы в тексте / С. Г. Ильенко. – Л.: ЛГПИ. – 1989. – 82 с.
52. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
53. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
54. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, Эдиториал УРСС, 2010. – 264 с.
55. Касевич, В. Б. Элементы общей лингвистики / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1977. – 183 с.
56. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – Сб. обзоров. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 455 с.
57. Киселёва, К. Л. Дискурсивные слова русского языка: контекстные варьирование в семантическое единство / К. Л. Киселёва, Д. Пайар. – М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.
58. Копытов, О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Копытов. – Владивосток, 2003. – 28 с.
59. Копытов, О. Н. Модус и текст (к проблеме описания модуса текста) / О. Н. Копытов. – Хабаровск: РИО Хаб. гос. ин-та искусств и культуры, 2011. – 100 с.
60. Кох, В. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149–171.
61. Краткая русская грамматика. – М.: Наука, 1989. – 640 с.

62. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001. – С. 25–34.

63. Кручинина, И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

64. Кубрякова, Е. С. Дискурс: Определение и направления в его исследовании / Е. С. Кубрякова // Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 519–531.

65. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: в 2 т. Т. 1. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – С. 72–81.

66. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 116 с.

67. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

68. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

69. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

70. Леоненко, М. А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста // Синтаксис текста. Под ред. Г. А. Золотовой. – М.: Наука, 1979. С. 197–203.

71. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

72. Лихачёв, Д. С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.) / Д. С. Лихачёв. – М.: Алетейя, 2001. – 759 с.

73. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996. – 846 с.

74. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.

75. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 14–285.
76. Лузина, Л. Г. Виды информации в дискурсе / Л. Г. Лузина // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 137–152.
77. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
78. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 230 с.
79. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
80. Милевская, Т. В. Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. – 200. – С. 88–91.
81. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков, А. И. Фёдоров. – М. Русский язык, 1978. – 543 с.
82. Морковкин, В. В. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др. – М.: Астрель, АСТ, 2002. – 432 с.
83. Морковкин, В. В. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др. – М.: Лазурь, 1997. – 420 с.
84. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. [сборник переводов]; под ред. Степанова Ю. С. – М.: Радуга, 1982.
85. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1991. – 245 с.
86. Мустайоки, А. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению / А. Мустайоки, М. Копотев // Вопросы языкознания. – № 3. – 2004. – С. 88–107.

87. Немец, Г. П. Паралингвистика и экстралингвистика // Семантика метаязыковых субстанций. Москва Краснодар, 1999.
88. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
89. Новиков, А. И. Семантика текста и её формализация / А. И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
90. Норман, Ю. Б. Грамматика говорящего / Ю. Б. Норман. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 228 с.
91. Панов, М. В. О частях речи в русском языке // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 3–14.
92. Паршина, О. Н. Дискурсивы в политическом тексте // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материала. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 288.
93. Пермякова, Т. Н. Союзная скрепа «коль скоро» в современном русском языке: семантико-прагматический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Пермякова. – Новосибирск, 2011. – 21 с.
94. Перфильева, Н. П. Лабораторные и контрольные работы по синтаксису современного русского языка / Н. П. Перфильева, Т. И. Стеклова. – изд. 2-е, испр. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – 72 с.
95. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.
96. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 510 с.
97. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
98. Прияткина, А. Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. – 2015. – №2. – С. 134–141.
99. Прияткина, А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) //

А. Ф. Прияткина. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 334–344.

100. Рогожникова, Р. П. Словарь эквивалентов слова / Р. П. Рогожникова. – М.: Русский язык, 2003. – 254 с.

101. Русская грамматика: в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

102. Рябцева, Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82–92.

103. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 221–237.

104. Сергеева, А. Г. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ «в заключение», «в завершение», «в довершение»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Сергеева. – Владивосток, 2007. – 21 с.

105. Серебрянская, Н. А. Статус дейктических проекций в художественном тексте // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 1. – С. 24–27.

106. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Г. Н. Сергеева, Е. А. Стародумова, Г. Д. Зайцева. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – 363 с.

107. Солганик, Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII–XIII. – М.: Наука, 1984. – С. 174–186.

108. Сологуб, О. П. Текстовые нормы в деловой письменной коммуникации (на материале исковых заявлений) // Функциональный анализ значимых единиц языка: Межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. С.П. Петрунина. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – Вып. 2. – С. 157–162.

109. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. – 292 с.

110. Стеблин-Каменский, М. И. К вопросу о частях речи / М. И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – С. 19–34.

111. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 248 с.

112. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

113. Сусов, И. П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы // Прагматика этноспецифического дискурса. – Бэлць: Изд-во Бэлцк. гос. пед. ун-та им. А. Руссо, 1990. – С. 2–5.

114. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: языки русской культуры, 1996. – 288 с.

115. Темиракаева, Н.Ю. Курсив как средство шрифтовой акциденции в «мужских» и «женских» текстах // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2008. – № 3. – С. 7–10.

116. Тихонов, А. Н. Комплексный словарь русского языка / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов и др. – М.: Русский язык, 2001. – 1229 с.

117. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г. К. Косикова // Семиотика: антология. – М.: Радуга, 1983. – С. 355–369.

118. Томашевский, Б. В. Стих и язык / Б. В. Томашевский. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 472 с.

119. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.

120. Тюрин, П. М. Семантический аспект описания скрепы «таким образом» // М. В. Ломоносов и актуальные проблемы современной филологии : сб. науч. тр. по материалам межвуз. науч.

конф., приуроч. к 300-летию со дня рожд. М. В. Ломоносова (Хабаровск, 12 декабря 2011 г.) / под ред. д-ра филол. наук В. Т. Садченко. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2011а. – С. 99–105.

121. Тюрин, П. М. Текстовая скрепа «итак» и её функционирование // Мир русского слова. – 2011б. – №3. – С. 30–33.

122. Тюрин, П. М. Текстовые функции скрепы «таким образом» // Виноградовские чтения 2010: Материалы всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2010. – С. 146–149.

123. Тюрин, П. М. К вопросу о категориальном статусе текстовых скреп // Вестник ПГЛУ. – 2011. – №3. – С. 173–176.

124. Фалилеев, А. Е. Политический текст как феномен культуры: лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / А. Е. Фалилеев. – Саранск, 2009. – 143 с.

125. Фигуровская, Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных отношений) / Г. Д. Фигуровская. – М.: Прометей, 1996. – 204 с.

126. Филимонов, О. И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. И. Филимонов. – Ставрополь: 2003. – 191 с.

127. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.

128. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск, 1987. – 205 с.

129. Черкасова, Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

130. Чернышёва, А. Ю. Проблемы функционирования частиц в сложном предложении: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А. Ю. Чернышова. – Казань, 1997. – 309 с.

131. Чувакин, А. А. Основы филологии: учеб. пособие / А. А. Чувакин. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
132. Шаймиев, В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. Русско-американский журнал по русской филологии. – № 4. Санкт-Петербург (Россия) Лоуренс (США) Дэрел (США), 1996. – С. 80 – 92.
133. Шаймиев В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или перечитывая А. Вежбицку (на материале лингвистических текстов) // Русистика; Лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 68–76.
134. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
135. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
136. Шишмарёва, Л. Г. Межфразовая функция скрепы «так» // Дни славянской письменности и культуры. Материалы и тезисы докл. научно-практической конференции. 29–30 мая 1997 г. – Владивосток, 1997.
137. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1987. – 53 с.
138. Шмидт, З. Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. – С. 89–110.
139. Шнырик, Е. А. Роль служебных лексикализованных словоформ в организации текста (на примере слов-гибридов «в результате», «в итоге»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Шнырик. – Владивосток, 2009. – 26 с.
140. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
141. Якобсон, Р. О. Речевая коммуникация // Избранные работы. – М.: Радуга, 1985. – С. 306 – 318.

142. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.

143. Яковлева, Е. С. Согласование модальных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1988. – С. 278–302.

144. Lyons, J. Linguistic Semantics / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 376 p.

Список использованного материала

Научные тексты

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

2. Дружинин, В. И. Онтология психической реальности // Проблема субъекта в психологической науке: кол. моногр. – М.: Академический проект, 2000. – С. 64–75.

3. Закирьянов, К. З. Эквивалентность лексических единиц в русском и башкирском языках // Сборник научных трудов / под общ. ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андрамоновой. – Казань, 2003. – С. 76–82.

4. Златоустова, Л. В. Внутриязыковая и межъязыковая интерференция // Сборник научных трудов / под общ. ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андрамоновой. – Казань, 2003. – С. 5–10.

5. Корнилов, Ю. К. Проблемы психологии практического интеллекта // Проблема субъекта в психологической науке: кол. моногр. – М.: Академический проект, 2000. – С. 150–164.

6. Короленко, В. Г. Трагедия великого юмориста // Н. В. Гоголь. Соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 6. – С. 260–310.

7. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

8. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.

9. Погодин, М. П. Об употреблении наречий уже и еще // Сочинения въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества Любителей

Россійской словесности при Импраторскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть шестая. – М., 1826. – С. 169–182.

10. Поликарпов, В. А. Психотерапия с позиций теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна бытия // Проблема субъекта в психологической науке: кол. моногр. – М.: Академический проект, 2000. – С. 276 – 297.

11. Тихомиров, О. К. Психологические исследования творческой деятельности / О. К. Тихомирв. – М.: Наука, 1975. – 364 с.

12. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 264 с.

13. Цыбулько, И. П. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий с развёрнутым ответом. Русский язык / И. П. Цыбулько, В. Н. Александров, Ю. Н. Гостева. – М.: ФИПИ, 2008. – 161 с.

Научно-популярные тексты

14. Андреев, О. А. Техника тренировки памяти / О. А. Андреев, Л. Н. Хромов. – М.: Несси-пресс, 2004. – 116 с.

15. Василева, Е. Е. Секреты запоминания чисел / Е. Е. Васильева, В. Ю. Васильев. – М.: АСТ, 2004. – 219 с.

16. Василева, Е. Е. Суперпамять или как запомнить, чтобы вспомнить / Е. Е. Васильева, В. Ю. Васильев. – М.: Хранитель, АСТ, Астрель, 2007. – 480 с.

17. Дмитриев, И. С. Электрон глазами химика / И. С. Дмитриев. – Л.: Химия, 1983. – 232 с.

18. Квашин, В. Г. Жизнь за счёт ресурсов моря. Одна из древнейших линий культурной эволюции человечества / В. Г. Квашин. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 64 с.

19. Лосев, К. С. Вода / К. С. Лосев. – Л.: Гидрометеиздат, 1989. – 272 с.

20. Синюков, В. А. Вода известная и неизвестная / В. В. Синюков. – М.: Знание, 1987. – 176 с.

Художественные тексты

21. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Ночь перед рождеством // Соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 1. – С. 153–197.

22. Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшего // Соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 3. – С. 164–184.

23. Гоголь, Н. В. Мёртвые души // Соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 5. – 320 с.

24. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба // Миргород // Соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 2. – С. 29–146.

25. Кабаков, А. А. Из жизни мёртвых // А. А. Кабаков. Маршрутка: рассказы. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 217–222.

26. Кабаков, А. А. Кот // А. А. Кабаков. Маршрутка: рассказы. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 263–276.

27. Кабаков, А. А. Странник // А. А. Кабаков. Маршрутка: рассказы. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 74–80.

28. Куприн, А. И. Суламифь / А. И. Куприн // Повести рассказы (Классики и современники). – М.: Художественная литература, 1986. – С. 244–294.

Публицистические тексты

29. Дятликович, В. Дискуссия. Птица-стройка // Русский репортёр. – 2010. – 11–18 февраля. – №5 (133). – С. 1.

30. Когда мужского гормона много... // Здоровье. – 2004. – Июль. – С. 45.

31. Коршунова, Н. Натрий, калий и маленькое море // Здоровье. – 2003. – Май. – №8. – С. 44–45.

32. Разумная медицина // Русский Newsweek. – 2009. – №26. С. 7.

Приложение 1. Иллюстрации различных функций текстовых скреп «таким образом» и «итак»

Текстовая скрепа «таким образом» с функцией присоединения логического вывода-следствия

Живые языки всегда являют собой процесс, развитие. И это одна из причин серьёзных разногласий учёных по поводу принадлежности ряда языков к той или иной языковой системе. До сих пор не смолкают споры о принадлежности японского языка к алтайской или австронезийской системе. Очевидно, что алтайская система, взаимодействуя с австронезийским субстратом, в значительной степени превалировала над австронезийскими чертами языка, это отмечается на всех уровнях его организации. **Таким образом**, скорее всего, японский язык следует отнести к языкам алтайским. Заимствования же из китайского языка не привели к поглощению их японским, т.е. не произошло их полного слияния, как это было с австронезийским субстратом. Заимствования из китайского языка составляют особую подсистему, различаемую носителями языка (Л. В. Златоустова. Внутриязыковая и межъязыковая интерференция).

Слово служит средством взаимного понимания людей. При образовании понятий именно это обстоятельство играет решающую роль; при необходимости установить взаимопонимание определённый звуковой комплекс приобретает определённое значение: он становится, **таким образом**, словом или понятием. Без этого функционального момента взаимного понимания никакой звуковой комплекс не мог бы стать носителем какого-либо значения, и не могло бы возникнуть никакое понятие (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

Нам остаётся ещё сказать, что исследование реальных понятий привело к нахождению и последнего звена всей цепи интересующих нас отношений перехода от одной ступени к другой. Мы сказали выше о связи между комплексами и синкретами при переходе к дошкольному возрасту от раннего детства, и о связи предпонятий с

понятиями при переходе от школьника к подростку. Настоящее исследование научных и житейских понятий обнаруживает недостающее среднее звено. Оно, как увидим ниже, позволяет выяснить ту же самую зависимость при переходе от общих представлений дошкольника к предпонятиям школьника. **Таким образом**, оказывается полностью решённым вопрос о связях и переходах между отдельными ступенями развития понятия, т.е. о самодвижении развивающихся понятий, – вопрос, который мы не смогли разрешить в первом исследовании (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

Мы можем подвести итоги нашему несколько затянувшемуся рассмотрению концепции детского эгоцентризма в теории Пиаже.

Мы старались показать, что, рассматривая эту концепцию с точки зрения филогенетического и онтогенетического развития, мы неизбежно приходим к выводу относительно того, что в самой основе её лежит превратное представление относительно генетической полярности артистического и реалистического мышления. В частности, мы старались развить ту мысль, что с точки зрения биологической эволюции является несостоятельным допущение, будто аутистическая форма мышления является первичной, изначальной в истории психологического развития.

Далее мы пытались рассмотреть фактические основы, на которых покоится эта концепция, т.е. учение об эгоцентрической речи, в которой автор видит прямое проявление и обнаружение детского эгоцентризма. Мы снова должны были прийти к выводу, на основании анализа развития детской речи, что представление об эгоцентрической речи как о прямом обнаружении эгоцентризма детского мышления не встречает фактически подтверждения ни с функциональной, ни со структурной стороны.

Мы видели далее, что связь между эгоцентризмом мышления и речью для себя отнюдь не оказывается постоянной и необходимой величиной, определяющей характер детской речи.

Наконец, мы стремились показать, что эгоцентрическая речь ребёнка не является побочным продуктом его активности, как бы

внешним проявлением его внутреннего эгоцентризма, который изживается ребёнком к 7–8 годам. Напротив: эгоцентрическая речь предстала перед нами в свете приведённых выше данных как переходная ступень в развитии речи от внешней к внутренней.

Таким образом, и фактическое основание интересующей нас концепции оказывается поколебленным, а вместе с ним падает и вся концепция в целом (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

Нам остаётся сказать относительно генетического значения этой завершительной ступени в развитии детского мышления. Совершенно понятно, что в силу той двойственной функциональной природы псевдопонятия, которая описана нами выше, эта ступень в развитии детского мышления приобретает совершенно исключительное генетическое значение.

Она служит соединительным звеном между комплексным мышлением и мышлением в понятиях. Она соединяет эти обе большие ступени в развитии детского мышления. Она раскрывает перед нами процесс становления детских понятий. В силу заложенного в ней противоречия она, будучи комплексом, уже содержит в себе зерно будущего понятия, которое прорастает в ней. Речевое общение со взрослыми становится, **таким образом**, мощным двигателем, могучим фактором развития детских понятий. Переход от комплексного мышления к мышлению в понятиях совершается для ребёнка незаметно, потому что практически он совпадает в своих псевдопонятиях с понятиями взрослых (Л. С. Выготский. Мышление и речь). (Здесь вывод-следствие опирается на удалённый контекст, отсылка к которому содержится в словах «которая описана нами выше»: именно там говорится о том, что речевое общение – это начальное звено формирования понятий; непосредственно примыкающий же предтекст является своего рода неполым).

Текстовая скрепа «таким образом» с резюмирующей функцией

Ограничивающая скрепа «таким образом»

При обжиге металлов теряется флогистон и образуется окалина:
металл + флогистон = металлическая окалина.

Восстановление окалины углём до металла можно выразить уравнением: металлическая окалина + флогистон = металл.

В этих соотношениях суть теории Штала. **Таким образом**, реакция окисления связана с потерей флогистона, восстановление – с его приобретением (В. А. Синюков. Вода известная и неизвестная).

Но число вод может существенно возрасти, если подтвердится сообщение о наличии двух сверхтяжёлых водородов 4 и 5 тогда различных вод будет уже 120. **Таким образом**, открытие каких-либо новых изотопов водорода и кислорода будет резко повышать число теоретически возможных вод (В. А. Синюков. Вода известная и неизвестная).

Из сопоставления промежуточных и окончательного планов вытекает следующий весьма немаловажный факт. Действие замысла попытки ограничивается лишь пределами промежуточных планов и не распространяется на окончательный. Действительно, как было показано ранее, замысел выступает в качестве общей схемы деятельности, осуществляющейся в попытке. В ходе формирования попытки эта схема конкретизируется и выражается в конкретном перечне действий, который прежде всего направлен на достижение промежуточной цели. При этом, судя по экспериментальным данным, от попытки к попытке происходит сокращение числа собственно исследовательских действий, непосредственно определяемых, как мы видим, замыслом: если во второй попытке было сформировано десять, в третьей – шесть действий (причём одно из них ранее рассматривалось испытуемым во второй попытке), то в четвертой, где было найдено решение задачи, – только четыре, из которых два использовались как готовые.

Сокращение числа исследовательских действий говорит, по-видимому, о том, что конкретизация замысла или наполнение его

конкретным содержанием происходит не только в пределах отдельной попытки, но и по мере приближения субъекта к моменту нахождения решения задачи. И как только решение находится, необходимость в формировании замысла на стадии доказательства найденного решения отпадает, поскольку регуляции деятельности здесь осуществляются конечной целью. На данной стадии при неизменности первого действия субъектом производится прогнозирование за противника и рассматриваются действия, реализующие конечную цель. (Эти действия оказываются жестко связанными.) При этом прогнозирование осуществляется в высшей степени систематично, т. е. рассматриваются все возможные действия за противника (в данной задаче их пять), ибо в случае нерассмотрения даже одного действия у испытуемого нет уверенности в правильности найденного решения.

Подобное построение деятельности, вероятно, делает излишним избирательное формирование действий. А в этом и заключается одна из основных функций замысла попытки. **Таким образом**, замысел попытки решения задачи является необходимым образованием лишь для промежуточных планов.

Рассматривая план как систему целей, необходимо отметить, что процесс планирования действий есть не что иное, как ответы на возможные действия противника. Действительно, промежуточные цели формируются, исходя из прогнозирования действий противника. Содержанием целей предвосхищаются эти действия (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности).

Ограничивающе-дополняющая скрепа «таким образом».

Как показал анализ историй решения задач, эмоциональной окраской сопровождались только объективно верные действия или действия, имеющие «косвенно» объективно верное значение, т. е. действия, являющиеся носителями объективно верного принципа. Следовательно, можно утверждать, что эмоции, выступая как бы против словесно формулируемых результатов отдельных интеллектуальных процессов, выполняли положительную функцию коррекции поисковой деятельности испытуемых на объективно верные действия.

Так, например, испытуемый М. Н. при решении первого этюда, несмотря на отрицательные исходы 3-й, 4-й и 5-й попыток, эмоционально закрепляет их начальное объективно значимое действие (рис. 5), т. е. можно считать, что испытуемый всё больше утверждает в эмоциональной оценке его правильности, несмотря на логическое доказательство неправильности попыток. **Таким образом,** в данном случае эмоциональные оценки и выполняют функцию «наведения» на объективно верные действия, выступая против словесно формулируемых результатов отдельных интеллектуальных операций. Что касается испытуемого Ф. В., то он, в отличие от испытуемого М. Н., после совершения объективно верного начального действия отказывается от него в результате отрицательного исхода 9-й попытки (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности).

Мы попытались, идя генетическим путём, во-первых, расчленив запутанный клубок отдельных явлений, характеризующих природу внутренней речи, и, во-вторых, найти ему причины и объяснения. Основываясь на явлениях короткого замыкания, наблюдающегося при приобретении навыков, Уотсон полагает, что то же самое происходит несомненно и при беззвучном говоре или мышлении. Даже если бы мы могли развернуть все скрытые процессы и записать их на чувствительной пластине или на цилиндре фонографа, всё же в них имелось бы так много сокращений, коротких замыканий и экономии, что они были бы неузнаваемы, если только не проследить их образования от исходной точки, где они совершенны и социальны по характеру, до их конечной стадии, где они будут служить для индивидуальных, но не для социальных приспособлений. Внутренняя речь, **таким образом,** даже если мы могли бы записать её на фонографе, оказалась бы сокращённой, отрывочной, бессвязной, неузнаваемой и непонятной по сравнению с внешней речью (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

Исходными для анализа формирования внутренней речи и той роли, которую она играет в поведении ребёнка, послужили известные

наблюдения Л. С. Выготского над поведением ребёнка 3–5 лет в ситуации, когда он встречается с затруднениями при выполнении какого-нибудь задания. Ребёнку, например, нужно свести рисунок через наложенную на него папиросную бумагу или обвести его цветным карандашом. Если выполнение этой задачи встречало препятствие (например, экспериментатор незаметно удалял кнопку, которой была приколата калька к сводимому ребёнком рисунку) и перед ребёнком, следовательно, возникало затруднение, он начинал говорить. Эта речь ребёнка, казалось бы, не была обращена к посторонним людям. Он говорил даже тогда, когда в комнате никого не было. Иногда ребёнок обращался к экспериментатору с просьбой помочь ему, иногда он как бы описывал возникшую ситуацию, спрашивая себя, как ему выполнить эту задачу. Типичными для ребёнка в этой ситуации были такие высказывания: «Что же делать? Вот бумага скользит, а ведь кнопочки-то нет, что же делать, как мне её прикрепить?» и т. д.

Таким образом, речь ребёнка сначала описывала затруднения, а затем планировала возможный выход из них. Иногда ребёнок начинал фантазировать, сталкиваясь с подобной задачей, и пытался разрешить её в речевом плане (А. Р. Лурия. Язык и сознание).

Резюмирующе-развивающая скрепа «таким образом»

Несколько иной позиции придерживается доктор химических наук Ю. И. Наберухин. В работе «Структурные модели жидкости» (1981) он говорит о целесообразности выделения понятия «структурный ансамбль» и считает, что каждому виду усреднённой структуры должен соответствовать свой ансамбль, представляющий собой совокупность частиц в пространстве с заданными координатами.

По его мнению, в жидкости, как и в твёрдом теле, существуют два типа структурных ансамблей. Мгновенный ансамбль характеризуется совокупностью мгновенных положений частиц, т. е. I-ансамбль. Другой тип структуры V-ансамбль – совокупность локальных положений равновесия или центров межмолекулярных колебаний.

I-ансамбль практически не отличается от I-структуры, а вот V-ансамбль имеет несколько иную структуру сравнению с V-структурой,

т. е. по сравнению с распределением частиц, полученных в результате усредненных колебаний.

Таким образом, идеи Ю. И. Наберухина о существовании двух типов структур в жидкости соответствуют конкретным представлениям о двух типах теплового движения частиц в жидкой фазе. Первая из структур I-ансамбль обусловлена мгновенными конфигурациями частиц в жидкости за время, значительно меньшее периода колебаний $\tau_0 = 10-13$. То есть, грубо говоря, это фотография положения частиц в какой-то момент времени. Вторая структура V-ансамбль – это как бы снимок усреднённых локальных положений равновесий или центров межмолекулярных колебаний за время, большее периода межмолекулярных колебаний τ_0 . [Далее автор продолжает рассказывать о развитии вышеизложенных концепций]. (В. А. Синюков. Вода известная и неизвестная).

Как известно, исследования Келера вызвали много критических возражений; литература этого вопроса уже сейчас чрезвычайно разрослась как по количеству критических работ, так и по разнообразию тех теоретических воззрений и принципиальных точек зрения, которые представлены в них. Между психологами различных направлений и школ нет единодушия по вопросу о том, какое теоретическое объяснение следует дать сообщённым Келером фактам.

Сам Келер ограничивает свою задачу. Он не развивает никакой теории интеллектуального поведения, ограничиваясь анализом фактических наблюдений и касаясь теоретических объяснений лишь постольку, поскольку это вызывается необходимостью показать специфическое своеобразие интеллектуальных реакций по сравнению с реакциями, возникающими путём случайных проб и ошибок, отбора удачных случаев и механического объединения отдельных движений.

Отвергая теорию случайности при объяснении происхождения интеллектуальных реакций шимпанзе, Келер ограничивается этой чисто отрицательной теоретической позицией. Столь же решительно, но опять чисто негативным образом Келер отмежёвывается от идеалистических биологических концепций Гартмана с его учением о бессознательном,

Бергсона с его концепцией «жизненного порыва», неовиталистов и психовиталистов с их признанием «целестремительных сил» в живой материи. Все эти теории, открыто или скрыто прибегающие для объяснения к сверхчувственным агентам или к прямому чуду, лежат для него по ту сторону научного знания. «Я должен подчеркнуть со всей настойчивостью, – говорит он, – что вовсе не существует альтернативы: случайность или сверхчувственные агенты».

Таким образом, ни в среде психологов различных направлений, ни даже у самого автора мы не находим сколько-нибудь законченной и научно убедительной теории интеллекта. Напротив, и последовательные сторонники биологической психологии (Торндайк, Вагнер, Боровский), и психологи-субъективисты (Бюлер, Линдворский, Иенш) каждый со своей точки зрения оспаривают основное положение Келера о несводимости интеллекта шимпанзе к хорошо изученному методу проб и ошибок, с одной стороны, и о родственности интеллекта шимпанзе и человека, о человекоподобности мышления антропоидов – с другой. <...> (Л. С. Выготский. Мышление и речь).

Анализ ментальных структур позволяет выделить три уровня (или слоя) опыта, каждый из которых имеет своё назначение.

1) Когнитивный опыт – это ментальные структуры, которые обеспечивают хранение, упорядочение и преобразование наличной и поступающей информации, способствуя тем самым воспроизведению в психике познающего субъекта устойчивых, закономерных аспектов его окружения. Их основное назначение – оперативная переработка текущей информации об актуальном воздействии на разных уровнях познавательного отражения.

2) Метакогнитивный опыт – это ментальные структуры, позволяющие осуществлять произвольную и непроизвольную регуляцию интеллектуальной деятельности. Их основное назначение – контроль за состоянием индивидуальных интеллектуальных ресурсов, а также за процессами переработки информации.

3) Интенциональный опыт – это ментальные структуры, которые лежат в основе индивидуальных интеллектуальных склонностей.

Их основное назначение – формирование субъективных критериев выбора относительно определённой предметной области, направления поиска решения, источников информации и способов её переработки и т.д.

В свою очередь особенности организации когнитивного, метакогнитивного и интенционального опыта определяют свойства индивидуального интеллекта (то есть конкретные проявления интеллектуальной деятельности в виде тех или иных интеллектуальных способностей, характеризующих продуктивность и индивидуальное своеобразие интеллектуальной деятельности субъекта).

Таким образом, можно говорить о существовании некоторой иерархии ментальных структур – на уровне когнитивного, метакогнитивного и интенционального опыта. В зависимости от особенностей состава и строения этих форм опыта мы можем наблюдать и измерять конвергентные способности (решение нормативных задач в регламентированных ситуациях), дивергентные способности (порождение новых идей на основе нестандартных способов деятельности), обучаемость (способность к усвоению новых знаний и навыков) и познавательные стили (способность к индивидуально-специфическим формам познавательного отражения).

Соответственно к оценке индивидуального интеллекта следует подходить, одновременно принимая во внимание четыре аспекта его работы (с учётом четырех горизонтальных уровней представленной модели):

- как человек перерабатывает поступающую информацию (I уровень),
- может ли он контролировать работу своего интеллекта (II уровень),
- почему именно так и именно об этом он думает (III уровень),
- как он использует свой интеллект (IV уровень).

Психологическая характеристика особенностей организации каждого из трех слоев ментального опыта представлена в следующих

разделах этой главы (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования).

Текстовая скрепа «итак» с резюмирующей функцией

Ограничивающая скрепа «итак».

Установка: “Запомнить!”

Мы столько проделали важных и нужных действий для того, чтобы “настроиться” на материал и качественно его запомнить, что этот пункт кажется лишним и ненужным. Но это не так. Многие из нас, наверняка, попадали в разные неприятные ситуации, потому что не могли запомнить какую-то часто повторяющуюся информацию. А почему? Да потому что не ставили перед собой такой цели – запомнить!

Интересный пример приводит А. А. Смирнов. Этот случай произошел с югославским психологом П. Радосавлевичем. Он проводил эксперимент с человеком, который плохо понимал язык, на котором проводился эксперимент. Суть данного эксперимента состояла в заучивании бессмысленных слогов. Обычно, чтобы их запомнить, требовалось несколько повторений. В этот же раз испытуемый читал их 20, 30, 40 и, наконец, 46 раз, но не давал экспериментатору сигнал, что их запомнил. Когда же психолог попросил повторить прочитанный ряд наизусть, удивленный испытуемый, не понявший из-за недостаточного знания языка цели эксперимента, воскликнул: “Как? Так я должен его заучивать наизусть?” После чего он ещё шесть раз прочитал указанный ему ряд слогов и безошибочно повторил их.

Следовательно, для того чтобы запомнить как можно лучше, надо обязательно ставить цель – не только воспринять материал, но и действительно его запомнить.

Установка запомнить! – это самоприказ, команда самому себе на запоминание, говорящая о сознательном участии в процессе запоминания (произвольном запоминании). Эта установка лучше “сработает” в том случае, если вы пообещаете себе после запоминания пересказать материал.

Как показали эксперименты П.И. Зинченко, А.А. Смирнова и других психологов, установка на запоминание, делающая запоминание прямой целью действий человека не является эффективной, гораздо качественнее будет произвольное запоминание. Это значит, что лучше запоминается материал, когда не ставится задача его запомнить (нет установки запомнить), а деятельность, ведущая к запоминанию, направлена на достижение каких-либо других целей. Например, когда мы решаем математическую задачу, мы вовсе не ставим перед собой цель запомнить те числовые данные, которые имеются в задаче. Наша цель – решить задачу, а не запомнить имеющиеся в ней числа, и, тем не менее, мы запоминаем их, хотя бы ненадолго.

Психологи А.А. Смирнов и П.И. Зинченко, исследуя процесс произвольного запоминания, обратили внимание, что испытуемые вспоминают в большей степени то, что они делали, нежели то, что они думали. Даже в таких случаях, когда мысли вспоминались, они были связаны с действием испытуемого. Тогда психологи пришли к выводу: лучше всего запоминаются те действия, которые способствуют или препятствуют достижению цели. И далее: произвольно запоминается то, что влияет на достижение цели.

Казалось бы, этот чрезвычайно простой вывод должен сам по себе лечь в основу обучения! Но этого не происходит. Какую цель на занятиях перед нами ставит преподаватель? Запомнить, допустим, иностранное слово. Но это цель! Как же слово в таком случае будет произвольно запоминаться, если само является целью и процессом запоминания?! В таком случае, чем больше вы сосредотачиваете свои усилия на запоминании слов, тем меньше произвольности, больше волевых усилий, больше насилия над своей памятью, меньше эффективность запоминания. К тому же сильное желание запомнить близко от опасения забыть. А страхи, как известно, самореализуются...

Значит, для эффективного запоминания лучше ставить цель – интеллектуальной работы с материалом и с учетом его специфики, а не цель – запомнить. Иначе говоря, запоминание не должно быть

целью, а лишь средством, ведущим к достижению определённой цели. Так, например, при запоминании текста – цель – понять текст и составить план, если поймете и выделите главные мысли, то и запомните. При запоминании точной информации – цель – найти ассоциацию и придумать смешную историю, если найдете, с чем у вас связана эта информация и сами придумаете необычную историю, то, несомненно, запомните её. При запоминании образной (зрительной) информации – цель – оставить яркое впечатление и прокомментировать словами, т.е. если создадите яркое эмоционально-чувственное впечатление и опишете его своими словами, то запомните. Если нужно что-то запомнить ребенку, то цель – поиграть с определёнными условиями. При запоминании иностранных слов – цель – поиск “связки” созвучного русского слова с переводом.

Принцип, что запоминание не должно быть целью, положен в основу многих методов изучения иностранных языков. Например, в ритмическом методе главная цель не запомнить иностранное слово, а повторить его в определённом ритме под мелодию (вспомните, особенно те, кто увлекается зарубежными ансамблями, как легко запоминаются слова песен при полном их исполнении). В сублимационном методе (в котором на человека оказывают воздействие с надпороговой скоростью восприятия) цель заключается также не в запоминании, а в умении сосредоточиться на воспроизведении и т.д. Запоминание как цель отсутствует и в методе, основанном на имитации какой – либо деятельности. Например, перед учениками ставится задача накрыть на стол и дается словарь необходимых слов. Соответствующее намерение, возникшее под воздействием цели, позволяет очень эффективно запомнить слова.

Итак, подведём итог всему сказанному. Для качественного произвольного запоминания важна “установка – запомнить!”, но лучше запоминается (иногда более чем в два раза!) материал при произвольном запоминании, когда целью является интеллектуальная работа с материалом.

Установка: “Запомнить и вспомнить!”

(Е. Е. Васильева. Суперпамять или как запомнить, чтобы вспомнить).

Ограничивающе-дополняющая скрепа «итак» (резюмируется текст).

Однако квантовое число спинового момента (s) в отличие от l может принимать лишь одно значение $s = \frac{1}{2}$ и тогда: $S = \sqrt{\frac{1}{2}(\frac{1}{2} + 1)} h = \sqrt{3/2}h$.

Итак, спиновый момент электрона или, короче, его спин равен $\sqrt{3/2}h$ (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика).

Ограничивающе-дополняющая скрепа «итак» (резюмируется ситуация).

1.5. Выполнение контрольного задания по уроку 1

Для выполнения контрольного задания подберите книгу научно-популярного характера. Примерный объём книги должен составлять 80–100 стр. или 200 000 знаков. Ориентировочное время на чтение книги 30 мин.

Напоминаем, что урок 1 – это базовый урок всей программы «Сатори», поэтому вам необходимо освоить ещё одну методику, которой вы будете пользоваться на протяжении всей программы «Сатори».

Когда вы научились определять объём книги и скорость чтения, подготовьте для контрольного чтения книгу научно-популярного характера и прочитайте её в режиме «Сатори».

Упражнение «Чтение в режиме «Сатори»: что это такое?»

Прежде чем приступить к чтению книги по контрольному заданию, вы должны настроиться на чтение в режиме «Сатори». Вы приготовили всё необходимое, у вас имеется: книга научно-популярного характера объёмом примерно 200 000 зн.; бланк отчёта по уроку для определения скорости чтения и ответов на вопросы; часы для фиксации времени чтения. Ещё вам понадобятся: мандала, подсветка, запись медитации, коврик.

Подготовка. Выполнить ритмическое дыхание йогов. Провести сеанс «ТМ—Сатори» под запись медитативной музыки. Сделать точечный самомассаж.

Порядок реализации. Сесть за стол, сохраняя состояние, в котором вы находитесь после сеанса «ТМ—Сатори», прочитать книгу в режиме «Сатори».

Фиксирование результатов чтения, В бланке отчёта по уроку № 1 проставить объем книги (Q)= _____ зн.

Зафиксировать время (t) чтения» _____ мин.

Записать в бланке отчёта только ваши ответы на вопросы в том порядке, в котором они даны в «Методике определения скорости чтения».

При затруднении ставить прочерк рядом с порядковым номером ответа.

Определить коэффициент понимания (к) _____.

Подсчитать скорость чтения книги в режиме «Сатори» и проставить в бланке.

$V =$ _____ зн./мин.

Итак, первая книга в режиме «Сатори» вами прочитана, бланк отчёта по уроку № 1 заполнен. Поскольку этот бланк вы отошлёте нам, то зафиксируйте для себя скорость чтения вашей первой книги по программе «Сатори» в «Графике изменения скорости чтения книга режиме «Сатори» (рис. 8), который вы начертите для себя и по которому будете следить за своими успехами, аналогично тому, как вы делали это в «Доминанте 2000-го года» по «Графику изменения скорости чтения» (О. А. Андреев. Техника тренировки памяти).

Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребёнка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семёновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из

трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребёнка во имя мученика Хоздазата. «Нет, – подумала покойница, – имена-то всё такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, – проговорила старуха, – какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы ещё Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Ещё перевертели страницу – вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий. Таким образом, произошёл Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили, причём он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. **Итак**, вот каким образом произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно (Н. В. Гоголь. Шинель).

Резюмирующе-развивающая скрепа «итак».

Чтобы превратить лёд в воду, надо затратить 332,43 Дж на 1 г, а для превращения такого же количества воды в пар требуется 2258,5 Дж. При обратных переходах – превращении пара в воду и воды в лёд – из каждого грамма воды выделяется эквивалентное количество тепла.

Итак, чтобы испарить воду, надо затратить огромное количество тепла. Уже известно, что часть солнечной энергии, поглощаемая гидросферой, затрачивается на испарение. Каждую минуту на испарение с поверхности океана уходит $2 \cdot 10^{18}$ Дж солнечной энергии. Но это тепло не потеряно для планеты. При конденсации пара в верхней части тропосферы тепло, затраченное на испарение, вновь выделяется. <...> (К. С. Лосев. Вода).

Практически оказалось, что инициируют синтез органических веществ многие не очень заметные, но широко распространённые и непрерывно действующие явления. Т. А. Айзатуллин, В. Л. Лебедев, и К. М. Хайлов отмечают, что на границе моря и суши есть самая обычная волноприбойная зона, где возможны сочетания самых необычных условий, необходимых для синтеза органических

веществ, начиная от возникновения атомарного водорода и кончая мощными катализаторами, концентрированными импульсами энергии и сверхактивными частицами вещества – свободными радикалами.

Итак, проблема естественного массового синтеза органического вещества была снята, но теперь стало очевидным, что мало синтезировать органическое вещество. Оно должно «научиться» саморепликации, воспроизведению. Оказалось, что в косной материи есть такие образцы саморепликации, как частицы глинистой взвеси, которые, находясь в воде, в то же время оказываются и частицами концентрации органического вещества, их активного синтеза и преобразования (К. С. Лосев. Вода).

Текстовая скрепа «итак» с функцией присоединения логического вывода-следствия

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что слово связано и с понятием, и с предметом (действительностью), но связь слова с понятием непосредственная, а с предметом – опосредованная (через понятие об этом предмете: предмет не может быть назван, минуя понятие о нём).

Итак, объективная действительность существует вне нашего сознания, независимо от нашего представления о ней. Она отражается в сознании человека в понятиях. Понятие как форма познания мира, как форма мышления носит общечеловеческий характер. Содержание понятий как отражение объективного мира одинаково для всех людей, независимо от того, на каком языке они говорят. (К.З. Закирьянов. Эквивалентность лексических единиц в русском и башкирском языках).

Текстовая скрепа «итак» с сигнальной функцией

Сигнал при формально выраженном правом контексте

Что же такое электрон? Как устроена эта частица, совмещающая в себе несовместимое? Вопрос этот до сих пор не получил ответа. В 1920 году, на заре квантовой механики, физики поставили перед собой задачу – построить механику микромира, т. е. найти законы,

определяющие движение электрона в различных уровнях, не прибегая к моделям, описывающим его структуру.

Итак, дано: микрообъект с отрицательным зарядом и определённой массой, совмещающий в себе каким-то образом свойства волны и частицы. Спрашивается, каковы особенности физического и математического описания движения такого объекта (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика).

Набор используемых АО называют базисным набором или просто базисом. Базисные функции предполагаются нормированными, но не обязательно ортогональными (если две АО центрированы на соседних атомах, то они могут быть и неортогональны). **Итак**, при заданном атомно-орбитальном базисе надо найти МО. Для этого нужно знать коэффициенты $c_{\mu i}$. В 1951 г. К. Рутан получил систему нелинейных уравнений для определения этих коэффициентов и молекулярно-орбитальных энергий, носящую ныне его имя. Не останавливаясь на выводе этих уравнений, приведём только их вид для случая молекулярных систем с замкнутыми оболочками, когда каждая МО занята двумя электронами с противоположными спиновыми моментами и полный спин такой системы равен нулю (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика).

РАСПИСАНИЕ ДНЯ

Расписание дня запоминается тоже довольно просто. Достаточно составить список дел и рядом с каждым делом поставить время.

Например:

Встреча с Михаилом Анатольевичем – 10.00

Сделать звонок Константину – 12.30

Забрать картриджи – 15.00

Купить цветы – 16.30

Ужин с Мариной – 19.00

Полагаем, что теперь этот список не вызовет у вас страха. **Итак**, представляем Михаила Анатольевича в том месте, где вы договорились о встрече. А теперь «даём» ему книгу (10). Хорошо

представляем эту «картинку» и произносим: «Встреча с Михаилом Анатольевичем в 10. 00».

А теперь представляем Константина, разговаривающего по телефону. Видим, как блестит кольцо на его шее, а вместо стула он сидит на троне (30).

Как видите, все очень просто! Вы уже умеете запоминать любую числовую информацию, и мы радуемся успеху вместе с вами.

Поздравляем! (Е. Е. Васильева. Секреты запоминания чисел).

Сигнал при формально невыраженном правом контексте.

Предпринятое впервые исследование типов взаимоотношений метатекстового и базового компонентов текста позволяет осознать тот факт, что в сознании Говорящего существует образ текста, который адресант в силу своей текстовой и коммуникативной компетенции воплощает в речемыслительном произведении. У нас складывается представление о текстовой компетенции идеального Говорящего, а главное, образ текста, который существует в языковом сознании данного лингвокультурного коллектива, если мы опираемся на корпус идеальных текстов, содержащих развёрнутый метатекст.

Итак, предлагаемая монография выполнена в рамках коммуникативной парадигмы, а точнее, представляет актуальное для рубежа XX – XXI вв. направление исследования, которое, как отмечает А. А. Чувакин, «связано с исследованием текста и как продукта коммуникативной деятельности говорящего, и как объекта коммуникативной деятельности слушающего. Если «продуктивный» аспект традиционных для филологии текстов во многом описан литературоведением, журналистикой, лингвистикой и др., а также, в своём отношении, риторикой, то теория «объектной» стороны текста ещё начинает формироваться» (Н. П. Перфильева. Метатекст в аспекте текстовых категорий).

Приложение 2. Примеры неудачного использования «таким образом» и «итак»

1) Случаи отклонения от нормативного использования текстовой скрепы «таким образом»

Как показали наблюдения, ошибки при употреблении текстовой скрепы «таким образом» в основном связаны с её неоправданным повтором в двух и даже более предложениях подряд или в нескольких идущих подряд абзацах. Такие случаи, несмотря на очевидность возникающей речевой ошибки, не являются редкостью.

Слово в общении – главным образом только внешняя сторона речи, причём предполагалось, что звук сам по себе способен ассоциироваться с любым переживанием, с любым содержанием психической жизни и в силу этого передавать или сообщать это содержание или это переживание другому человеку. Между тем, более тонкое изучение проблемы общения, процессов понимания и развития их в детском возрасте привело исследователей к совершенно другому выводу. Оказалось, что так же, как невозможно общение без знаков, оно невозможно и без значения. Для того чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это, как мы уже знаем, непременно требует обобщения. Таким образом, оказывается, что общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения, т.е. обобщение становится возможным при развитии общения. Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность (Л. С. Выготский. Мышление и речь). В данном контексте первый элемент является резюме, дополняющим сказанное выше, 2-й – присоединяет следствие, и проблема могла бы быть снята простой заменой второго «таким образом» на слово «следовательно».

Эгоцентрическая речь и есть переходная форма от речи внешней к речи внутренней; вот почему она представляет такой огромный теоретический интерес.

Вся схема в целом принимает, следовательно, такой вид: социальная речь – эгоцентрическая речь – внутренняя речь. Эту схему с точки зрения последовательности образующих её моментов мы можем противопоставить, с одной стороны, традиционной теории образования внутренней речи, которая намечает такую последовательность моментов: внешняя речь – шепот – внутренняя речь, а с другой – схеме Пиаже, которая намечает следующую генетическую последовательность основных моментов в развитии речевого логического мышления: внеречевое аутистическое мышление – эгоцентрическая речь и эгоцентрическое мышление – социализированная речь и логическое мышление.

Первую из этих схем мы привели только для того, чтобы показать, что, в сущности говоря, она методологически оказывается в высшей степени родственной схеме Пиаже при всей чуждости фактического содержания этих обеих формул. Подобно тому, как автор этой формулы Д. Уотсон предполагает, что переход от внешней речи к внутренней должен совершаться путём промежуточной ступени, через шепот, так Пиаже намечает переход от аутистической формы мысли к логической путём промежуточной ступени – через эгоцентрическую речь и эгоцентрическое мышление.

Таким образом, один и тот же пункт в развитии мышления ребёнка, обозначаемый нами как эгоцентрическая речь ребёнка, представляется с точки зрения этих схем лежащим на двух совершенно различных трактах детского развития. Для Пиаже это переходная ступень от аутизма к логике, от интимно-индивидуального к социальному, для нас это переходная форма от внешней речи к внутренней, от социальной речи к индивидуальной, в том числе и к артистическому речевому мышлению.

Мы видим, таким образом, до какой степени различной рисуется картина развития в зависимости от различного понимания

того пункта, исходя из которого, мы пытаемся восстановить всю картину в целом.

*Мы можем сформулировать, **таким образом**, основной вопрос, перед которым мы очутились в ходе нашего рассуждения, следующим образом. Как идёт процесс развития детского мышления: от аутизма, от миражного воображения, от логики сновидения к социализированной речи и логическому мышлению, переваливая в своём критическом пункте через эгоцентрическую речь, или процесс развития идёт обратным путём: от социальной речи ребёнка через перевал его эгоцентрической речи к его внутренней речи и мышлению (в том числе и аутентическому)? (Л. С. Выготский. Мышление и речь). Здесь случае «таким образом» употреблено в первых предложениях идущих друг за другом трёх абзацев. В первом случае «таким образом» тождественно слову «следовательно» (устранить ошибку можно было соответствующей заменой), во втором и третьем случае – мы имеем дело с резюмирующей функцией, причём можно наблюдать неоправданный, на наш взгляд, параллелизм конструкций (неоправданность связана с соотнесённостью этих двух абзацев с разными смысловыми блоками текста).*

В развитом языке, который является системой кодов, слово не только выделяет признак и не только обобщает вещь, относя её к определённой категории, она производит автоматическую и незаметную для человека работу по анализу предмета, передавая ему опыт поколений, который сложился в отношении этого предмета в истории общества.

Покажем это только на одном примере. Слово «чернильница» прежде всего обозначает определённый предмет, относит слушающего к одному конкретному предмету, например к чернильнице, стоящей на столе. Но это слово выделяет в этом предмете существенные признаки, обобщает предметы, т. е. обозначает любую чернильницу, из чего бы она ни была сделана и какую бы форму она ни имела. Однако это ещё не всё. Разберём, что именно человек передаёт, когда говорит слово «чернильница».

Слово «чернильница» имеет корень, а этот корень «черн-» выделяет определённый признак, он указывает, что этот предмет связан с какой-то краской, следовательно, этот признак вводит предмет в определённую категорию предметов, которые имеют дело с цветом (чёрный, красный, зелёный и т. д.). Значит, эта чернильница есть какой-то предмет, который имеет отношение к краске, к цвету.

Но слово «чернильница» рядом с корнем «черн-» имеет и суффикс «-ил-», который вводит этот предмет в другую категорию. Он обозначает некоторую орудийность (чернила, белила, шило, мотовило), т. е. предмет, который служит орудием для чего-то. Тем самым суффикс «-ил-» вводит слово в ещё одну категорию, уже не имеющую отношения к цвету, а имеющую отношение к орудийности, и это насаждает на слово «чернильница» ещё один признак, указывая, что названный предмет, имеющий отношение к краскам, имеет и «орудийное» значение.

Однако слово «чернильница» имеет и второй суффикс «-ниц-», который вводит этот предмет ещё в одну категорию, т. е. он относит этот предмет к категории вместилниц (чернильница, сахарница, пепельница, перечница). Таким образом, когда человек говорит «чернильница», он не только указывает на определённый предмет, он анализирует те системы связей, категорий, в которые этот предмет входит. Тем самым через слово передаётся весь опыт поколений, который был накоплен в отношении чернильницы: становится ясным, что это – вещь, имеющая отношение к краскам, орудийности и вместилнице. Таким образом, называя предмет, человек анализирует его, причём делает это не на основании конкретного собственного опыта, а передаёт опыт, накопленный в общественной истории в отношении его функций, и передаёт, таким образом, систему общественно упрочившихся знаний о функциях этого предмета (А. Р. Лурия. Язык и сознание). Здесь «таким образом» употребляется в одном абзаце 3 раза, причём 2 раза в одном предложении, где во втором случае оно может быть заменено словом «следовательно», а в третьем мы, скорее всего, имеем дело с наречным

оборотом, употребление которого сопровождается и пунктуационной ошибкой. Хотя случаи невозможности чёткого разграничения наречного оборота и текстовой скрепы, как отмечалось выше, тоже возможны. Именно с неразграничением текстовой скрепы и наречного оборота связана вторая группа ошибок при употреблении «таким образом», что было проиллюстрировано и в других примерах выше.

2) Случаи отклонения от нормативного использования слова «итак»

Как показали наблюдения, данное слово не вызывает пунктуационных ошибок в литературном языке, что, очевидно, связано с относительно большим временем его использования исключительно в служебной функции и завершением всех активных процессов в этой области. Ошибки связаны, как и случае со скрепой «таким образом», во-первых, с неоправданными повторами, а во-вторых, с нарушением логических связей между частями текста, соединяемыми скрепой.

В статье, во-первых, неоднократно встречается мысль об обязательной корреляции собственно текста и метатекста в рамках целого текста: «Очевидно, что метатекст очень тесно связан с самим текстом. Эти две ленты скоррелированы между собой. Откуда бы мы знали, о каком “сейчас” идёт речь, о каких “затем”, “это”, о “примере” чего, если бы мы пытались интерпретировать ленту с метатекстом независимо от ленты с собственно текстом?».

Во-вторых, эта мысль закономерно продолжается и в высказывании о компонентной структуре текста: «...метатекстовый компонент или комментарий к собственному тексту занимает в семантической записи предшествующее или последующее место по отношению к основному компоненту...»

Итак, текст, с одной стороны, будучи целым, с другой стороны имеет бинарную структуру: базовая часть/компонент текста <...> и метатекстовый компонент текста, или метатекст. Заметим, что А. Вежбицкая в своей статье использует различные номинации исследуемого явления, но самым удачным мы считаем

термин метатекстовый компонент, поскольку он ассоциативно связывает представления о компонентном содержательном устройстве текста и о семной структуре слова. Сама А. Вежбицкая определяет метатекстовый компонент как «незаполненную рамку», «оставляющую место для основного высказывания», и допускает, что он может быть как обязательным, так и факультативным: «иногда метатекстовые нити можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет».

Итак, проблема (двухтекст или тесно спаянное целое?), которую А. Вежбицкая наметила в статье, решается в коммуникативно-прагматической парадигме. С точки зрения Говорящего, любой воспроизводимый им текст – это органичное целое, включающее два компонента: базовую часть, несущую основную информацию высказывания, и метатекст комментирующий языковые, пространственно-композиционные и другие особенности самого высказывания. А с точки зрения Адресата, высказывание – двухтекст, гетерогенная структура включающая текст Говорящего и интерпретативный компонент принадлежащий слушающему и касающийся речементальной деятельности Говорящего. Заметим, что такой подход А. Вежбицкой приближается к толкованию метатекста, по К. Мамгрелу, и к позиции В. Изера (Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий). Здесь, как видим, слово «итак» употреблено в двух идущих друг за другом абзацах, причём в разных функциях – присоединения логического вывода-следствия и в резюмирующей. Ошибка могла быть легко устранена простой заменой «итак» на «следовательно» в первом случае. Ту же самую ошибку можно видеть и следующем примере с тем только отличием, что в первом случае «итак» употреблено в последнем предложении абзаца и начинает первое предложение следующего.

Адресат высказывания получает сигнал о повороте от основной линии развертывания информации, но впрочем, обычно вводит линейный сегмент, который по протяженности представляет

собой временное отклонение и позволяет вернуться к основной, значит, более или наиболее важной, линии теста, ходу рассуждения и т.д. **Итак**, левая часть текста, предложения – это основной ход размышления Говорящего, а правая, маркируемая, часть – побочная линия (замечание по ассоциации, попутное замечание), второстепенный сюжет или иное отклонение в сторону.

Итак, при вертикальном членении между компонентами текста также, как правило, устанавливаются иерархические отношения – основное/неосновное (дополнительное). Говорящий ранжирует информацию, иначе говоря, устанавливает иерархические отношения между какими-то фрагментами, блоками, частями текста, по-разному (Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий).

Ошибки, связанные с нарушением логических связей между соединяемыми скрепой частями текста, особенно ярко проявляются при подаче фактического и числового материала.

Для всей группы (и полезависимых, и полenezависимых) было присуще следующее. Примерно 26% участников эксперимента возвратились по мере времени (в течение года) к прежнему уровню стилевого функционирования. Пятьдесят процентов респондентов существенно изменили свой прежний когнитивный стиль (в 2 и более раза) после однократного его изменения через активизацию их мыслительных процессов. Около 24%, хотя и изменили свой начальный стиль, но эти подвижки не были столь существенными.

Самым важным нам представляется то, что стилевые изменения, произошедшие в мыслительном процессе, остаются надолго, правда, не во всех случаях. Таким образом, можно уже сейчас сделать предварительный вывод, что существуют различные типы личности: один из них надолго сохраняет изменения когнитивного стиля (и собственных черт вообще); представители другого типа оказываются неспособными к удержанию в течение длительного времени стилевых изменений. Можно выделить и

промежуточные типы между крайними полюсами по степени устойчивости происходящих изменений личности.

Исходно полнезависимые испытуемые в нашем исследовании оказались в целом более восприимчивыми к изменениям стиля. Они в гораздо большей степени длительно удерживали изменения когнитивного стиля.

Внутри выборки исходно полнезависимых были субъекты, которые специфично сохраняли изменения стиля. Почти 16% испытуемых в итоге вернулись на прежний уровень стилового функционирования. Можно предположить, что их личностные подвижки в рамках полнезависимых форм поведения при решении перцептивных задач не были закреплены надолго и не ассимилированы в базовые личностные структуры. Пятьдесят шесть процентов респондентов изменили свой стиль более чем в два раза, т. е. их полнезависимость в нахождении простой фигуры в сложной значительно выросла. Около 28% полнезависимых участников продемонстрировали интересные, на наш взгляд, данные: стиль у них с течением времени постоянно улучшался, саморазвивался.

Итак, примерно 86% испытуемых из полнезависимых оказались способными к достаточно длительному сохранению когнитивного стиля после однократного его изменения. Эти изменения стиля были обусловлены развитием процессуальных компонентов их мышления. Следовательно, мышление является основой стойких подвижек личностных структур, которые могут сохраняться длительное время (В. В. Селиванов. Идеи С. Л. Рубинштейна о соотношении мышления и личности и их развитие). В данном примере в резюме фигурирует цифра «86%», которая не соотносится с приводимыми ранее числовыми данными. Возможно, это с округлением чисел, о чём свидетельствует фраза «Около 28%» в левом контексте, однако при непосредственном соотношении данных из левого и правого контекста это выглядит как фактическая ошибка, переходящая и в логическую.

Открытая познавательная позиция

Ещё одной формой метакогнитивного опыта является открытая познавательная позиция. Открытая познавательная позиция предполагает особый тип познавательного отношения к миру, при котором индивидуальное умозрение отличается вариативностью и разнообразием субъективных способов осмысления одного и того же события, а также адекватной восприимчивостью по отношению к необычным, в том числе потенциально психотравматичным аспектам происходящего.

О сформированности открытой познавательной позиции можно судить по ряду специфических состояний индивидуального ума:

1. Осознание возможности множества разнообразных мысленных "взглядов" на одно и то же явление.

2. Готовность использовать разные способы описания и анализа того или иного явления. В том числе способность произвольно переходить от одного способа к другому (от логико-аналитического – к образному, от интуитивно-ассоциативного – к алгоритмическому, от действенно-практического – к игровому и т.д.).

3. Осознание необходимости учёта точки зрения другого человека, а также способность синтезировать разные познавательные позиции в условиях диалога с другими людьми.

4. Особое отношение к парадоксам и противоречиям, связанное с готовностью принимать любые необычные сведения без каких-либо субъективных защитных искажений.

5. Относительный характер индивидуальных суждений, проявляющийся в возможности, с одной стороны, соглашаться с явно различающимися по своему содержанию источниками информации и, с другой стороны, сомневаться в, казалось бы, очевидном и бесспорном источнике информации. Вспомним притчу о мудреце, к которому пришли для разрешения своего спора два человека. Внимательно выслушав одного, мудрец заявил: "Ты прав, уважаемый!" После этого, столь же внимательно выслушав прямо противоположные аргументы другого, мудрец изрек: "И ты прав,

уважаемый!" Когда же жена мудреца, не вытерпев, отчитала мужа за столь, на её взгляд, нелепое поведение, он и ей отвечивал: "И ты права, дорогая!"

б. Восприятие происходящего по принципу "возможно всё – даже то, что невозможно". Обычно, чем человек умнее, тем труднее его чем-либо удивить: даже самые невероятные события оказываются для него субъективно ожидаемыми.

Итак, ментальные структуры, образующие состав метакогнитивного опыта, являются психологической основой способности к интеллектуальной саморегуляции и, следовательно, условием продуктивного интеллектуального функционирования. Соответственно мера сформированности метакогнитивного опыта является свидетельством уровня интеллектуального развития личности.

В контексте обсуждаемого вопроса нельзя не отметить парадоксальность роли интеллектуальной рефлексии в системе интеллектуальной деятельности.

С одной стороны, способность к рефлексии позволяет человеку правильно оценивать ситуацию и принимать эффективные решения (Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования). В данном примере отсутствует какое-либо соотнесение как с правым, так и с левым контекстом. Судя по содержанию правого контекста, скрепа здесь должна была выполнять резюмирующую функцию, однако из-за слишком слабой содержательной корреляции левого и правого контекста эта функция не реализовалась.

Приложение 3. Лексикографическое описание текстовых скреп «таким образом» и «итак»

1) **Вокабула:** таким (-то) образом [тЛк'и'м (-ть) óбрьзьм].

2) **Типы употребления:**

- *Письменная речь не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных средств выражения. Она не предполагает ни знания ситуации адресатом, ни симпрактического контакта, она не располагает средствами жестов, мимики, интонации, пауз, которые играют роль «семантических маркеров» в монологической устной речи, и только частичным замещением этих последних являются приёмы выделения отдельных элементов излагаемого текста курсивом или абзацем. Таким образом, вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развёрнутых грамматических средств языка (А. Р. Лурия. Язык и сознание).*

- *Что такое буферная память? Из урока 2 вы уже знаете, что различают три типа зрительной памяти: иконическую, кратковременную и долговременную (см. рис.11). Как только мы воспринимаем какую-либо информацию, срабатывает механизм иконической памяти. Информация в виде образа-иконки поступает в буферную память и мгновенно запечатлевается. Затем происходит обработка информации в кратковременной памяти. Именно на этом этапе идёт интенсивный обмен информацией с рабочим буфером: известно или неизвестно об этом, читал или не читал, знаю или не знаю и т.д. И только то, что попадает в долговременную память, подлежит воспроизведению.*

Таким образом, буферная память – это промежуточный элемент между типами памяти и, к сожалению, у большинства людей работает слабо. А между тем поступившая в виде начальных ростков информация, будучи незакрепленной, может исчезнуть, уйти из нашего сознания. Надо активизировать работу буферной

памяти, продлить процесс запечатления (О. А. Андреев. Техника тренировки памяти, 79).

- Гидросфера, по-видимому, сильно повлияла на уход Земли с марсианского пути развития, т. е. разгоняющегося похолодания. При тонкой первичной атмосфере Земли, когда климат был суровым, уже возникшая гидросфера могла гасить избыток холода путём перекачки части воды на полюса в виде льда. Этот механизм стока холода на полюса действовал до тех пор, пока масса атмосферы не выросла в достаточной степени и в ней не накопились газы, обеспечивающие потепление за счёт тепличного эффекта. Такими газами были в первую очередь углекислый газ и водяной пар.

Резкое потепление, как это имело место на Венере за счёт чрезмерного роста тепличного эффекта, вначале, по-видимому, гасилось путём стока тепла на полюса, где оно затрачивалось на таяние ледниковых покровов, пополнявших первичную жидкую гидросферу. К тому времени в ней появилась жизнь и вместе с геохимическим начал действовать биохимический механизм изъятия углекислого газа из атмосферы и перевода его в осадочные толщи гидросферы.

На начальном этапе развития Земля, **таким образом**, балансировала между марсианским и венерианским путям эволюции гидросферы, но, не в последнюю очередь благодаря самой гидросфере, избрала свой собственный, земной путь (Лосев К. С. Вода).

- Было бы прекрасно, если бы человечество могло пользоваться хотя бы этим количеством, но, к сожалению, лишь 0,025 % пресных вод находится в жидком состоянии и в доступных для человечества сферах, 1,6 % сковано могучими льдами, а 4 % – подземные воды, которые не так-то легко поднять на поверхность, причём большая часть – это глубинные рассолы и только около 0,3 % – пресные подземные воды зоны активного водообмена. **Таким образом**, количество пресной воды в почве, в реках, озёрах и других водоёмах составляет всего лишь 360 тыс. км³ (0,025 %) – совсем скромная цифра по сравнению с общими запасами воды 1454300 тыс. км³

(100 %). Вот чем располагает человечество! (В. В. Синюков. Вода известная и неизвестная).

- «Эмоциональное мышление» классифицируется далее Майером на «аффективное» и «волевое». К первому автор относит эстетическое и религиозное мышление. Так, например, религиозные акты мысли, по Майеру, являются аффективными умозаключениями (а не познавательными процессами). Эти своеобразные умозаключения обладают следующими признаками: непосредственное оценивание известных фактов, вызванное желанием достигать известных благ и избегать известных зол, чувство зависимости по отношению к некоторому началу, импульс к осуществлению акта веры.

Таким образом, аффективное мышление, хотя и выделяется в качестве самостоятельного, получает лишь очень общую характеристику, трактуется как вид умозаключения. Следовательно, в работе Майера не только отсутствуют конкретные исследования эмоционального и аффективного мышления, но даже отсутствует их чёткое выделение из всего многообразия умственных процессов человека. Дальнейшая разработка проблемы «эмоционального мышления» связана с представлениями о «логике чувств», «аутистическом мышлении», для которых характерно противопоставление мышления и эмоциональных процессов (О. К. Тихомиров. Психологические исследования творческой деятельности, 17).

- Экспериментальный анализ образования понятий неизбежно приводит нас вплотную к функциональному и генетическому анализу. Мы должны попытаться вслед за морфологическим анализом сблизить найденные нами главнейшие формы комплексного мышления с реально встречающимися в процессе детского развития формами мышления. Мы должны ввести историческую перспективу, генетическую точку зрения в экспериментальный анализ. С другой стороны, мы должны осветить реальный ход развития детского мышления с помощью добытых нами в процессе экспериментального анализа данных. Это сближение экспериментального и генетического анализа, эксперимента и действительности неизбежно

приводит нас от морфологического анализа комплексного мышления к исследованию комплексов в действии, в их реальном функциональном значении, в их реальной генетической структуре.

*Перед нами раскрывается, **таким образом**, задача сближения морфологического и функционального, экспериментального и генетического анализа. Мы должны проверить фактами реального развития данные экспериментального анализа и осветить действительный ход развития понятий с помощью этих данных (Л. С. Выготский. Мышление и речь).*

3) Омонимия: различаются омонимичные употребления с наречным оборотом (имеют соответствующие интонационные и пунктуационные отличия). *Слова размещены на фигурах **таким образом**, что каждое слово помещено на фигурах, относящихся к одному и тому же общему экспериментальному понятию, обозначаемому данным слово (Л. С. Выготский. Мышление и речь).*

4) Морфологическая структура: двухэлементная (состоит из прилагательного местоименной семантики и существительного в формах творительного падежа), с контактным расположением элементов.

5) Значение: базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов: «именно этот, подобный этому или тому, о котором говорили» (такой) и «внешний вид, облик, который возникает в чьей-либо памяти, воображении» (образ). Основную семантическую нагрузку несёт первый элемент (такой): он содержит главный компонент значения «о котором говорили», второй элемент (образом) значительно десемантизируется и лишь усиливает, уточняет значение первого. Анафорический компонент «о котором говорили» проявляет себя как своеобразный инвариант, формирующий релятивные функции скрепы.

6) Функционально-семантический тип 1: функция логического вывода-следствия: скрепа апеллирует к сознанию адресата, заставляя его соотносить левый и правый контексты и делать вывод (содержится в правом контексте скрепы) совместно с автором (соучастие автора и адресата в получении новой информации).

Магний в избытке присутствует во всех зелёных растениях. Они же служат хорошим источником кальция и калия. Молочные продукты содержат в благоприятном сочетании все три элемента. Особенно богат ими творог.

Таким образом, обилие молока, молочных продуктов и свежей зелени в рационе позволит вам без долгих подсчётов получить нужные микроэлементы. А дальше положитесь на организм: используя все свои внутренние механизмы, он постарается удерживать артериальное давление в пределах нормы. Главное – ему не мешать (Здоровье. 2003. Май. № 8).

7) Функционально-семантический тип 2: резюмирующая функция: скрепа апеллирует к сознанию адресата, заставляя его соотносить левый и правый контексты и вспоминать самую важную информацию из левого контекста, которая полностью или в сжатой форме повторяется в правом. *Нам предстоит раньше всего посмотреть, в чём заключается этот эгоцентрический характер детского мышления и в какой связи он стоит со всеми остальными особенностями, составляющими в совокупности качественное своеобразие детской мысли по сравнению с мыслью взрослого человека. Пиаже определяет эгоцентрическую мысль как переходную, промежуточную форму мышления, располагающуюся с генетической, функциональной и структурной точки зрения между аутистической мыслью и направленным разумным мышлением. Это, таким образом, переходная ступень, связующее генетическое звено, промежуточное образование в истории развития мышления (Л. С. Выготский. Мышление и речь).*

8) Сфера действия: фактически не имеет ограничений объёма левого и правого контекстов, контекст данной скрепы может быть любым – от двух высказываний, оформленных в одно предложение, до целого текста (например, книги).

- *Каждая карточка предъявлялась в псевдослучайной последовательности 4 раза; таким образом, каждая карточка была представлена вектором из 12 оценок (12 выбранных стимульных*

образцов, сочетающих фигуры и текстуры) (Е. П. Никитина. Образ предмета и процесс логической категоризации, 302).

• [Выше (3 страницы, 16 абзацев) рассказывается о том, что в 1916 году известный физик П. Дебай и его коллега П. Шерер, исследуя различные жидкости, обнаружили наличие в них структуры, названной позже ближним порядком и сближающих их по строению с порошками; далее говорится о более позднем развитии этих идей]. Таким образом, получается, что именно в 1916 году были разработаны принципиально новые представления о строении жидкостей. Рентгеноструктурный анализ показал, что жидкости существенно отличаются от газов, поскольку в размещении частиц, составляющих жидкость, наблюдается некоторая регулярность, – ближний порядок (В. В. Синюков. Вода известная и неизвестная).

9) Функционирование в рамках одного высказывания; типы конструкций: нет.

10) Функционирование в качестве скрепы-фразы: нет.

11) Интонация: выделяется паузой (паузами внутри высказывания).

12) Пунктуация: в начале высказывания отделяется запятой, в середине высказывания выделяется запятыми.

13) Библиографические сведения: «Употребляется для придания высказыванию значения вывода, логического следствия из того, что утверждалось ранее или из сложившейся ситуации» [Морковкин 2002: 338]; «Употребляется для выражения заключения» [Рогожникова 2003: 219].

1) Вокабула: итак [итáк].

2) Типы употребления:

1) • – *Позвольте же, позвольте же только рассказать вам, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапел истоар, – говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить,*

что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нём во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всём том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. **Итак**, станем продолжать по-русски (Н. В. Гоголь. Мёртвые души).

- Оказывается, как сильный шум, так и полная тишина являются сильными раздражителями и одинаково отрицательно сказываются на работоспособности. Экспериментально доказано, что устранение слабых раздражителей, создание идеальных условий тишины приводит к снижению производительности умственной деятельности. Идеальная тишина действует угнетающе, мешает сосредоточиться, вызывает чувство беспокойства или, наоборот, сонливость.

Итак, помехи нужны. Но какие? Вероятно, это тихая, приятная музыка, тиканье часов, шорох читального зала. Эти помехи вы не замечаете, они не мешают вам сосредоточиться. В помещении должен присутствовать определённый шумовой фон – около 25 децибел. (Для сравнения можно взять шум пишущей машинки, равный 50 децибелам) (Е. Е. Васильева. Секреты запоминания чисел).

2) • Эксплицитные вставки имеют маркеры в виде каких-либо вербальных и / или невербальных знаков (слов, знаков препинания), сигнализирующих о нарушении линейных отношений в тексте, и в зависимости от природы этих знаков распределяются на вербальные и невербальные пунктуационные. **Итак**, вставки могут быть как вербальные, так и невербальные (Н. П. Перфильева. Метатекст в аспекте текстовых категорий).

- Математический аппарат квантовой механики построен таким образом, что экспериментально наблюдаемыми значениями физической величины могут быть только собственные значения

уравнения (21), а волновыми функциями системы – только фигурирующие в этом уравнении собственные функции оператора \hat{L} . Чтобы это условие выполнилось, \hat{L} должен обладать определенными свойствами, а именно он должен быть линейным и самосопряжённым (эрмитовым).

Итак, квантовомеханические операторы физических величин должны быть линейными и эрмитовыми (И. С. Дмитриев. Электрон глазами химика).

3) • Что касается Олимпиады, то, если вы заметили, оды мы вообще никому и никогда не поём. Но всё равно спасибо вам за спасибо. А если в нашем пространном тексте авторское отношение к этому строительству выражено для вас не совсем ясно, то попробую ещё раз. **Итак**, вот оно: «Можно спорить о том, нужна ли нам Олимпиада. Но поскольку Россия взялась в это дело, сделать его нужно качественно, в срок и с наименьшим ущербом для людей, экологии и репутации страны. И очень хорошо, что это пока худо-бедно, а получается». Только без обид, ладно? (Русский репортёр. – 2010. – 11–18 февраля. – №5 (133). Дискуссия. Птица-стройка).

• Здесь, как бы это сказать, на жизнь взгляд со стороны, а потому абсолютно всё про неё известно. Любой желающий может взять в здешней спецбиблиотеке спецкнигу и прочитать в ней всё и обо всех. Под расписку, конечно... Но поскольку вы – товарищ проверенный и планируете весьма своевременную акцию, мы здесь посоветовались и решили на ваши вопросы ответить. В определённых пределах, разумеется, но ответить.

Итак?

– А вот, например, – Эдуард Вилорович задумался и сглотнул, – вы с товарищем маршалом родня или нет? Например... Потому что он Устинович, а вы тоже Устин, извиняюсь... Просто к примеру... Или вот Анна Семёновна...

– Понятно, – Балконский задумчиво улыбнулся, понятно... Ну, майор, хорошо, готовься слушать. Ты слышал, что все люди – братья?

– Ну... в общем... – Добролюбов замялся. – По классу и вообще... Свобода, равенство, мир, труд... [Следующие полторы страницы занимают вопросы и ответы на них]. (Кабаков А. А. Из жизни мёртвых).

4). *Предпринятое впервые исследование типов взаимоотношений метатекстового и базового компонентов текста позволяет осознать тот факт, что в сознании Говорящего существует образ текста, который адресант в силу своей текстовой и коммуникативной компетенции воплощает в речемыслительном произведении. У нас складывается представление о текстовой компетенции идеального Говорящего, а главное, образ текста, который существует в языковом сознании данного лингвокультурного коллектива, если мы опираемся на корпус идеальных текстов, содержащих развёрнутый метатекст.*

Итак, предлагаемая монография выполнена в рамках коммуникативной парадигмы, а точнее, представляет актуальное для рубежа XX – XXI вв. направление исследования, которое, как отмечает А. А. Чувакин, «связано с исследованием текста и как продукта коммуникативной деятельности говорящего, и как объекта коммуникативной деятельности слушающего. Если «продуктивный» аспект традиционных для филологии текстов во многом описан литературоведением, журналистикой, лингвистикой и др., а также, в своём отношении, риторикой, то теория «объектной» стороны текста ещё начинает формироваться» (Н. П. Перфильева. Метатекст в тексте).

3) Омонимия: нет.

4) Морфологическая структура: одноэлементная.

5) Значение: базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов: значение следования (союз «и») и «именно таким образом, не как-нибудь иначе» (слово «так»). В результате слияния этих компонентов сформировалось инвариантное значение "то, на что нужно обратить внимание", предполагающее как анафорическую, так и катафорическую направленность.

б) Функционально-семантический тип 1: функция логического вывода-следствия: скрепа апеллирует к сознанию адресата, заставляя его соотносить левый и правый контексты и делать вывод (содержится в правом контексте скрепы) совместно с автором (соучастие автора и адресата в получении новой информации).

*Марья Ивановна Гоголь была проницательнее биографов. Она была женщина умная, знала сына и сама любила когда-то своего Василья Афанасьевича. Она помнила, как он играл ей за речкой нежные мелодии и писал любовные письма. Напыщенный, неискренний и холодный стиль в письме сына не мог обмануть её: это, очевидно, не любовь к живой женщине, а что-то другое. Что же именно? Просто попытка объяснения того обстоятельства, что опекунские деньги самовольно употреблены на поездку за границу. Зачем? Марья Ивановна знала, что за границу ездят лечиться. Петербург – город соблазнительный. **Итак**, её сын поехал лечиться от... дурной болезни.*

Как это часто случается с умными и практическими людьми, Марья Ивановна превосходно угадала очень многое. Но вывод сделала грубо ошибочный: ответное письмо матери поразило сына как громом (В. Г. Короленко. Трагедия великого юмориста).

7) Функционально-семантический тип 2: резюмирующая функция: скрепа апеллирует к сознанию адресата, заставляя его соотносить левый и правый контексты и вспоминать самую важную информацию из левого контекста, которая полностью или в сжатой форме повторяется в правом.

А в это время сам автор чувствовал себя угнетённым и подавленным... неудачей «Ревизора»... Правда, он заметил статью Белинского, и в своём «Театральном разъезде», защищаясь против нападок, он приводит в числе других и мысль Белинского о благородном смехе. Но в глубине его души были недовольство и тоска. В письме к Пушкину Гоголь винит в своём настроении «соотечественников»: «Я устал душою и телом. Клянусь, никто не знает и не видит моих страданий». И в другом: «Еду за границу, там

размыкать тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен быть подальше от своей родины». Но в материалах Шенрока приведено письмо к «одному литератору», написанное по поводу первого представления, и в нём Гоголь так изображает своё нравственное состояние: «С самого начала... я уже сидел в театре скучный. О восторге и приёме публики я не заботился. Одного только судьи из всех бывших в театре я боялся, и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упрёки и ропот против своей же пьесы, которые заглушали все другие...»

Итак, «единственный судья» осудил пьесу, вокруг которой закипела борьба старой и новой Руси. В споре друзей и врагов своего гениального произведения Гоголь, после некоторых колебаний, склонился... на сторону врагов (В. Г. Короленко. Трагедия великого юмориста).

8) Функционально-семантический тип 3: скрепа апеллирует к сознанию адресата и заставляет обратить внимание на то, о чём говорится дальше, а к левому контексту отсылает лишь с целью напомнить, о чём вообще идёт речь в правом контексте.

*Что касается Олимпиады, то, если вы заметили, оды мы вообще никому и никогда не поём. Но всё равно спасибо вам за спасибо. А если в нашем пространном тексте авторское отношение к этому строительству выражено для вас не совсем ясно, то попробую ещё раз. **Итак**, вот оно: «Можно спорить о том, нужна ли нам Олимпиада. Но поскольку Россия ввязалась в это дело, сделать его нужно качественно, в срок и с наименьшим ущербом для людей, экологии и репутации страны. И очень хорошо, что это пока худо-бедно, а получается». Только без обид, ладно? (Русский репортёр. 2010. №5).*

9) Функционально-семантический тип 4: содержание правого контекста связано с определённой ситуацией, которая имела место ранее, до того, как появилось данное утверждение. Компонент значения, выражающий отношения следования сохраняется, но

«итак» выступает как дискурсивное слово, апеллирующее к сознанию адресата и отсылающее его к имевшей место в прошлом ситуации, т. е. к дискурсу в широком понимании (ситуации, которая реализуется в тексте). Наблюдается формальное отсутствие левого контекста.

MICHAEL HALTMAN

Итак, Президент Обама, за последнюю неделю вы сделали больше, чем за предыдущие два с лишним года президентства. Но не забывайте, что до убийства бен Ладена вы вели слабую и неадекватную политику на Ближнем Востоке, и граждане вашей страны не хотят её продолжения! (Русский репортёр. 2011. №19).

10) Сфера действия: от двух высказываний до целого текста, при сигнальной функции правый контекст полностью отсутствует.

- *Предметом метаязыковой деятельности могут стать языковые процессы в какую-то определённую эпоху или язык какой-то языковой личности, тогда как метатекст – это результат метаязыковой деятельности Говорящего применительно к данному конкретному тексту и его компонентам (частям, высказываниям, словам, фразеологизмам).*

Итак, сферой действия метатекста может быть и макротекст, и текст (высказывание по М.Бахтину), однако в рамках данной работы мы ограничиваем сферу действия метатекста, как А. Вежбицкая, поскольку исследуем текст (Н. П. Перфильева. Метатекст в аспекте текстовых категорий).

- *[Резюме завершает главу объёмом 23 страницы]. Итак, мы, наконец, завершили анализ различных направлений экспериментально-психологических исследований интеллекта. Нельзя не заметить, что эти направления формировались и развивались в режиме преемственности и дополнительности по отношению друг к другу. Так, некоторые экспериментально-психологические подходы возникли в качестве реакции на противоречия тестологических теорий интеллекта либо в качестве попытки объяснить индивидуальные различия в результатах тестового исполнения. В свою очередь, среди экспериментально-психологических теорий интеллекта существуют*

взаимопересечения и взаимовлияния. Например, в культурно-исторической теории Л.С. Выготского природа мышления (интеллекта) рассматривается с позиций генетического подхода. Образовательный подход, отмечая роль обучения в развитии интеллекта, тем самым выводит на первый план проблему культурных факторов интеллектуального развития. Теория ментального самоуправления Р. Стернберга сформировалась на основе учёта фактов, полученных в ходе информационных и социо-культурных исследований интеллекта, и т.д.

Все рассмотренные нами подходы являются мощными теоретическими течениями с чрезвычайно богатой и блестяще разработанной эмпирической базой, все они связаны с именами известных отечественных и зарубежных ученых-психологов, чьи заслуги в изучении интеллекта огромны и неоспоримы. В этом плане, с моей точки зрения, занимать критическую позицию по отношению к любому из вышеизложенных учений бессмысленно, ибо полученные в рамках каждого подхода теоретические и эмпирические результаты являются безусловно верными – в той мере, в какой вообще можно считать верными научные знания на некоторой стадии их накопления.

Важно другое [Далее резюме развёртывается ещё на страницу]. (М. А. Холодная. Психология интеллекта: парадоксы исследования).

• **Жизнь как религия**

Мы уже чувствуем, что настало время для решающего вопроса:

– **Итак, есть ли жизнь на Марсе?**

Жизнь на Марсе – факт доказанный, – безо всякой иронии отвечает Викрамасингх. – Это произошло в 1976 году, когда мой друг Гил Левин был главой экспериментальной комиссии по исследованию Марса...

Напомним, что тогда на Марс сели два аппарата – «Викинг-1» и «Викинг-2». Они должны были провести серию экспериментов по обнаружению органики в местном грунте. – Сначала они взяли пробу

грунта, – рассказывает Викрамасингх, – превратили её в нечто вроде рассады, удобрили радиоактивными элементами и получили цепочку углеродного типа. Это открывает дорогу жизни. Во втором эксперименте на выделяющиеся с поверхности газы посмотрели через масс-спектрометр и обнаружили характерные органические спектры. Были свидетельства даже некоторого. Тогда НАСА решило не слишком анонсировать эти данные. Официальные поиски жизни результатов не дали.

Современная наука уже признала, что в космосе полно органических соединений. Большинство биологов-теоретиков не отрицает возможности зарождения жизни вне Земли (Андреева О. Русский репортёр. – 2011. – 26 мая – 2 июня. – №20 (198). Вселенная, нашпигованная жизнью).

11) Функционирование в рамках одного высказывания; типы конструкций.

1) Относится к числу наиболее ярких показателей метатекста (группа метапоказателей логического вывода). Скрепка задействуется в осознании автором и/или адресатом содержания сказанного.

2) Текстовый оператор: даёт сигнал о вводе в текст новой информации, функция заострения внимания на ней (правый контекст содержательно соотносится не с формально выраженным левым, а с определённой ситуацией, которая в тексте не выражена).

ВИЖУ ЦЕЛЬ – НЕ ВИЖУ ПРЕГРАДЫ!

Эта фраза очень помогает при достижении цели развития памяти, повышения интеллектуального уровня, самопознания, высвобождения скрытых возможностей, заложенных в каждом человеке.

Итак, приступайте к освоению программы урока 1. Своими чёткими лаконичными рекомендациями мы постараемся помочь вам в этом.

Последующие уроки программы «Сатори» вам покажутся проще, так как урок 1 – самый сложный урок в программе (О. А. Андреев. Техника тренировки памяти).

3) Возможно функционирование в пределах одного предложения с выполнением функции «напоминания» после вставки неконструктивного типа (отмечается только в художественных текстах).

*Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, всё же хоть по бутылке мадеры придётся влить во всякую глотку), – **итак**, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок... (Н. В. Гоголь. Мёртвые души). Мужчина – а не Профосов ли была его фамилия? да нет, вряд ли – **итак**, мужчина присмотрелся, взгляд его стал внимательным, как у завуча на педсовете, и, минуту подумав, он доброжелательно спросил у носившего к тому времени очки Кузнецова, сколько диоптрий (А. А. Кабаков. Странник).*

12) Функционирование в качестве скрепы-фразы: возможно (довольно часто выделяется в самостоятельное высказывание).

13) Интонация: позиция после паузы, знаменующей членение текста (для текстовой скрепы), интонация законченности (для скрепы-фразы).

14) Пунктуация: отделяется запятой, при функционировании в качестве скрепы-фразы выделено в самостоятельное высказывание.

Научное издание

Тюрин Павел Михайлович

**ТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ
ТАКИМ ОБРАЗОМ И ИТАК
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И СЕМАНТИКИ**

Монография

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е.П. Давыгора*

Подписано в печать 22.05.2016.

Формат 60×84 / 16. Усл. печ. л. 11,74. Уч.-изд. л. 10,36.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30). Заказ **xxx**.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10